

В.В. Гольберт

Я.В. Костюковский

В.Н. Прокопьев

Эксцесс коррупции

1. Вступление.

Ни для кого не секрет, что отношениями коррупции пронизаны все сферы социального взаимодействия в современной России. Коррупцию в различных её проявлениях можно считать проблемой №1 в том смысле, без её решения принципиально невозможно решить ни одной иной социальной, экономической, политической проблемы.

В некоторых кругах принято считать, что настоящий этап развития российского общества характеризуется продолжением реформ и процессов, направленных на становление рыночной экономики, гражданского общества, правового государства, демократии. Иные круги считают, что процессы эти уже нашли свое успешное завершение. Как бы то ни было, они сопровождались и сопровождаются коллатеральными (побочными, негативными, нежелательными и непредвиденными) эффектами, характеризующимися порой как "цена" или "риски модернизации". К таким эффектам относились и относятся рост преступности и иных девиаций вместе с питающим их социальным неравенством и социальной эксклюзией (Voers 1997: 35). В более общем плане можно говорить о кризисе существующих форм государственности, технологических и экологических рисках, потрясении социальных институтов, ситуации массовой растерянности, неуверенности и страха перед лицом необходимости принимать ответственность за индивидуальные решения, последствия которых не поддаются просчёту (Zizek 1999: 466). Названные эффекты создают почву для частичного ренессанса авторитарных политических установок населения, ксенофобии, национализма и трибализма как в сепаратистском, так и в великодержавно-шовинистическом их варианте. Параллельно и во взаимосвязи с этим наблюдается частичная реставрация административно-запретительного режима управления обществом. Возникает опасность становления общества, характеризуемого стихией "диких", неподвластных правовому регулированию рыночных отношений в

комбинации с авторитарным политическим режимом при деградации социальной политики, как в её отечественной патерналистской традиции, так и в традиции западноевропейской модели социального государства.

Коррупция усугубляет негативные эффекты экспансии рыночных отношений и формально-демократических элементов политического устройства в малоподготовленной для этого социальной среде. Она является важным элементом в механизме возрождения и самовоспроизводства паразитарных бюрократических структур, одновременно повышая трансакционные издержки в экономике и поглощая значительные ресурсы. Таким образом, она играет роль механизма своеобразной негативной селекции, способствуя сохранению и восстановлению негативных компонентов прежней системы и утверждению негативных же аспектов новых отношений. Она блокирует решение вопросов в любой из сфер, касается ли это предотвращения терактов, увеличения ВВП, сокращения масштабов бедности, осуществления военной реформы, реформы ЖКХ или регулирования инвестиционной деятельности.

На тему коррупции написано столько работ, что даже ознакомиться с ними, не говоря уж о том, чтобы сказать что-то новое, представляется весьма затруднительным. Однако и после столь грандиозных усилий практического и теоретического характера тема не теряет своей актуальности. Более того, раскрытие новых аспектов проблемы и поиск новых подходов к её решению по-прежнему остается на повестке дня. Мы не претендуем на принципиальную новизну своих подходов и решений, на научные открытия. Тем более, что по выражению одного из коллег, все новое в социальной науке является лишь продуктом плохой памяти. Наши амбиции носят более скромный характер и направлены лишь на рассмотрение таких аспектов коррупции, которым до сих пор уделялось и уделяется меньше внимания, нежели они, на наш взгляд, заслуживают.

В то же время, мы берём на себя смелость утверждать, что работа представляет собой хоть и маленький, но шаг в новом направлении.

Дальнейшее движение в этом направлении может открыть новый подход в оздоровлении отношений между бизнесом и властью и реальном повышении действенности правовых норм в регулировании этих отношений. Новизна состоит в стимулировании **самих** представителей бизнеса и администрации к противодействию коррупционным инициативам с той и другой стороны. С одной стороны, это означало бы преодоление традиции делегирования функций защиты от коррупционных притязаний администрации представителям той же администрации. С другой стороны, это помогло бы избежать чреватых значительными разочарованиями иллюзий в отношении институтов гражданского общества как субъектов противодействия преступности. Во-первых, открытие очередной панацеи (будь то рыночная ли или плановая экономика, демократия или курс Чучхэ) всегда чревато тяжкими разочарованиями: гражданское общество не исключение. Во-вторых, реальное гражданское общество оказывается не менее, а по некоторым наблюдениям, и более уязвимым для бацилл коррупции, чем государственная администрация (Петрова 2003: 20). В-третьих, пора расстаться со стереотипом решения кем-либо проблем за тех, для тех, но в любом случае без тех, кого эти проблемы касаются. Ежели они касаются в нашем случае предпринимателей и чиновников, то правоохранительные органы, гражданская общественность, *transparency international*, помощь запада, господь бог и даже сам господин президент все вместе взятые могут лишь на 20% способствовать решению этих проблем – при условии, что предприниматели и чиновники возьмут на себя 80% работы.

Этим не исчерпывается новизна замысла, нашедшего лишь частичную реализацию в рамках выполненного исследования. Хотя речь об этом и пойдёт более подробно в 5-й главе, хотелось бы обратить внимание на преодоление ряда ограничений и крайностей предшествующей традиции исследования. В этой традиции коррупция рассматривалась в целом как социально вредный феномен, находящийся вне пределов морального, правового, экономического, политического, институционального порядка

общества. Такой образ осмысления предмета предполагает соответствующую реакцию, нацеленную на возможно более решительное его искоренение. Противоположная позиция склонна видеть в коррупции органический элемент экономического, институционального и проч. порядка. Такой диагноз предполагает минимизацию репрессии, использование её лишь в тех случаях, когда исчерпаны иные рычаги противодействия (поскольку хирургическое воздействие может не столько устранить злокачественный феномен, сколько разрушить поражённые им ткани). Беда вот только в том, что мало кто может предложить эти самые «иные рычаги воздействия» в силу тавтологии проблемы: чтобы побороть коррупцию, нужно иное общество (иные люди, *good governance* и т. д.). А чтобы получить иное общество (иных людей, *good governance* и т. д.), необходимо побороть коррупцию. Насилием не осчастливить человечество, вопреки лозунгу на воротах Соловецкого монастыря; к правде невозможно провратиться, на эксплуатации националистических чувств не въехать в Европу; а коррумпированные индивиды, институты и социумы вряд ли способны добиться значительных успехов в борьбе с коррупцией, даже применяя столь острое оружие, как смертная казнь. Те, кто её применяет, ведь сами подвержены коррупции в той же мере, как и все остальные. Значительных успехов можно ожидать не от мер, направленных специально против коррупции, а от изменения общества, его структуры и культуры, базовых отношений собственности и власти.

Отсюда не вытекает, что специальных мер вовсе не нужно. Отнюдь, однако, это не могут быть меры против коррупции в целом. Понятием этим охватывается множество различных отношений, процессов и явлений, также как и понятием преступности. Как в случае коррупции, так и преступности, принятие крутых мер против данных явлений является полнейшей демагогией, показывающей, что тот, кто такое предлагает, не имеет ни малейшего понятия, о чём он говорит. Меры нужны, и достаточно крутые, против некоторых аспектов этих явлений. Из этого вытекает необходимость различения между аспектами и дифференцированного

применения к ним мер различного характера. Мало сказать, что на коррупцию следует воздействовать экономическими, просветительскими, карательными и иными мерами. Необходимо ещё подсказать, на какие проявления, и в каких условиях следует воздействовать, скажем, некарательными мерами, на какие – отстранением от должности и лишением права занимать подобные. А в каких случаях и длительные сроки лишения свободы уместны. Другими словами, задачей является определение критериев дискриминации между случаями коррупции по приоритетности и адекватным формам и методам противодействия. Признание необходимости такого различия – последнее слово, сказанное до сих пор в исследовании коррупции. **Теперь же** пора перейти к вопросу, скажем, о том, какими признаками характеризуются случаи и формы проявления коррупции, в отношении которых уголовное преследование лишено какого бы то ни было смысла (а также: нужны ли и возможны ли альтернативные меры, и какие). И какими признаками характеризуются такие случаи и формы проявления, по которым, напротив, имеет смысл усилить уголовное преследование (и каким образом это можно сделать). Такая постановка проблемы является ещё одним элементом новизны предлагаемой работы.

Читателя, буде таковой найдётся, мы просим учитывать, что книга написана коллективом исследователей, не пришедших к консенсусу по всем рассматриваемым вопросам. Хотя работа и выполнялась коллективными усилиями, в порядке поддержания идеи интеллектуальной собственности следует вкратце охарактеризовать вклад каждого из членов исследовательского коллектива. Разработка инструментария исследования осуществлялась в основном Валентином Гольбертом. Им же проведена серия экспертных интервью с представителями зарубежного бизнеса в России, обеспечивалось общее руководство и теоретико-методологическое сопровождение исследования. Сбор информации в Санкт-Петербурге проводил Яков Костюковский, при этом им был собран основной массив экспертных материалов (экспертами выступали российские

предприниматели, представители администрации, правоохранительных органов, гражданских объединений). Кроме этого, им был выполнен дискурс-анализ материалов средств массовой информации и социальный эксперимент по организации противодействия коррупции. Отбор экспертов, интервью с ними (представителями бизнеса и администрации), а также изучение случаев (*case study*) в Чите выполнил Вадим Прокопьев. Анализ литературы осуществлялся всеми участниками, при этом вклад каждого определялся его предметной ориентацией и опытом предшествующей работы. Залогом осуществления исследовательской программы явился опыт этнографических исследований организованной преступности и коррупции Костюковским с проникновением в полулегальную и нелегальную среду. При этом «информанты» из нелегальной среды в предыдущих исследованиях проявили себя намного более открытыми и готовыми к коммуникации, нежели полулегальные собеседники из настоящего исследования – те, кто, пребывая одной своей частью в совершенно легальном пространстве, другой частью одновременно активно использует нелегальные возможности. По этой причине несколько бесед, после того, как на организацию и проведение их было затрачено немало времени и усилий, были сорваны либо оказались информационно пустыми. Прокопьев обогатил исследование экономическими знаниями и опытом участия в исследованиях бюрократических и предпринимательских сред.

Работа адресована предпринимателям, правоохранительным органам и государственным структурам, осуществляющим контроль над экономикой; претендующим на представительство интересов бизнеса субъектам гражданского общества. Материалы исследования могут быть включены в блок информационного обеспечения систематической консультационной работы с предпринимателями по обобщению и мультипликации технологий индивидуального и коллективного противостояния коррупции. Дальнейшая работа в этом направлении может привести к трансформации отдельных

случаев и частного опыта успешного противостояния коррупционному произволу в социальные технологии, поддающиеся тиражированию.

И, наконец, следует сказать, что данная работа возникла в результате исследования «Расширение некоррупционных каналов взаимодействия бизнеса с государственной администрацией в России», выполненного в 2004-2005 гг. в рамках программы Новгородского МИОНа. Мы сердечно благодарим АНО-ИНО-Центр, Министерство образования РФ, Институт перспективных российских исследований им. Кеннана (США), Корпорацию Карнеги в Нью-Йорке (США) и Фонд Джона и Кэтрин МакАртуров (США) за финансовую поддержку исследования, а сотрудников Новгородского Межрегионального института общественных наук Сергея Девяткина, Елену Луковицкую, Ирину Ушанову – за организационную, информационную, интеллектуальную и моральную поддержку. Неоценимая помощь на всех этапах исследования была оказана профессором Яковом Гилинским – виде рекомендаций, консультаций, помощи в установлении необходимых контактов, просвещения по правовым вопросам и навигационной помощи при ориентации в поистине безбрежном океане материалов по теме. Хотелось бы также поблагодарить всех экспертов, имена которых мы не можем здесь назвать, без творческого содействия которых написание данной книги оказалось бы невозможным.

2. Содержание

1. Вступление:	1
2. Содержание:	8
3. Summary:	9
4. Введение. Декларация исследовательских намерений: коррупция и эксцесс коррупции как предмет социологического анализа:...	11
5. Основные традиции и направления исследования коррупции: краткий обзор:	22
5.1. Уголовно-правовая и криминологическая традиции изучения коррупции:	23
5.2. Социологические и экономические подходы к изучению коррупции:	28
5.3. Экономический анализ коррупции:	32
5.4. Ограничения существующих подходов и перспективы их преодоления:	39
6. Эксцесс коррупции: эмпирическое исследование:	43
6.1. Краткая характеристика исследования:	43
6.1.1. Коррупция и эксцесс коррупции: понятийно-методологические аспекты:	43
6.1.1.1. Понятие коррупции:	43
6.1.1.2. Понятие эксцессивной коррупции:	50
6.1.2. Гипотезы, исходные посылки и цели исследования:	54
6.1.3. Методика исследования:	65
6.2. Результаты исследования:	71
6.2.1. Эксцесс коррупции: взгляд изнутри:	71
6.2.2. Коррупция глазами иностранных предпринимателей:	110
6.2.3. Комментарии к масс-медиальному дискурсу по коррупции: ...	132
6.2.4. Некоррупционные каналы взаимодействия бизнеса с государственной администрацией в России и перспективы их расширения: ..	135
6.2.5. Противостояние и противодействие коррупции:	140
7. Заключение. От микро- к макросоциальному анализу коррупции:	145
8. Литература:	152
9. Приложения:	158

3. Summary

In a very simplified way of reflecting the existing body of research on corruption, we can distinguish between two opposite tendencies of this research. **The first one** is embedded in the repressive practices of dealing with this phenomenon, as well as moral and legal discourses that legitimize these practices. Here, corruption is considered an anomaly situated outside of the legal, moral, political and economic order of society. **The second one** belongs rather to the disciplinary field of sociology and economic sciences. It suggests a vision of corruption as a necessary element of institutional order of society. Corruption is viewed as a functional system which could not be abandoned without a great, perhaps lethal damage for the social system as a whole. We suppose the both tendencies to be rather a part of corruptional discourses and practices, contributing to their producing and reproducing, than a reflection on them.

We are going to suggest another vision of the relation between corruption and the institutional and cultural order. This relation is contingent: corruption in its concrete cases can be but is not necessarily functional and institutionalized. Its qualities of functionality and institutionalization depend upon our communication about it. To a certain extent, it is as far functional, necessary, inevitable and institutionalized, as far we prefer to treat it like this. That is, a certain fraction of it, on the personal as well as societal level, is being produced by the belief in its functionality and necessity. These belief works like a self-fulfilling prophesy. This fraction is what we call “excessive corruption”, which is the central concept of our research. In a series of interviews with entrepreneurs, officials, scientists, representatives of civil society we have checked the relevance of the suggested concept for understanding the corruptional relations between business and authorities in Russia and found out its empirical references. Additional arguments for the concept have been delivered by two case studies, discourse-analysis of mass media and a social experiment on civil resistance to corruption. In this, we deployed an ethnological research design which consists in generating the conceptual structure of relations be-

longing to the research subject alongside with the sense horizons of the participants of these relations and their reflections on their own practical experiences.

4. Введение. Декларация исследовательских намерений: коррупция и эксцесс коррупции как предмет социологического анализа

Подлежащей исследованию проблемой является «избыточная» вовлечённость представителей бизнеса в коррупционные отношения с органами власти. Понятие Эксцессивной (избыточной) коррупции является одним из центральных в рамках предлагаемой работы и подлежит специальному рассмотрению в 6-й главе. Пока же можно ограничиться определением эксцесса коррупции как вступления в коррупционные отношения, обусловленного не собственными интересами частного либо корпоративного характера, а сугубо представлениями о неизбежности, общепринятости и безальтернативности коррупционных форм решения тех или иных вопросов. Такие представления выступают в роли самореализующегося пророчества; в полном соответствии с теоремой Томаса, определенное видение социальной ситуации как реальной оборачивается реальными же последствиями (Weil 1989).

В иной своей ипостаси проблема предстает в качестве неэффективности защиты частных лиц и общественных интересов от коррупции. В значительной степени эта неэффективность объясняется неиспользованием возможностей индивидуальной и коллективной защиты. И в таком видении проблемы одним из её источников является опять же фаталистический характер бытующих представлений о коррупции как явлении нормальном и безальтернативном.

Противодействие коррупционному произволу со стороны правоохранительных органов, объединений и ассоциаций, политических партий, ученых, публицистов, общественных деятелей и т. д. часто оказывается неэффективным либо даже приводит к результату с точностью до наоборот. Неэффективность вполне понятна, если учесть, что "борцы с коррупцией" из рядов правоохранительных органов сами весьма ей

подвержены (правоохранительные органы). Другие склонны к инструментализации проблемы в собственных корпоративистских и индивидуальных интересах – партии и общественные организации. Ученые и публицисты зачастую ограничиваются морализаторски-идеологической критикой продажности чиновников. В любом случае, спорной представляется защита участников коррупционных отношений (как предпринимателей, так и чиновников) от коррупции "извне": с позиций правоохранительной системы, науки, неправительственных и некоммерческих организаций без участия тех, кого защищают, в отрыве от их собственного восприятия данной проблемы. Следует также учесть, что криминализация коррупционных отношений дополнительно обостряет проблему. Вовлекая в сферу уголовного преследования участников таких отношений, она сужает для них возможности активной защиты своих интересов в рамках уголовного, гражданского, административного правосудия или же иным публичным образом. Однако пересмотр нормы, устанавливающей уголовную ответственность за дачу взятки, не должен означать правовой и моральной реабилитации взяткодателей. Одним из факторов, искажающих восприятие коррупции и затрудняющих противодействие ей, является несущая либеральный оттенок мифология, представляющая взяткодателей из среды бизнеса исключительно как "терпящую", взяткополучателей же как преступную сторону коррупционных интеракций. Следует чётко различать два аспекта проблемы. Один из них связан с заинтересованностью бизнесменов в установлении привилегированных отношений с бюрократами и инициативой предпринимательской стороны в установлении коррупционных отношений, созданием ею дополнительных стимулов и условий для вовлечения чиновников в такие отношения (так называемый синдром Дона Карлеоне). Второй аспект состоит в вымогательстве взяток, коррупционном произволе бюрократии. Причём административная реформа, понимаемая как снижение так называемых административных барьеров,

воздействует лишь на второй компонент – на способность вымогать (Олейник 2001б).

Мы намерены отказаться от рассмотрения коррупции как явления, характеризуемого какой бы то ни было системностью или общностью входящих в него элементов. Понятием коррупции обозначают различнейшие формы поведения или организации социальных отношений, не имеющие между собой ничего общего "до этого обозначения": общность состоит лишь в том или возникает лишь в результате того, что их обозначают этим понятием. Из этого не вытекает отрицания предмета исследования "коррупция", принижения его онтологического или феноменологического статуса либо растворения его в процессах коммуникации. Однако в качестве социального феномена и предмета социального исследования коррупция конституируется именно в процессе коммуникации.

Мы считаем, что социологическое исследование коррупционных отношений в таком ключе поможет преодолению редукции их к феноменам правового, экономического, культурного или иного частного характера, определяемого в рамках понятийных категорий той или иной подсистемы общества. Это может открыть новые перспективы теоретического понимания коррупции, а также практического противодействия ей в сфере, особенно пораженной коррупционными отношениями – во взаимодействии предпринимателей с государственной администрацией. Подвергая рефлексии частные подходы к пониманию коррупции и противодействию ей, социология должна быть столь же рефлексивной и в отношении собственных позиций. В частности, представляется необходимым преодоление крайностей институционального подхода, фиксированного на концепциях, рассматривающих коррупцию как органический элемент символического и институционального порядка общества.

В основе работы лежит также стремление, продолжить и развить исследовательскую традицию, представленную исследованиями Ирины Олимпиевой (2004). Для этой традиции характерен, во-первых, отказ от

нормативно-оценочного подхода к предмету исследования, предполагающего либо критику, либо апологетику существующих отношений. Во-вторых, предмет рассматривается в его целостности на основе изучения "жизненного мира" включённых в него субъектов, без предварительной системно-функциональной дифференциации на различные частные аспекты: правовой, экономический, политический, культурный и т. д. Данная традиция дополняет доминирующие до сих пор макросоциологические и -экономические подходы в изучении коррупции элементами микросоциологии и этнографии предмета исследования, реконструируя его, следуя внутренней логике предметного поля, категориям мышления и действия субъектов, непосредственно участвующих в коррупционных отношениях.

Коррупция относится к таким вещам, в отношении которых существует острый диссонанс между официальной позицией и здравым смыслом. С официальной точки зрения, это – отклонение от нормы, здравый же смысл подсказывает, что это – самая что ни на есть норма нашей жизни. Руководствуясь официальной позицией по таким вопросам, мы рискуем потерпеть фиаско в наших практических делах и приобрести имидж, мягко выражаясь, несколько оторванного от жизни человека. Здравый смысл здесь также может сыграть с нами нехорошую шутку, задавая инерцию мышления и действия. Подобный диссонанс между официальной позицией и здравым смыслом существовал, скажем, в отношении экономических достижений советской системы. Все знали, что достижений этих нет или они находятся в области отрицательных чисел. Знали это и те, что вещали официальные истины, однако они предпочитали делать вид, что сами этого не знают, равно как и не знают того, что все это знают. Не иначе обстоит дело нынче с официальными клише о приверженности западных демократий идее прав человека.

Идти на поводу официальных шаблонов для науки недопустимо. Наука не может принимать их за чистую монету подобно тому, как верующие

принимают положения Святого писания. Для науки, правовые, политические и религиозные догмы несут в себе не ответ на вопрос, а его постановку: почему, при каких обстоятельствах, чьими усилиями данные представления получили статус официальной позиции или истины Святого писания в то время, как и противоположные представления имели не меньше оснований претендовать на этот статус. Поэтому исходить из того, что коррупция – отклонение, столь же абсурдно, как и считать отклонением мастурбацию. Однако и здравый смысл не есть критерий истины для науки, а всего лишь обстоятельство, требующее объяснения: почему, при каких обстоятельствах, чьими усилиями данные представления получили статус здравого смысла, в то время как и противоположные представления имели не меньше оснований претендовать на этот статус. Возводить коррупцию в ранг нормы столь же сомнительно, как и адюльтер: если бы они являлись таковой, то ни у кого не было бы оснований делать вид, что это именно отклонение. В итоге, определение коррупции как нормы оказывается столь же несостоятельным, как и в качестве отклонения. Здесь мы подходим к границам применимости понятий нормы и отклонения как инструмента познания и осмысления социальной реальности. Эвристический потенциал этих понятий велик, однако отнюдь не неисчерпаем.

Поэтому мы не рассматриваем предмет в понятийном пространстве категорий нормы и отклонения. Мы только начинаем рассуждения в этом пространстве как плацдарме для дальнейшего развития, и тут же оставляем это смысловое поле. За исходную же позицию можно принять следующее: что есть норма, а что отклонение, зависит не от собственных свойств обсуждаемых вещей и отношений, а от того, кто их обсуждает, с каких позиций, с какими намерениями, и в каком настроении. Расклеивание этикеток «норма» и «отклонение» контингентно: оно возможно и так и иначе, но отнюдь не необходимо, что оно произойдет так, а не иначе (или иначе, а не так). Взгляд на *девиантность* и её различные проявления как *конструкты*, «изготовленные» в процессе *реагирования* общества на нежелательные виды

поведения представляется весьма продуктивным. Принципиальным для наших последующих рассуждений является осознание *относительности, релятивности* социальной «нормы» и социальных «отклонений». В реальной социальной действительности не существует явлений, видов деятельности, форм поведения «нормальных» или же «девиантных» по своей природе, по содержанию, *per se, sui generis*. Те или иные виды, формы, образцы поведения «нормальны» или «девиантны» только с точки зрения сложившихся (установленных) социальных норм в данном обществе в данное время («здесь и сейчас»). «Что считать отклонением, зависит от времени и места; поведение "нормальное" при одном наборе культурных установок, будет расценено как "отклоняющееся" при другом» (Гидденс 1999: 150). Относительность (релятивность) девиантности и девиантность как социальный конструкт подробно обосновываются в книге Curra (2000). Нет ни одного поведенческого акта, который был бы «девиантен» сам по себе, по своему содержанию, независимо от социального контекста.

Попробуем объяснить постановку задачи исследования, взяв за исходный пункт один из противоположных вариантов девиантологической квалификации коррупции: обозначение её как нормы. Нас будут интересовать случаи отклонения от этой нормы; возможности и условия таких отклонений. Нас занимает вопрос, почему же в таких ситуациях, когда вступление в коррупционные отношения считается естественным и неизбежным, и представляет собой обычную практику, некоторые девианты всё-таки решают вопросы некоррупционным путём. Конечно, первоначальным вопросом является, а имеют ли место такие отклонения в хоть сколько-нибудь заметном масштабе? И если нам посчастливится их обнаружить, мы повернём остриё вопроса в обратном направлении: а почему, собственно, в тех ситуациях, когда некоторые обходятся без коррупции, подавляющая масса продолжает тупо и нерелексивно нести бремя связанных с коррупцией материальных и моральных издержек? Почему успешный опыт не перенимается, не распространяется, почему используемые кем-то возможности

внекоррупционного решения вопросов в массе случаев остаются неисчерпанными? Объём таких неисчерпанных возможностей и составляет эксцесс коррупции, и о нём речь пойдёт в данной книге. Следует оговориться, что с наибольшей вероятностью проявлений эксцесса можно ожидать на уровне «низовой» коррупции, где многое зависит от взаимоотношений, личностных особенностях контрагентов, «случайных» обстоятельств и т.п. Значительно сложнее предположить возможность эксцессивной коррупции на уровне «верхушечной» коррупции, в условиях *коррупционных сетей*, где действия контрагентов жестко обусловлены требованиями Системы. Различение между микро- и макрокоррупцией не является принципиально новым, и оно проводилось многими из наших экспертов.

В отношении макрокоррупции многие из наших предположений и поученных выводов обрели бы иное значение и звучание. Мы можем лишь наметить смысл применения концепции эксцесса коррупции к рассмотрению коррупционных отношений на высоком и высшем уровне; непосредственного доступа к данному предметному полю для применения к нему нашего концептуального инструментария мы не получили. Поэтому сошлёмся на несколько общих характеристик положения дел, в частности, наблюдения над формированием в России *коррупционных сетей*. Позволим себе длинную цитату: «От единичных разрозненных сделок коррупционеры переходят к организованным и скоординированным действиям, объединяясь в преступные сообщества, образующие коррупционные сети. В последние годы наметился переход коррупции на более высокий уровень, когда именно коррупционные сети и являются основой и наиболее сильным инструментом коррупционных сделок. Деятельность коррупционных сетей проявляется в формировании взаимосвязей и взаимозависимостей между чиновниками по вертикали управления,... а также по горизонтали на различных уровнях управления между разными ведомствами и структурами. Эти взаимосвязи и взаимозависимости направлены на систематическое совершение коррупционных сделок, как правило, с целью личного обогащения,

распределения бюджетных средств в пользу структур, входящих в коррупционную сеть, повышения прибылей, их максимизации, или получения конкурентных преимуществ финансово-кредитными и коммерческими структурами, входящими в коррупционную сеть» (Гражданские инициативы... 2000: 72). В коррупционную сеть входят чиновники, бизнесмены, финансисты. «Руководителями коррупционных сетей часто являются самые высокопоставленные российские чиновники и политики» (там же: 72).

Коррупционные сети тесно связаны с организованной преступностью. Так, на Урале хорошо известно мощное криминальное сообщество «Уралмаш», зарегистрированное органами юстиции как «общественная организация». Эта группировка контролирует одноименное, крупнейшее в Свердловской области, машиностроительное предприятие региона. «Вокруг этих структур и формируются коррупционные сети» (там же: 78). Средства, получаемые в результате экспорта нефти, газа, металлов, функционирования транспорта, связи, энергетики, лесного хозяйства, от оптовой торговли и финансирования оборонных заказов и Вооруженных Сил и т.д., распределяются по коррупционным сетям. В состав сетей входят группы государственных чиновников, обеспечивающих соответствующие решения; коммерческие и финансовые структуры, реализующие получаемые выгоды, льготы, доходы; силовое прикрытие («крыша») со стороны представителей органов МВД, ФСБ, прокуратуры, налоговой полиции и иных «силовиков».

И еще одна длинная цитата: «Крупнейшие российские коррупционные сети выстраиваются вокруг Центрального банка РФ и некоммерческих банков, таких как Сбербанк РФ, Внешэкономбанк РФ... Крупнейшая коррупционная сеть сформировалась в системе силовых органов, включая ФСБ, МВД и Государственный таможенный комитет. Это, по-видимому, и наиболее развитая коррупционная сеть. В неё включены чиновники федерального и регионального уровней, работники таможен, складов, перевозчики, репортеры средств массовой информации и многие другие. На

высшем уровне разрабатываются схемы проведения крупных операций, для чего проводятся совместные совещания, причем как полуполиальные, так и нелегальные. Все российские министерства и ведомости поражены коррупцией. Крупнейшие коррупционные сети выстроены вокруг Министерства финансов РФ, Министерства экономики РФ, Мингосимущества РФ. Очень сильно коррумпированы суды, в которых можно за взятку получить любое желательное решение или не допустить нежелательного решения. В судах всех уровней, уголовных и общей юрисдикции, действуют стандартные и всем известные расценки на выполнение тех или иных действий. Особенно коррумпированы арбитражные суды, в которые по этой причине предприниматели предпочитают не обращаться вообще... Коррупционные сети выстраиваются в России вокруг частной зарубежной финансовой и материальной помощи, строительства и реконструкции зданий и сооружений... Сети выстроены вокруг всех российских естественных монополий, таких как РАО ЕЭС и Министерство путей сообщения» (там же: 76-78).

Что касается упомянутых в цитате арбитражных судов, то добавим от себя: по нашим источникам, в Санкт-Петербурге действует посредническая организация, официально зарегистрированная как консультационная, которая «регулирует» взаимоотношения между сторонами в арбитражном процессе и коррумпированными судьями. «Если у меня слушается дело в арбитраже – рассказывает наш респондент, – то я обращаюсь в эту организацию, называю дело, и мне сообщают, сколько будет стоить решение в мою пользу. Однажды мне назвали сумму, а потом, извинившись, сказали, что другая сторона уже проплатила ее, и если я хочу выиграть дело, то должен перекупить судью, предложив сумму на \$3000 больше ранее названной, поскольку судья вынужден будет возратить другой стороне полученное от нее».

В результате построения мощных коррупционных сетей на высоком и «самом высоком» уровнях, «низовая коррупция» оказалась оторванной от них и продолжает существовать за счёт поборов с населения и мелкого бизнеса.

Однако приведенные выше характеристики положения дел ставят под вопрос целесообразность самого понятия коррупции. Любое понятие – прежде всего, инструмент различения между фрагментами реальности, соотносимыми с ним или же обозначаемыми им и внешним «немаркированным пространством». О коррупции во властных и бизнес-структурах имеет смысл говорить тогда, когда там имеет место и некоррупция. Если же вся подлежащая рассмотрению смысловая сфера практически без остатка пронизана отношениями коррупции, понятие претерпевает смысловую аннигиляцию. Мы имеем дело с институциональным порядком, состоящим из нерасчленимо взаимосвязанных легальных и нелегальных элементов. В пределах этого порядка уже невозможно выделить дискретную совокупность отношений, покрываемых понятием коррупции и в чём-либо отличных от иных отношений, находящихся во внешнем для коррупции поле. Мы полагаем, что понятие эксцесса коррупции, помимо прочего, помогает выбраться из этого понятийного тупика, и тем самым окажется небесполезным для понимания и осмысления отношений также в сфере макрокоррупции. Пока мы принимаем его за основу концептуальных построений и эмпирического исследования отношений низовой коррупции. Однако на перспективу можно говорить о его применении для теоретической рефлексии и практических мер реакции на отношения в сфере макрокоррупции.

В следующей главе будет предложен краткий обзор существующих работ по коррупции. Литература анализируется с позиции выявления аргументов в пользу и против постановки проблемы эксцесса коррупции. Результатом обзора является обонование такой постановки проблемы. В первой части шестой главы раскрывается понятие эксцессивной коррупции, и содержится краткое описание методических решений по применению его к эмпирическому изучению коррупционной реальности. Во второй части главы, вниманию читателя предлагаются результаты такого изучения. В первых разделах показана применимость понятия к осмыслению опыта

взаимодействия отечественных и иностранных предпринимателей с государственной администрацией в России. Специальный раздел содержит комментарии к масс-медиальным материалам о коррупции, причём речь идёт о соотносимости предлагаемых этими материалами фактов, оценок, суждений с различием между эксцессивными и неэксцессивными аспектами коррупции. В последующих двух разделах главы приводятся основанные на результатах исследования соображения о перспективах расширения некоррупционных практик взаимодействия бизнеса с государственной администрацией, а также усиления коллективного противостояния коррупционному произволу. Наконец, в заключении мы поднимаемся на уровень суждений и обобщений макросоциального характера.

5. Основные традиции и направления исследования коррупции: краткий обзор

При огромном количестве отечественных и зарубежных работ по проблемам коррупции и противодействия ей, вряд ли есть основания полагать, что данная тема изучена, или может быть изучена в принципе "в достаточной степени". Как сам предмет, так и дискуссия о нем не предполагает возможности каких-либо "окончательных" и приемлемых для любых социокультурных и исторических контекстов решений, способных привести к исчерпанию и закрытию темы. Условно можно выделить следующие основные направления в исследовании предмета:

- А) Наличие соответствующей уголовно-правовой конструкции лежит в основе преимущественного рассмотрения коррупции в категориально-понятийной системе криминологии и дисциплин уголовно-правового цикла. В рамках данной исследовательской традиции накоплен значительный эмпирический материал, концептуальное осмысление которого осуществляется в основном на основе социологических теорий преступности и социального контроля (Волженкин 1998; Коррупция и борьба с ней 2000);
- Б) Начиная с 70-х гг. истекшего столетия, становление и развитие критической криминологии привело к эмансипации собственно социологических подходов к изучению предмета. Это означало преодоление дисциплинарных границ правового изучения предмета как преступления (морально упречного причинения ущерба правовым ценностям, поддающегося каузальной атрибуции индивидуальным действиям). Коррупция рассматривается как социальный феномен, не сводимый к индивидуальным категориям психического, психологического или морального порядка. Отдельными направлениями анализа является изучение культурных, политических, экономических детерминант или факторов коррупции, исторической традиции ее развития в российском обществе (Гилинский 2002а; Кабанов 1995 и 2003; Кирпичников 1997; Сатаров 2002);
- В) Особое направление представляет собой экономический анализ коррупции (Тимофеев 2000).

Не отрицая ценности ни одного из перечисленных направлений, следует отметить те аспекты их ограниченности, шагом к преодолению которых должно стать предлагаемое исследование.

5.1. Уголовно-правовая и криминологическая традиции изучения коррупции

В рамках традиционной уголовно-правовой парадигмы коррупция рассматривается как явление аномальное, локализованное вне правового порядка и институциональной структуры общества, чуждое и противостоящее ей и подлежащее устранению репрессивными методами. С этой точки зрения игнорируется органическое вплетение коррупционных отношений в социальную ткань, её комплиментарный (и в некоторой степени даже функциональный) характер по отношению к институционализированным в легальной сфере формам социального взаимодействия. Тем самым происходит онтологизация социальных конструкций коррупции (как и преступности в целом) наряду с морализацией предмета. Следует отметить также чрезмерный оптимизм в отношении возможности объективного и инвариантного определения "социального зла" и чёткого различения между нормой ("непреступностью") и патологией ("преступностью"). Такое видение представляется неизбежным и необходимым в рамках уголовно-правовой теории и практики, в области же социальных наук – упрощением, сводящим на нет эвристическую ценность построенных на его основе исследований и концепций.

Строго говоря, *уголовное право* не знает понятия «коррупция». В качестве преступных деяний действующий уголовный закон рассматривает *получение* взятки (ст. 290 УК РФ) и *дачу* взятки (ст. 291 УК РФ). Ранее действовавшие УК РСФСР 1922 г., 1926 г. и 1960 г. предусматривали уголовную ответственность и за *посредничество* во взяточничестве. При этом лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если имело место вымогательство взятки со стороны должностного лица или если

лицо добровольно сообщило органу, имеющему право возбудить уголовное дело, о даче взятки (Примечание к ст. 291 УК РФ). Последнее положение предоставляет взяткодателю избежать уголовной ответственности в случаях информирования правоохранительных органов о действиях взяткополучателя. Поскольку субъектом получения взятки (ст. 290 УК) может быть только должностное лицо или представитель органа власти, а получать подношения непрочь и представители коммерческих структур, постольку в ныне действующий УК введена ст. 204, предусматривающая уголовную ответственность за коммерческий подкуп (как дачу, так и получение «вознаграждения»).

В подтверждение тезиса о преимущественно репрессивном характере уголовно-правового мышления небезынтересно привести некоторые факты из истории советского уголовного законодательства по рассматриваемой проблеме. Уголовный кодекс 1922 г. не мог не учитывать указания вождя: «Со взяткой и пр. и т.п. государственное политическое управление может и должно бороться и карать расстрелом по суду» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.54. С.196.). Поскольку от деятельности ГПУ взяточничества меньше не становилось, а «коррупция пронзила структуры советской власти с первых же минут ее реального владычества» (Кирпичников 1997: 50), постольку время от времени принимались новые нормативные акты по «усилению борьбы» со взяточничеством. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1962 г. «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество» предусматривалось применение смертной казни за взяточничество при отягчающих обстоятельствах. Интересно, что в работе 1995 г. небезосновательно утверждается: «современный этап развития российского уголовного законодательства является традиционно советским, ибо в большей степени в нём используются уголовно-правовые меры борьбы со взяточничеством и коррупцией времен становления Советского государства и его уголовного права, а также иных эпох, когда в основу ответственности за проявления коррупции ложился принцип устрашения» (Кабанов 1995: 44).

Кстати, в одном В.И. Ленин был прав – и это актуально и сегодня: «Если есть такое явление, как взятка, если это возможно, то нет речи о политике. Тут ещё нет даже подступа к политике, тут нельзя делать политики, потому что все меры останутся висеть в воздухе и не приведут ровно ни к каким результатам. Хуже будет от закона, если практически он будет применяться в условиях допустимости и распространённости взятки» (Ленин В.И. Соч. Т.33. С. 55).

Своеобразной особенностью оценки коррупции в современной России является *всеобщее* утверждение небывалых даже для России (где коррупция традиционное явление) масштабов её – коррупции – распространённости. Все идеологически «непримиримые» – коммунисты и либералы, правые и левые, государственники и рыночники – сливаются в единый хор возмущённых и потрясённых тотальностью коррупции в стране и убеждённых в необходимости с ней «решительно бороться». Более того, представители правоохранительных органов и властных структур, включая президента, не отрицают размаха коррупции, её «вредоносности» и необходимости «усилить борьбу». В то время, как все едины в оценке современной отечественной коррупции и необходимости резко ограничить её масштабы и влияние, коррупция продолжает благополучно процветать.

Криминология шире рассматривает коррупционную деятельность, подразумевая не только получение и дачу взятки, но и иные "коррупционные преступления" – злоупотребление служебным положением, присвоение и др. (Лунев 2000). Здесь представлено обогащённое социологическими подходами видение и коррупции, включая взяточничество как одно из её проявлений, и мер социального контроля над коррупционными преступлениями (Волженкин, Колесников 2001: 297-308; Гишинский 2002: 233-242; Гишинский 2004: 256-275; Кабанов 2004; Лунеев, 1997: 267-279). **Во-первых**, криминология видит многоликость коррупции, включая уголовные преступления, административные и дисциплинарные проступки, а также, например, традиционный российский «блат», не соотносимый с уголовно-

правовыми диспозициями. **Во-вторых**, криминология понимает социально-экономические, политические «корни» коррупции, её включенность в экономическую, политическую, социальную жизнь общества. В частности, «чем большее количество запретов устанавливается в какой-либо сфере социальных взаимодействий, тем шире и область возможных исключений из них, т.е. незаконных льгот, привилегий, получаемых от правомочных должностных лиц за взятку» (Яковлев 2001: 83). Поэтому, **в-третьих**, криминология ищет не только чисто правовые, юридические пути сокращения масштабов коррупционной деятельности, отдавая приоритет социально-экономическим и политическим мерам. Вместе с тем, криминология, особенно некоторые ее представители, все же грешат в большей или меньшей степени «юридизацией» проблемы коррупции.

Официальные данные о взяточничестве в России (табл. 1) представляют собой лишь верхушку айсберга. Латентность коррупционных преступлений чрезвычайно высока. Достаточно оценить тот факт, что уровень зарегистрированных коррупционных преступлений (взяточничество, присвоение и растрата) в 1999 г. оказался самым низким ... в Москве (11,8 на 100 тысяч населения) и Санкт-Петербурге (11,2), тогда как наиболее высоким – в Коми (78,7), Курганской (75,6) и Костромской (70,9) областях (Лунеев 2000). Очевидно, этого не может быть, потому что не может быть никогда. Даже с учётом высочайшего уровня латентности взяточничества, реально раскрывается лишь половина из зарегистрированных преступлений, а осуждается половина выявленных лиц, обвиняемых во взяточничестве. Официальные данные показывают, что осуждаются за взяточничество нередко молодежь (17-30%), рабочие (13-38%), лица, не имеющие постоянного источника доходов (2-14%) и даже учащиеся, т.е. взяткодатели «мелкая рыбешка», а отнюдь не солидные коррупционеры.

Взяточничество в России (1986 -2003)

Год	Количество зарегистрированных преступлений	Уровень (на 100000 жителей с 16 лет)
1986	6562	5.9
1987	4155	3.8
1988	2462	2.2
1989	2195	2.0
1990	2691	2.4
1991	2534	2.3
1992	3331	2.9
1993	4497	3.9
1994	4921	4.3
1995	4889	4.3
1996	5453	4.8
1997	5608	4.9
1998	5804	5.0
1999	6871	5.9
2000	7047	6.0
2001	7909	6,8
2002	7311	*
2003	7346	*

* – нет сведений

Источники: Преступность и правонарушения в СССР. – М.: 1991: 83-84;

Ежегодники: Преступность и правонарушения. М.: МВД РФ, МЮ РФ.

Традиция криминологического и уголовно-правового анализа коррупции в целом представляет собой научную базу для практики противодействия,

характеризуемой креном в пользу репрессивных мер. В системе понятий Мишеля Фуко следует говорить скорее о реципрокных отношениях между формами осуществления власти и научно-познавательной реконструкцией социальной действительности. При этом существующие дисциплинарно-контрольные практики предопределяют научную реконструкцию предмета этих практик, оптимально отвечающую потребностям их идеологической легитимации. Обоснование репрессивных форм управления обществом (говернментализма) достигается путём определения проблемных аспектов социальной жизни как преступности, т. е. феномена, который подлежит карательному воздействию и может быть частично устранён либо нейтрализован с помощью такого воздействия (Foucault 1976: 39 и далее).

Ограниченность практического и теоретического потенциала таких подходов компактно и убедительно показана в работе Чарльза Тилли о становлении современной государственности. Одним из центральных положений работы является тезис об условности, подвижности и искусственном характере противопоставления устанавливаемого государством правопорядка и действий, его подрывающих (Tilly 1985). Тезис этот особенно удачно и пластично применим к концептуальному осмыслению российских реалий.

5.2. Социологические подходы к изучению коррупции.

Ограниченность охарактеризованных выше подходов в полной мере проявляется на фоне статистических данных и основной массы аналитических комментариев. Источниками подтверждается предположение о бесперспективности наращивания репрессивных мер и о беспомощности правоохранительных органов в противодействии коррупции, что отнюдь не является открытием данного исследования, а скорее одной из его отправных точек.

Понимание *социальной природы* (сущности) коррупции позволяет избежать излишней политизации, «юридизации» и, в конечном счете,

мифологизации проблемы. Коррупция – сложный *социальный феномен*, порождение общества и общественных отношений, одно из проявлений продажности. Социальный феномен *продажности* (от коррупции должностных лиц до брачных аферистов и проституции – в сфере политики, науки, искусства, журналистики или же – сексуальных отношений) возможен в обществе развитых товарно-денежных отношений, когда «способность всех продуктов, деятельностей, отношений к обмену на нечто третье, вещное, на нечто такое, что в свою очередь может быть обменено на всё без разбора, т.е. развитие меновых стоимостей (и денежных отношений) – тождественно всеобщей продажности, коррупции» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46, ч.1: 106.). Денежная (товарно-денежная) сущность проституции как продажности обосновывалась Г. Зиммелем. Он отмечал, что природа проституции и природа денег аналогичны, что в условиях товарно-денежных, вещных, отчуждённых отношений проституция становится символом межчеловеческих отношений. Деньги губят природу вещей одним своим прикосновением.

Тот или иной вид продажности, осознаваемый как проблема, представляет собой социальную *конструкцию* (Бергер и Лукман 1995). Общество определяет, что именно, где, когда, при каких условиях и с какими последствиями рассматривается как коррупция, проституция и др. Процесс социального конструирования коррупции включает:

- наличие множества фактов продажности (взяточничества) государственных служащих и должностных лиц;
- осознание этих фактов как социальной проблемы;
- криминализацию некоторых форм коррупционной деятельности;
- реакцию политиков, правоохранительных органов, юристов, средств массовой информации, населения на коррупцию и т.п.

В рамках социологического изучения коррупции как социального института явственно преобладает критическая позиция по отношению к уголовно-правовой перспективе рассмотрения коррупции (Бараева 2002; Кузнецов 2000).

Об институционализации (процессе становления социальных практик регулярными и долговременными) коррупции свидетельствуют:

- выполнение ею ряда социальных *функций* – упрощение административных связей, ускорение и упрощение принятия управленческих решений, консолидация и реструктуризация отношений между социальными классами и группами, содействие экономическому развитию путем сокращения бюрократических барьеров, оптимизация экономики в условиях дефицита ресурсов и др. (Left 1964; Scott 1972);
- наличие вполне определенных *субъектов* коррупционных взаимоотношений (патрон – клиент), распределение *социальных ролей* (взяткодатель, взяткополучатель, посредник);
- наличие определенных *правил игры, норм*, известных субъектам коррупционной деятельности;
- сложившийся *сленг и символика* (например, хорошо известный и всеми понимаемый жест потирания большим пальцем руки указательного и среднего пальцев) коррупционных действий;
- установившаяся и известная заинтересованным лицам *такса* услуг. Например, такса поборов *работниками ГАИ* была опубликована еще в 1996 г. газетой «Стрела»; в газете «Ваш тайный советник» в 2000 г. публиковались размеры взяток за поступление в *престижные вузы* Санкт-Петербурга (включая юридические). Опубликованы существующие таксы в сфере «*правоохранительной деятельности*»: плата за невозбуждение уголовного дела (\$1000 – 10000), за изменение меры пресечения с освобождением из-под стражи (\$20000-25000), за смягчение наказания (\$5000-15000), за игнорирование таможенных нарушений (\$10000-20000 или 20-25% от таможенного сбора) (Коррупция и борьба с ней 2000: 62-63). А вот «расценка услуг» на *высшем федеральном* уровне: стоимость назначения депутата Государственной Думы на должность председателя комитета – порядка \$30000, стоимость внесения любого законопроекта на рассмотрение Государственной Думы – около \$250000, статус помощника депутата оценивается в \$4000-5000 (Гражданские инициативы... 2000: 41).

В рамках институциональной парадигмы наблюдается некоторый крен к фаталистическим представлениям. Основой этому служит культурологическое рассмотрение коррупции как неотъемлемого элемента национальной культуры (Гилинский 2002а). Другой аспект обоснования непреодолимости коррупции основан на логике экономического функционализма. При этом коррупция предстает не только неизбежным злом, но и одним из механизмов, обеспечивающих функционирование современных экономических систем (Sessar 1997: 2).

Эта точка зрения была основательно обоснована ещё в книге W. Reisman 1979 г. (русский перевод: Рейсмен 1988). Автор, ссылаясь на Г. Мюрдаля, противопоставляет нормативной системе (она же – «система мифов») операциональный кодекс, «подсказывающий "операторам", когда, кому и какие именно "отклонения" дозволены» (Рейсмен 1988: 27). Впрочем, «реальное поведение отличается от той и от другой» нормативной системы (там же, 47). Далее ссылкой на Р. Хиллса отмечается, что «взятки, растраты и щедрые вознаграждения веками являлись неотъемлемой частью коммерческой жизни» (там же, 31). Следующий вывод Рейсмана прямо противоположен юридическому (уголовно-правовому) подходу: «Отклонение есть следствие нормативных предписаний и связанных с ними санкций. Чем больше предписаний, тем больше можно ждать отклонений» (с. 32). Более того, криминализация деяний, которые порицаются обществом, но которые «не страшны» господствующей власти, служит лишь успокоению общественности. «Криминализация венчает "борьбу" и все успокаиваются» (с. 33). Если же «борьба» и продолжается периодически, то в виде «крестовых походов» - громогласно объявленных, с популистскими лозунгами, шумом, массовыми выступлениями СМИ и – нулевым результатом (если не считать нескольких «козлов отпущения» на потеху уважаемой публике).

Ограниченность такой позиции представляется связанной с гипертрофией системного взгляда на социальную действительность в механицистской традиции системного анализа. Данные представления несут на себе отпечаток вульгарного гегельянства, рассматривая социальную реальность по принципу "всё сущее – разумно". При этом преувеличенное значение придается факту органической вплетённости коррупционных отношений в процессы социального взаимодействия, и упускается из виду конфликтность отношений между различными элементами культуры и общества. Оправданный скепсис в отношении репрессивного противодействия коррупции претерпевает не совсем оправданную

расширительную трансформацию. Итогом является представление о невозможности как эффективных мер коллективного противодействия коррупции, так и нахождения альтернативных ей решений в индивидуальном порядке. Справедливый отказ от утопической идеи полного устранения коррупции оборачивается необоснованным пессимизмом в отношении частных мер по частичному сокращению сферы коррупционных отношений.

5.3. Экономический анализ коррупции

Значительный вклад в изучение коррупции внесли представители экономической науки. Прежде всего, в данной связи необходимо отметить так называемый «экономический империализм», достаточно специфическое явление в истории науки. Начиная с 60-х годов прошлого века, экономисты стали активно вторгаться в проблемы, относящиеся до того к компетенции других общественных наук, в частности в исследования права и преступной деятельности. При этом им удалось достичь ценных результатов и обогатить запасы знаний о человеке и обществе. Однако, эти результаты в значительной степени были обесценены претензией на то, что с помощью специфических методов экономического анализа, выработанных неоклассическим направлением экономической теории, можно наиболее полно и адекватно отразить любые проблемы человеческой деятельности. Как правило, в данной связи упоминается имя нобелевского лауреата Г. Беккера. Имея в виду цели нашего исследования, мы упоминаем этого автора не только потому, что именно его чаще всего называют главным инициатором вторжения экономистов на чужие поля, но и потому, что одна из первых и наиболее заметных его работ была посвящена именно криминальной проблематике (Becker 1968).

Основные особенности рассуждений «империалистов» можно свести к следующим моментам. Во-первых, в соответствии с принципом методологического индивидуализма главным и самым сильным мотивом любых человеческих действий считается своекорыстный эгоистический

интерес индивида. Индивид затрачивает ограниченные ресурсы с целью получения максимально возможной выгоды для себя. Применительно к условиям рыночной экономики, данный мотив выражается в стремлении к максимизации денежного дохода, который впоследствии тратится на приобретение товаров и услуг, чтобы достичь максимально возможного удовлетворения личных потребностей (максимизация полезности). Именно данные аспекты и трактуются экономистами как проявление рационализма.

Опираясь на такие посылки, экономисты анализируют любые человеческие действия с позиций соотношения выгод и затрат. Даже такие вопросы, как рождение детей, «империалисты» описывают с применением терминов «спрос на детей», «цена детей» и т.д. Применяя такую логику, не потребуется титанических интеллектуальных усилий для того, чтобы объяснить, например, что Иисус Христос, восходя на Голгофу, преследовал *свой* личный интерес, максимизировал *свою* полезность, поскольку в его системе предпочтений спасение человечества просто напросто было самой сильной *его* потребностью. В данном случае мы должны извиниться перед теми, кому такие строки покажутся богохульными, но мы приводим их лишь для того, чтобы выпукло показать логику «экономических империалистов». Абсолютизация рационалистических алгоритмов стирает различия между Христом, Буддой и Магометом с одной стороны и Рокфеллером, Соросом, Гобсеком – с другой. Равно как и между названными товарищами, и Гитлером, Берией, Трумэном. Однако думается, найдётся немного мыслящих людей, которые отважатся согласиться на такое нивелирование. Поэтому даже экономисты, не говоря о представителях других общественных наук, к упомянутым подходам относятся сегодня, по меньшей мере, настороженно.

Не вызывает сомнения, что междисциплинарные взаимопроникновения способны внести вклад в изучение общественных проблем. Исследования экономических вопросов не должны игнорировать культурные, правовые, политические и прочие аспекты человеческой деятельности. Возможности выделения элементов экономической логики в действиях людей в

соответствующих сферах также необходимо учитывать. Однако не стоит абсолютизировать эти возможности и претендовать на их универсальность. Провал «Вашингтонского консенсуса» в странах с переходной экономикой уже показал всему миру пагубность такой самонадеянности. Более целесообразным представляется, при исследовании той или иной проблемы выделить ту её плоскость, в которой возможности определенной науки или отдельной концепции действительно позволят добиться полезных результатов и приращения информации о возможностях совершенствования социальной жизни. Применительно к целям нашей работы представляется разумным выделить следующие аспекты экономической науки, позволяющие более полно понять проблему коррупции.

В первую очередь остановимся на неоинституциональном направлении, оказавшемся на сегодняшний день, пожалуй, наиболее перспективным в экономической науке с точки зрения познавательных возможностей. Данное направление нередко относят к упомянутому «экономическому империализму», что отчасти верно, однако такое утверждение можно признать правомерным лишь с очень существенными оговорками. С одной стороны, многие представители данного течения продолжают разрабатывать элементы «жесткого ядра» неоклассической теории, основные положения которой были сформулированы еще в последней трети XIX века. Данные положения сегодня называют «мэйнстримом» экономической науки. Они включают, прежде всего, принцип методологического индивидуализма, ставящего во главу угла эгоистический рационализм.

Ещё одной системной особенностью неоклассики можно считать очевидную предрасположенность к функционально-количественным методам анализа, позволяющим добиться строгого описания оптимизирующего поведения рациональных максимизаторов полезности и прибыли. К чистым представителям «экономического империализма» можно отнести тех, кто продолжает строить оптимизирующие модели для всех разновидностей человеческого действия. Что касается неоинституционалистов, то их заслуга

видится, прежде всего, в том, что они в центр внимания поставили проблемы неоптимальности и сосредоточились на изучении тех форм экономической деятельности, которые порождают и устойчиво воспроизводят такую неоптимальность. В качестве таких форм в данном направлении рассматриваются институты, т.е. совокупности принятых людьми правил, норм, предписаний, регулирующих индивидуальную и совместную человеческую деятельность.

С одной стороны, такое понимание институтов и признание их роли в экономическом развитии обратило неоинституционалистов к изучению сфер, относящихся к неэкономическим дисциплинам. По этой причине, надо полагать, неоинституционализм и относят временами к «экономическому империализму». Однако отказ представителей данного течения от догмата оптимальности всё-таки выделяет их из «мэйнстрима» экономической науки. Подчеркнём, что с точки зрения поставленных нами задач представляется очень продуктивным и познавательно перспективным данное обстоятельство, т.е. выработанный в неоинституциональных концепциях методологический инструментарий, дающий возможность рассмотрения неэффективных форм.

Подчеркнём, что в неоинституционализме существует несколько относительно самостоятельных направлений, сконцентрированных на определенных кластерах проблем. В частности, в исследовании коррупционных отношений могут быть применены наработки и выводы таких направлений неоинституционализма, как экономический анализ права и экономика преступлений и наказаний.

В данной связи выделим следующие аспекты упомянутых теорий. Во-первых, экономисты, применяющие институциональную методологию, признавая значимость культурных, политических и других факторов, всё-таки остаются при убеждении, что главным мотиватором человеческой деятельности следует считать своекорыстный интерес. Задача общества состоит в том, чтобы создать каналы, направляющие человеческий эгоизм «в продуктивную деятельность, обеспечивающую эффективное использование

ресурсов» (Роуз-Аккерман 2003: 3). Для осмысленного решения этих задач необходимо исследовать природу противозаконных действий, на которые решаются экономические субъекты.

При рассмотрении противозаконных действий, как и любых других, необходимо соотносить издержки и выгоды предпринимающих их субъектов. С учётом этих позиций проводится сравнительный анализ незаконных и легальных форм экономической деятельности. Так, например, легальная хозяйственная деятельность требует затрат на регистрацию юридического лица, получение лицензий, открытие банковского счета и т.д. Эти затраты обеспечивают лишь доступ к закону. Но и продолжение деятельности в рамках закона тоже требует затрат, к каковым следует отнести необходимость выплаты налогов, подчинение требованиям трудового законодательства (определенная продолжительность рабочего дня, социальные гарантии) и т.д. Если упомянутые затраты оказываются очень высокими, то экономическая логика может подтолкнуть хозяйствующего субъекта к уходу в нелегальную сферу. В этом случае, с одной стороны, субъект будет экономить на издержках легальности, но, с другой стороны, ему придется столкнуться со специфическими затратами незаконной деятельности. К таковым относятся взятки, «двойная» бухгалтерия, необходимость обращения к нелегальным процедурам защиты прав собственности и разрешения конфликтов, сужение из-за персонализации отношений круга лиц, с которыми можно взаимодействовать, и возможностей повышения эффективности за счет разделения труда и т. д. (Олейник 2000: 156-166; Шаститко 2002: 167-169).

Кроме того, необходимо упомянуть, что институты представляют собой не просто совокупности принятых в том или ином сообществе правил. Каждый институт должен содержать в качестве необходимого внутреннего элемента механизм, обеспечивающий выполнение этих правил. Если такого механизма нет или он слишком слаб, то институт не будет функционировать. Действенность механизмов, обеспечивающих выполнение предписаний, возможна при условии:

$$U^e(L) > U^e(N), \quad (1)$$

где $U^e(L)$ – ожидаемая полезность (выгода) хозяйствующего субъекта, действующего легально; $U^e(N)$ – ожидаемая полезность хозяйствующего субъекта, нарушающего закон.

Выгода или ожидаемая полезность субъекта, действующего нелегально, может быть описана следующей формулой:

$$U^e(N) = U(B) - pU(S), \quad (2)$$

где $U(B)$ – полезность выигрыша, полученного за счет нарушения закона, p – вероятность раскрытия преступных действий и применения санкций, S – абсолютная величина санкций за нарушение закона. Таким образом, добиться соблюдения условия (1) можно за счет увеличения размера санкций и/или за счет увеличения вероятности раскрытия незаконных действий со стороны тех, кто выступает гарантом закона. Однако деятельность, обеспечивающая соблюдение предписаний, также требует затрат ресурсов. Необходимо наблюдение за участниками хозяйственной деятельности, доказательство их вины, определение величины санкций и собственно осуществление самих санкций. Все эти действия сопряжены с издержками, которые также соотносятся с потерями от незаконной деятельности или выигрышами, полученными от их пресечения.

Обратим внимание на то, что российские экономисты, исследующие проблемы нелегальной хозяйственной деятельности, работают главным образом в рамках институционального и экономико-социологического направлений. Существенный вклад в разработку данной тематики внесли исследования И. Клямкина, Ю. Латова, А. Олейника, В. Радаева, Л. Тимофеева, Т. Шанина и др. На основании работ данных авторов можно утверждать, что коррупция, наряду с теневой экономикой, теневой политикой, теневым правом и т.п., сформировавшимися в России ещё в годы советской власти и сохраняющимися по сей день (пусть иногда в изменённом облики), образуют институционализированную *теневую реальность*. Не считаться с

этой реальностью, означает не понимать реальную социальную действительность, происходящие в обществе процессы, находиться в плену прекраснотушных и сладкозвучных иллюзий. «Оказалось, что теневая реальность – это не только "вторая экономика" или коррупция, но охватывающая всё общество в целом, законченная институциональная система (экономика, право, административные отношения и т.д.), – вся целиком вне сферы юридического закона» (Тимофеев 2000: 62). И коррупция – лишь элемент (пусть один из важнейших) этой теневой реальности нашего бытия.

Новые концептуальные и прикладные перспективы с частичным преодолением границ и крайностей рассмотренных выше направлений открывает политическая экономия коррупции, предложенная, в частности, в работе Льва Тимофеева (Тимофеев 2000). Следует, однако, отметить, что в данной работе наблюдается характерная для экономического мышления в целом, теории рационального выбора в особенности, чрезмерная фиксация на рационалистических объяснительных моделях. При этом незаслуженно теряются из виду культурологические аспекты предмета и невозможность объяснения социального действия на основе одной лишь логики экономического расчета, повышения прибылей при сокращении издержек. Отсюда вытекает новая, "неоклассическая", редакция тезиса об уголовной репрессии как затратном, и, в силу этого, сдерживающем факторе коррупционных транзакций. Кроме этого, сама по себе логика достижения материального успеха на определенной стадии своей экспансии, сопряженной с фиксацией на цели, оправдывающей любые средства, вполне поддается интерпретации в терминах "целиррационального" действия (перефразируя Макса Вебера).

5.4. Ограничения существующих подходов и перспективы их преодоления

Обобщая результаты библиографических изысканий, следует отметить преобладание крайних позиций. Либо предлагается усиление репрессивных мер при полном игнорировании свидетельств их неэффективности. Либо же они отвергаются в целом. В итоге можно сделать вывод, что преобладает ложная постановка вопроса: применять репрессивные меры против коррупции или нет. Более оправданная позиция исключала бы обе крайности и основывалась бы на совершенно иной постановке вопроса: в каких случаях, против каких лиц, при каких условиях карательные меры против коррупции имеют смысл, и в каких случаях от них целесообразно отказаться. Это позволило бы обосновать приоритеты, достичь концентрации весьма ограниченных ресурсов на наиболее перспективных направлениях и избежать мер, приводящих к обратному результату в силу подверженности коррупции самих субъектов борьбы с ней. Кроме этого, такая постановка вопроса явилась бы шагом к избавлению от иллюзий и инфляционных ожиданий от карательных подходов в отношении коррупции, что послужило бы стимулом к поиску альтернативных (экономических, социальных, административных и т. п.) мер. Это тем более важно, что и критики репрессии ограничиваются лишь общей констатацией необходимости таких альтернатив. Помимо ссылок на пример значительного сокращения коррупции в Сеуле в результате административных реформ, в литературе серьёзного анализа потенциальных возможностей и реальных случаев некарательного противодействия коррупции не обнаружено (исключение составляет серия работ под редакцией А. Сунгурова [2000] и М. Горного [2000]). Не найдено ни малейших намёков на понятие и исследование эксцесса коррупции. В итоге, противостоящие репрессивным подходам авторы характеризуются отчётливым креном в сторону фаталистических представлений о неизбежности, функциональности, институциональности, традиционности коррупции. Вполне допустимым представляется вывод, что и фиксированный на карательных мерах и противостоящий ему подходы, каждый по-своему и по мере своих сил способствуют воспроизводству феномена коррупции. С

некоторой долей утрирования можно сказать, что дискурс о коррупции как в репрессивном, так и «антирепрессивном» его вариантах является не столько рефлексией феномена, сколько органической частью его, способствующей безотказному функционированию механизма воспроизводства коррупционных отношений в обществе. Поэтому уже преодоление названных подходов, с признанием всего ценного, что содержится в них, является важной задачей, решению которой призвано содействовать данное исследование. Теоретической отправной позицией для такого преодоления может послужить, в частности, посвященная вопросам коррупции культур-социологическая работа немецкого социолога Зигхарда Неккеля (Neckel 2000).

В этой работе предлагается анализ отношений коррупции или, пользуясь выражением Пьера Бурдьё, конвертации политического капитала в экономический. Этот анализ открывает перспективу объяснения и понимания коррупции, исходя из образа и стиля коммуникации об отчуждаемых и неотчуждаемых ценностях (о взаимной конвертируемости различных видов капитала). Простейшим актом коммуникации, согласно Луману (Luhmann 1999: 49 и далее), является различение; в данном случае речь идет о различении между благами, подлежащими и не подлежащими купле-продаже. Для обозначения неотчуждаемых благ существует понятие *public goods*, охватывающее ресурсы, предоставляемые и получаемые на некоммерческой основе, включая услуги бюрократического характера в сфере информационного обслуживания, образования, здравоохранения, социальной помощи, обеспечения безопасности и т. д. Результатом коммуникативного различения между "отчуждаемым" и "неотчуждаемым" и восприятием коммодификации тех или иных благ как нормального, приемлемого и/или безальтернативного процесса, в значительно большей мере, нежели "недостаточной" суровостью и неотвратимостью наказания, определяется распространённость коррупционных отношений в обществе. Более того, неотвратимость наказания напрямую, а суровость косвенно зависит от стиля

и образа коммуникации о провозглашаемых наказуемыми (криминализируемых) деяний и отношений.

Как правило, за пределами следственной и судебной практики взятодатели рассматриваются как жертвы вымогательства (и "мнимых" преступников, см. Шестаков 2001: 80), а продажные чиновники как вымогатели и преступники истинные. На фоне этой тенденции Зигхард Некель совершенно справедливо обращает внимание на возможность рассмотрения также и взятополучателей в качестве потерпевшей стороны коррупционных отношений (Neckel 2000: 88). Вовлечение чиновников в такие отношения вполне может происходить путем обмана, запугивания, шантажа со стороны коллег, начальства и потенциальных взятодателей. При этом следует учитывать, что взятодатель может быть более заинтересованной стороной в решении вопроса с помощью взятки, нежели взятополучатель (в случаях, когда речь идет об оценке инвестиционных проектов, предоставлении налоговых льгот и субсидий и т. д.). Рассмотрение *вымогательства* взяток в качестве проблемы является половинчатым без рассмотрения в качестве таковой *навязывания* взяток.

Ещё одно направление преодоления ограничений существующей традиции намечается в этнографическом изучении условий жизнедеятельности иностранных предпринимателей в России, систематически проводимом несколькими исследовательскими группами немецких ученых (Holtbruegge 1989, 1994; Gieth & Knabe 1992; Welge & Holtbruegge 1996; VDW/FES 2000). Имело место также одно финское исследование (Aroma & Lehti 1996). В дальнейшем предполагается обращаться к данным этих исследований, используя их для вторичного анализа и сопоставления с собственными результатами. Полученные иностранными коллегами данные представляются весьма ценными; однако эти данные можно существенно дополнить и обогатить более широким вовлечением в исследование, наряду с иностранными предпринимателями, и "противоположной стороны": российских бизнес-партнёров, работников

служб безопасности, российских менеджеров иностранных предприятий и т.
д.

6. Эксцесс коррупции: результаты эмпирического исследования

В данной главе представлены результаты эмпирического проекта, осуществлённого авторским коллективом в период с мая 2004 по февраль 2005 г. Он представлял собой эксплоративно-этнографическое исследование взаимодействия представителей бизнеса с органами власти. Предмет исследования был локализован в пространственно-временных пределах российского общества на современном этапе развития. Сбор эмпирической информации проводился в городах Санкт-Петербурге, Москве и Чите. В результате были охвачены регионы с принципиально различными условиями предпринимательской деятельности в целом и взаимодействия между бизнесом и властью в частности. Данные, выходящие за пределы этого пространственно-временного контекста (традиции коррупции в российском обществе, сопоставление с данной проблематикой за рубежом) имели фоновое значение для реализации собственных целей проекта.

6.1. Краткая характеристика исследования

6.1.1. Коррупция и эксцесс коррупции: понятийно-методологические аспекты

6.1.1.1. Понятие коррупции

Относительно предмета работы следует сделать ряд оговорок. Во-первых, темой охвачена сфера отношений, характеризующаяся высокой латентностью, в высокой степени закрытая для взора как случайного внешнего наблюдателя, так и значительного числа собственно вовлеченных в неё лиц. Во-вторых, сфера эта не имеет более или менее четких границ – это означает, что практически невозможно сказать, где заканчиваются нелегальные отношения и начинается область вполне законной экономической деятельности. С этим взаимосвязана третья проблема – тема предполагает работу с плохо определёнными понятиями, с трудом поддающимися соотнесению с конкретными эмпирическими объектами. Отсюда вытекает возможность

значительных расхождений во мнениях, охватывается ли то или иное конкретное явление этим понятием, или же лежит за его пределами.

Невозможно отрицать наличия случаев или лиц, очевидным образом относящихся к области социальной реальности, охватываемой понятием коррупции. Не вызывает сомнений квалификация фигурантов многочисленных коррупционных скандалов в России и иных странах (рыбные и иные дела эпохи перезрелого социализма, Уотергейт и Ирангейт, получение фирмой вице-министра обороны США основных подрядов на восстановление Ирака, коррупционных афер в рамках реконструкции восточного Берлина и выделения подрядов на утилизацию отходов в Кёльне и т. д.). Однако герои этих афер относятся к самой сердцевине "смысловой сферы", определяемой понятием коррупции и составляют, по всей видимости, лишь незначительную долю фигур, включенных в эту сферу. Уже непосредственно близкие к сердцевине слои допускают весьма неоднозначную квалификацию, а периферия данной смысловой сферы и её контуры и вовсе теряются в тумане.

Коррупция понимается нами не как предмет коммуникации, а продукт её. Данная реальность возникает (конструируется) в процессе коммуникации и образует некое относительно единое целое не в силу единства объективно присущих ее элементам свойств, качеств и признаков (например, перечисленных в диспозициях статей 204, 290, 291 УК РФ). Определяющим является кто, как и зачем реконструирует реальность; свойства, качества и признаки субъектов и процессов реконструкции (Christie 1999). Речь идет о своеобразном "концептуальном оружии", вполне пригодном для политической инструментализации, однако же, не для постановки и решения научных вопросов (там же). Лучшего понимания социальной жизни можно достичь наблюдением того, как, кем и с какой целью применяется это оружие¹. Нецелесообразным представляется, напротив, применение этого

---

¹ В стадии, предваряющей непосредственное применение государственного насилия против определенных индивидов или групп, требуется определение или стилизация последних, в частности, как "коррупцированных чиновников". Эффект применения

понятия в качестве описательной категории "объектного наблюдения" (*Was-Beobachtung* - Luhmann 1992: 76ff) для обозначения некоего эмпирически определенного фрагмента социальной действительности. Это же касается и иных "специфических форм" преступности, нагляднейшими примерами чему являются новейшие процессы против олигархов, начиная с Быкова и кончая Ходорковским.

Коммуникативными факторами определяется квалификация (а значит, социальный смысл и сущность) деятельности участника крупнейших афер макроэкономического масштаба, министра внутренних дел СССР (до 1983 г.) Николая Щёлокова. То же самое можно сказать и о вовлеченной в махинации с партийными пожертвованиями верхушки немецкой ХДС – бундесканцлера Гельмута Коля и министра внутренних дел его правительства Манфреда Кантера. Кто они: коррумпированные чиновники (и, в этом случае, легитимные объекты применения государственного насилия), или же крупные исторические фигуры и политические деятели? В настоящее время немалая часть наших сограждан отнесёт к числу преступников Чубайса, Гайдара и Ельцина (речь идёт в этом случае о "морально-предпринимательски определенной преступности": см. Hess & Scheerer 1997: 89). Мы имеем дело с воистину постмодернистским плюрализмом критериев, видений и определений.

Наука не отстаёт по части плюрализма, предлагая множество *определений* коррупции (Волженкин 1998; Friedrich 1972; Heidenheimer, Johnston, Le Vine 1989; Meny 1996; Nye 1967; Palmier 1985; Rose-Ackerman 1978; Wewer 1994 и др.). Возможно, наиболее краткое (и точное) из них: «злоупотребление публичной властью ради частной выгоды» (Joseph Senturia, цитируется по Wewer 1994: 481). Аналогичные определения встречаются в документах ООН: «Коррупция – это злоупотребление государственной

дефиниционного оружия "организованная преступность" состоит в легитимации и идеологической или политической подготовке последующего применения прямого насилия.

властью для получения выгод в личных целях» (Справочный документ... 1995). Более

полное из них содержится в документах 34-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1979): «Выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознаграждение в любой форме в интересах дающего такое вознаграждение, как с нарушением должностных инструкций, так и без их нарушения». Приведем также отечественное доктринальное определение: «использование государственными служащими и представителями органов государственной власти занимаемого ими положения, служебных прав и властных полномочий для незаконного обогащения, получения материальных и иных благ и преимуществ, как в личных, так и групповых целях» (Российская юридическая энциклопедия 1999).

Существует множество *форм* (проявлений) коррупции: взяточничество, фаворитизм, nepотизм (кумовство), протекционизм, лоббизм, незаконное распределение и перераспределение общественных ресурсов и фондов, незаконное присвоение общественных ресурсов в личных целях, незаконная приватизация, незаконная поддержка и финансирование политических структур (партий и др.), вымогательство, предоставление льготных кредитов, заказов, знаменитый русский «блат» (использование личных контактов для получения доступа к общественным ресурсам – товарам, услугам, источникам доходов, привилегиям, оказание различных услуг родственникам, друзьям, знакомым) и др. Соответственно приводятся различные классификации коррупции и коррупционной деятельности (Быстрова, Сильвестрос 2000; Кузнецов 2000; Johnston 1982; и др.). J. Coleman (1985: 46-54) различает коммерческое взяточничество и политическую коррупцию. Однако исчерпывающий перечень коррупционных видов деятельности невозможен. Хорошо известно, что в России легально существовало «кормление», переросшее затем в мздоимство и лихоимство. Может быть, российское кормление служит первым проявлением того, что В. Клевверен, с

экономической (рыночной) точки зрения, оценивает как коррупционный бизнес: коррупционер относится к своей должности как бизнесу, пытаясь максимизировать «доход» (Heidenheimer, Johnston, Le Vine 1989:9).

Чтобы определить коррупцию с позиций, которые открывают возможности рассуждений об эксцессе данного явления, недостаточно общепринятых понятий и дефиниций. Судя по тому, что до сих пор вопрос об эксцессе не ставился, общепринятые понятия как раз не стимулируют его постановку.

Мы исходим из широкого понятия коррупции, понимаемой как экспансия отношений купли и продажи в дальнейшие жизненные сферы общества (Neckel 2000: 82f.). Классическим образцом такой экспансии является подкуп чиновничества, торговля должностными полномочиями, предоставление *public goods* на платной основе. Родственным явлением можно считать моральное предпринимательство, паразитирование на социальных проблемах. Ещё один вариант продажности того, что не все считают легитимным предметом купли-продажи, представляет собой мезальянс или проституция. Следует, однако, избегать представления о жёстких границах между подлежащим и не подлежащим купле-продаже: можно представить себе крайние случаи «продажности не подлежащего продаже» и периферию этой смысловой области, в которой она практически будет сливаться с совершенно «нормальной» рыночной экономикой.

Конкретный случай определяется как факт коррупции в той мере, в которой к нему удаётся применить ряд характеристик. Успешное применение, в свою очередь, может определяться рядом таких свойств ситуации, которые в рамках онтологической традиции принято определять как объективные, как данность, как предмет рассмотрения, оценивания. Однако этим вопрос не исчерпывается: определение случая как коррупционного зависит также от того, кто определяет, почему, каковы мотивы и интересы определяющих. Понятие эксцесса коррупции, предположительно, относится к массе действий и отношений, находящихся на периферии смысловой сферы коррупции и исключающих однозначную интерпретацию в качестве коррупционных.

Для нахождения позиции коррупции в системе координат социального действия важно определить её с точки зрения общих мировоззренческих и поведенческих диспозиций, выходящих далеко за пределы собственной предметной определённости коррупции. При этом её можно представить как одно из проявлений тенденции к сведению всего многообразия жизни к одному из аспектов: обеспечению материального успеха и благополучия. Тогда коррупция будет проявлением редукционистской позиции в отношении жизненных ценностей. Если понимать рациональность не только в процессуальном (соответствие выбираемых средств поставленной цели), но и материальном смысле (баланс ценностей), коррупцию можно представить как проявление иррациональности. В определённой степени, коррупционные решения вопросов характеризуются смещением баланса в пользу непосредственной личной выгоды и в ущерб правовым и моральным ценностям, служебному долгу и интересам избегания повышенных рисков разного характера. Следующей общей характеристикой выступает сдвиг приоритетов в пользу быстрой окупаемости усилий, в ущерб стабильности и устойчивости жизнеобеспечения. С этой точки зрения об эксцессе коррупции можно говорить, скажем, когда ради сиюминутной выгоды на карту совершенно явным образом ставится доброе имя, перспективы карьерного роста, жизнь сограждан и т. п. Мы не определяем всю коррупцию как редукционистский и иррациональный стиль поведения со смещением приоритетов в пользу краткосрочной перспективы. Она лишь в тенденции поддаётся определению посредством повышенной концентрации данных качеств. И чем сильнее они выражены в том или ином случае, тем больше оснований говорить об эксцессе коррупции.

Другой плоскостью, в которой можно наблюдать и проводить различие между коррупцией и некоррупцией, является соотношение между публичными и частными интересами. О коррупции можно говорить постольку, поскольку вопросы широкой общественной значимости решаются, исходя из более частных соображений и интересов. Феномен «извращённой»

коррупции или «антикоррупции» имеет место тогда, когда эти интересы не носят коммерческого характера, а, скажем, основаны на частных представлениях об общем благе. Примерами таких случаев коррупции может служить решение судебных споров судьёй или оказание-неоказание помощи врачом, исходя из собственных идеологических, расовых и иных предрассудков.

Можно также не ограничиваться дуализмом частного и общего в их абсолютном понимании, а исходить из многочисленных уровней, отношения между которыми будут как между более и менее частным или, соответственно, более или менее общим. Так, интересы региона будут более частными относительно интересов страны, интересы предприятия – относительно интересов национального сообщества. Интересы семьи будут более общими относительно интересов отдельных её членов. Интересы благополучия на определённом промежутке времени (жизни одного поколения или отрезка этой жизни) будут более частными по отношению к более длительному промежутку. Коррупция характеризуется обеспечением более частных интересов за счёт пренебрежения более общими, хотя ею отнюдь не покрывается вся совокупность случаев такого дисбаланса между частным и общим в пользу первого из них. Коррупция выступает всего лишь одним из проявлений такого дисбаланса (другими проявлениями будут супружеские или государственные измены, безответственное экологическое поведение и т. д.).

Для дальнейших рассуждений важно проводить аналитическое различие между двумя вариантами целевой направленности коррупции с точки зрения взяткодателя. Представим себе ситуацию, в которой предприниматель платит взятку сотруднику таможи. В этом действии слиты воедино два мотива: обеспечения корпоративных интересов и возможности продолжения бизнеса и повышения личной прибыли за счёт снижения доли таможенных отчислений. В определённых случаях эти интересы будут находиться в прямом конфликте между собой: когда использование

коррупционных каналов направлено сугубо на повышение личной прибыли, и в то же время создаёт значительный риск для бизнеса. Если мы с уверенностью можем определить ситуацию таким образом, перед нами будет классический случай коррупции, которая является эксцессивной (либо даже вредной) с точки зрения корпоративных интересов. Однако мы не можем исходить из упрощённого видения коррупционной реальности с чёткими границами между интересами и мотивами различного уровня. Принимая во внимание комплексную направленность коррупционных платежей (и на частнокорыстные и на корпоративные интересы, и на обеспечение элементарной возможности ведения бизнеса), степень эксцессивности будет определяться сочетанием и взаимоотношением между мотивами и соображениями различного уровня. О том, как именно она будет определяться, речь пойдёт в следующем разделе.

6.1.1.2. Понятие эксцессивной коррупции

Первый аспект эксцесса коррупции соотносится с ситуациями, в которых некоррупционное решение вопросов является предпочтительным с точки зрения как личного благополучия, так и предпринимательского успеха, однако же, вопросы решаются с помощью коррупционных форм взаимодействия в силу инерции мышления и стереотипов мышления.

Доля коррупционных отношений, обусловленная неиспользованием возможностей защиты, образует второй аспект эксцесса коррупции. Иначе его можно определить как меру снижения коррупции при использовании реальных возможностей защиты от неё или разницу между существующим уровнем и таким, который установился бы по задействованию реальных возможностей защиты.

Следует избегать упрощённого понимания предлагаемых выше понятий в 2-х противоположных направлениях.

Первое упрощение связано со строгим подразделением всего массива коррупционных взаимодействий на эксцессивные и неэксцессивные с чёткой

границей между ними. Хотя наличие такой границы предполагается уже самим понятием эксцессивной коррупции, означающим выделение или отграничение её от "неэксцессивной", граница эта представляется как весьма подвижная и условная. Можно представить себе континуум, на одном полюсе которого находится факт совершенно и очевидно ненужной, никем не ожидаемой дачи взятки, повлекшей к тому же за собой лишь негативные последствия для обеих сторон, и давшей и взявшей. На другом полюсе – совершенно неизбежный, жизненно необходимый, и, к тому же, находящий всеобщее моральное признание и оправдание подкуп (за пределами собственно предпринимательской активности, в качестве подобных случаев можно рассматривать спасение значительного числа евреев в гитлеровской Германии посредством подкупа ответственных за преследование чиновников: Harpprecht 2003: 36). Вся совокупность реальных случаев можно будет упорядочить между этими двумя полюсами, подавив таким образом сложность, проистекающую из множества иных аспектов и измерений, создающих качественную определённую, уникальность, неповторимость и несопоставимость отдельных поведенческих актов, соотносимых с понятием коррупции. В таком случае мы будем иметь дело с "эксцессивностью" как переменной – подобной всем тем, которые относятся к стандартному инструментарию эмпирической социологии количественной ориентации. Это открывает возможности для привычной ритуалистики социального анализа: операционализации эксцессивности, шкалирования, измерения, выявления взаимосвязей с иными переменными, расчёта силы этих взаимосвязей и т. д.

Второе упрощение как раз и состоит в сведении к общему знаменателю всего множества коррупционных отношений, которые в таком случае предстают как более или менее эксцессивные. Такое видение предмета чревато тривиализацией проблемы, сведения её на уровень обыденного, самоочевидного и не требующего особых научных подтверждений представления о том, что вступление в коррупционные отношения может быть либо в большей либо же в меньшей степени обусловлено какой-либо

насушной необходимостью. Во избежание подобной тривиализации, понятие эксцесса рассматривается не как инструмент измерения массива коррупционных явлений, понимаемых как однородное множество. Понятие эксцесса – инструмент наблюдения, а наблюдение всегда – различение. Различаем же мы отнюдь не между более и менее эксцессивными случаями коррупции. Понятие эксцесса обладает точной смысловой определённостью. Поскольку тот или иной случай коррупции либо же фрагмент, либо аспект его осмыслен как эксцессивный, он попадает в свою смысловую область, отличную от той, которой охватываются неэксцессивные акты коррупции. На системно-теоретическом языке такие познавательные операции обозначаются как «дигитализация континуума» (Luhmann 1984: 495). В этом смысле коррупция также не может быть более или менее эксцессивной, как нельзя быть чуть-чуть беременной. Если случай относится одновременно и к той и к другой области, это означает лишь низкую разрешающую способность анализа, не позволяющую различать между отдельными компонентами случая, принадлежащими по различные стороны границы. Или же речь может идти о контингентности различения: оно может проводиться так или иначе, в силу чего один и тот же случай может быть отнесён и к одной, и к другой категории.

Различение не соотносится с лежащей за пределами этого различения реальностью как «один к одному» (Luhmann 1992: 52f, 328). Однако при всей условности, подвижности и контингентности, поскольку смысл понятия определён, один и тот же случай нельзя отнести на его основе и к эксцессивным и к неэксцессивным. Эксцесс перестанет быть таковым лишь при ином определении смысла эксцессивности. Если этот смысл соотносится с индивидуальными целями, эксцессивными будут лишь такие случаи взяток, в которых можно доказать и показать наличие столь же быстрого, реального и эффективного достижения тех же целей без взятки. Те случаи, в которых взятка представляет собой наиболее эффективное решение без приблизительно равноценных функциональных эквивалентов, придётся

признать неэксцессивными. Однако значительная часть из них попадёт в разряд эксцесса, если переопределить его понятие, соотнеся его с корпоративными или какого-либо рода коллективными целями. С этих позиций, получение налоговых льгот с помощью подкупа может быть признано неэксцессивным лишь в том случае, когда таким образом обеспечивается сохранение и расширение бизнеса (но отнюдь не материального благополучия ведущих менеджеров).

В смысловых различиях, лежащих в основе выделения эксцессивной коррупции из смысловой сферы коррупционной реальности в целом, значительную роль играет (ре)конструкция каузальных взаимосвязей. В одном случае таковым придается смысл некоей необходимости, обусловленной личными или корпоративными интересами в их рациональном понимании. Или же речь идет о необходимости коррупции как функционального и укоренённого в традиции элемента существующего порядка: устранение этого элемента привело бы к массовой дезориентации и хаосу, поскольку в рамках этой традиции не предусмотрено иных вариантов решения многих вопросов, отсутствуют предпосылки для некоррупционных решений. Этот аспект коррупции занимал многих исследователей, нас же он не интересует. В поле нашего внимания попадают её аспекты, обусловленность которых осмысливается с точки зрения инерции мышления (а не традиции); преобладания иррациональных соображений; выпадения как из нормативного порядка, так и из системы функциональных отношений общества.

Эти соображения носят чисто концептуальный характер. Они призваны пояснить, что и как можно понимать под эксцессом коррупции. В реальности дело обстоит сложнее, диагностика реальных случаев на основе концептуальных категорий или идеальных типов дело достаточно сложное. Никто не гарантирует успешного применения понятия эксцесса коррупции к реальным случаям и ситуациям. Такое применение составляет содержание эмпирической части нашей работы, и в ходе осуществления её

предполагается достичь большей ясности также и относительно концептуальных основ анализа. Концепция эксцесса коррупция пока что далека от законченности. Она использовалась в качестве рабочего понятия исследования, результатом которого стало её уточнение и лишь несколько шагов к её развёртыванию и приданию ей стройного вида. Однако, исследование показало, что дальнейшие шаги в этом направлении заслуживают усилий.

6.1.2. Гипотезы, исходные посылки и цели исследования

Исследовательский дизайн был основан на применении качественных методов социального исследования, суть которых состоит в генерировании гипотез в ходе сбора и анализа информации. Поэтому правильнее говорить об исходных посылках, которые подлежат конкретизации и проверке на релевантность на основе эмпирических данных. Речь не может идти при этом о практикуемой при использовании количественных методах строгой верификации исходных посылок на основе статистического анализа. Исходные посылки и "предварительные гипотезы" можно условно подразделить на 2 группы, дескриптивную и каузальную:

1. Первой группой гипотез, условно определяемой как дескриптивная, предполагается наличие значительного теоретического и практического потенциала понятия эксцессивной (избыточной, чрезмерной, иррациональной) коррупции как инструмента описания реальности. Описание понимается в широком смысле, включающем понятия рефлексии, осмысления, наблюдения. Принимая различение за базовую операцию наблюдения (Luhmann 1992: 68ff.) гипотезу можно сформулировать как предположение о том, что различение общего массива коррупционных отношений на эксцессивные и "необходимые" (функциональные, неизбежные) не лишено смысла и эмпирической соотнесенности. Выражаясь проще, оно не является нонсенсом либо мыслительным конструктом, существующим лишь в головах

исследователей и не имеющих соответствующих ему феноменов за пределами этих голов, в реальной жизни. На уровне эмпирического анализа данная гипотеза может проявляться в 3-х аспектах:

- 1.1. В рефлексии собственного и чужого опыта участия в коррупционных отношениях и противодействия им, непосредственные участники такого опыта (предприниматели, чиновники, работники правоохранительных органов) могут различать между более или менее (не)эксцессивными случаями вступления в такие отношения;
  - 1.2. На индивидуальном уровне существует ряд возможностей некоррупционного решения вопросов, успешно практикуемых рядом предпринимателей и чиновников в таких ситуациях, в которых их коллеги не видят и не используют такие возможности. Такое неиспользование и может пониматься как эксцесс коррупции;
  - 1.3. На массовом уровне существует ряд неиспользуемых реальных возможностей коллективной защиты от коррупции и резервов повышения действенности антикоррупционных мер.
2. Вторую группу гипотез можно определить как каузальную. При этом речь идёт не о причинно-следственном анализе в его детерминистическом или пробабилистическом понимании. Скорее можно говорить о реконструкции смыслового контекста, в котором происходит выделение эксцессивной коррупции из всей массы коррупционных отношений. Как уже указано выше, различение коррупционных отношений на эксцессивные и неэксцессивные проводится на основании различной атрибуции этих отношений (различные варианты атрибуции и будут смысловым контекстом различения). В основе видения отношений как неэксцессивных будет преобладать атрибуция их рациональным мотивам решения вопросов, обеспечения условий для предпринимательской активности и т. д. В основе квалификации коррупции как эксцессивной будет преобладать объяснение её силой инерции, бытующих представлений о неизбежности ее, неумением соразмерить текущие и долгосрочные условия обеспечения бизнес-активности. В этой группе выделяется 4 гипотезы:

- 2.1. В той степени, в которой коррупционные отношения определяются как эксцессивные, они реконструируются в качестве продукта фаталистических представлений о засилье и неизбежности таких отношений, инерции и зашоренности мышления. Эти же обстоятельства парализуют волю и способность к защите от коррупции легальными средствами;
- 2.2. В силу инерции и фаталистических представлений, а также наличия уголовно-правовой нормы, непосредственные участники коррупционных отношений практически выпадают из противодействия ей. Этим объясняется часть коррупционных трансакций, которую можно также определить как эксцессивную, т. е. поддающуюся сокращению в результате более активного участия в противодействии тех, кто непосредственно затронут коррупционными отношениями;
- 2.3. Во многом, существующие формы противодействия коррупции (борьба, морализирование, институциональная реакция и т. д.) создают благоприятный коммуникативный, организационный, культурный, информационный фон, отчасти можно сказать даже контекст или среду, для расширенного воспроизводства коррупционных отношений. Другими словами, характер социальной реакции на коррупцию выступает одним из факторов эксцесса коррупции;
- 2.4. Для многих представителей предпринимательской стороны, расхожие представления о безальтернативности коррупции служат своего рода «культурной подсказкой», помогающей оправдать бездействие в поиске возможностей некоррупционного решения вопросов. Мифологическое содержание представлений о «предпринимателях-жертвах» и вымогателях-чиновниках служит прикрытием для обеспечения владельцами фирм и топ-менеджерами сугубо личного материального благополучия за счёт как корпоративных, так и общественных интересов, выступая при этом ещё одним фактором эксцесса коррупции.

На основе перечисленных гипотез осуществлялось структурирование, организация и упорядочивание исследовательского процесса как поэтапного решения ряда задач. На основе исходных посылок предстояло определиться, какого рода информацию и где необходимо получить, в каком порядке и какими способами. О способах будет сказано несколько слов в следующем

подразделе, пока же необходимо вкратце охарактеризовать задачи, для решения которых эти способы надлежало выбрать и адаптировать.

Представленные выше гипотезы совершенно очевидным образом предполагают в качестве основной задачи выявление типичных проявлений избыточности решения вопросов на основе установления коррупционных отношений и использования социального капитала в виде личных связей в практике предпринимательской деятельности. Речь шла о том, чтобы найти в этой практике эмпирические соответствия для предложенного выше понятия эксцессивной коррупции. Задачу эту можно было выполнить за счёт обнаружения различий в интенсивности использования коррупционных средств различными группами предпринимателей. Об эксцессе коррупции можно говорить в том случае, когда некоторые предприниматели успешно решают некоторые вопросы без коррупции, в то время как иные используют при решении подобных вопросов коррупционные каналы, делая это в рутинном порядке и не представляя себе иных возможностей. В этом состоит второй аспект задачи: выявление мифологического содержания в представлениях о безальтернативности (и даже функциональности) коррупции, о невозможности индивидуального и коллективного противостояния произволу администрации.

Для предстоящего перехода от определения задач к характеристике и обоснованию методов необходимо отметить ограничение, налагаемое на сбор информации масштабом и характером исследования. Совершенно очевидно, что в нашем случае не могло идти речи о массовом изучении реальных случаев коррупции, включающем дискриминацию их на неизбежно-коррупционные, эксцессивно-коррупционные и некоррупционные (альтернативные). Чтобы не возникло недоразумений, следует сразу оговориться, что такого масштаба исследование можно рассматривать либо в качестве общего контекста, либо последующего этапа работы. Пока же мы зондируем почву или проверяем целесообразность и перспективность дальнейшей работы в направлении, заданном концепцией эксцесса

коррупции. На данном этапе невозможно ожидать сколько-нибудь широкого и глубокого проникновения в объект исследования. По аналогии, на первом этапе геологоразведочных работ никто не станет разведывать запасы, копая землю (геологи называют это «бить шурфы») или буря скважины. Археологи также не начинают работу на местности с шурфов или раскопов. Для проведения столь дорогостоящих работ необходимо определиться, а есть ли основания, обнаружить что-либо под землёй в данном месте. Для выяснения таких оснований проводятся более поверхностные работы: сбор образцов с поверхности (геологосъёмка и металлометрия различного масштаба) в геологии и сбор подъёмного (вымытого из-под земли) материала в археологии. Каждый из последующих этапов даёт более точные результаты и требует более высоких издержек, а предыдущий даёт основания судить об оправданности этих издержек. В нашем случае, мы находимся в самом начале данного процесса. На основании концептуальных рассуждений мы выдвинули предположение о наличии теоретического и практического смысла в различии между эксцессивной и неэксцессивной коррупцией в напластованиях практического и дискурсивного опыта предпринимательской деятельности. Теперь же на очереди сбор нескольких образцов, которые призваны показать, есть ли основания ожидать наличия запасов там, где это наличие предполагается исследовательской интуицией и концептуальными рассуждениями. В качестве таких образцов могут выступать несколько типичных случаев коррупционного взаимодействия, а также комментарии экспертов в отношении этих случаев. Если эти комментарии показывают, что в данных ситуациях возможно и практикуется некоррупционное решение вопросов, можно говорить, что различие, послужившее концептуальной базой данной работы, не лишено смысла. А значит, есть резон копать дальше. Наличие смысла требует оценки его запасов.

Пока что можно выделить ряд предварительных критериев оценки смысловой значимости понятия эксцесса коррупции. Одним из таких критериев может выступать массовость рассматриваемых проблемных

ситуаций и распределение коррупционных и некоррупционных решений по ним. Если речь идёт о редком, нетипичном случае, в котором некто решил вопрос с помощью взятки, а другой указал на возможность иного решения, соответственно экзотический характер будут носить также и результаты (в некоторых случаях возникновение и развитие коррупционных отношений характеризуется контингентностью – т. е. оно не исключено, но и не предопределено особенностями этих случаев. В зависимости от личностных особенностей задействованных фигур, текущего состояния дел и многих других обстоятельств «случайного характера», не поддающихся учёту и контролю в силу уникальности, нетипичности случаев, иной раз в таких ситуациях возникнут коррупционные отношения, в иных – нет). Объём смыслового содержания понятия коррупции прямо взаимосвязан с типичностью ситуаций, для которых он установлен. Если в таких ситуациях, как правило, используется взятка, однако в исключительных случаях обходится и без неё, можно говорить о низкой эксцессивности подавляющей массы однородных случаев коррупции. Мыслима и противоположная ситуация: за решение определённого вопроса никому обычно и в голову не приходит платить взятку, однако же, где-то кое-кто у нас порой платит. В таком случае можно говорить о статистически незначимых случаях высокой эксцессивности, что также представляет собой периферийный вариант рассматриваемой проблематики. Классическим же и наиболее интересным как с теоретической, так и с практической точки зрения оказался бы типичный случай, в котором значительная часть предпринимателей прибегает к коррупционным решениям, и, опять же, значительная часть обходится без них. В таком случае имеет смысл заняться более детальным изучением таких ситуаций на предмет выявления факторов, дискриминирующих между коррупционным и некоррупционным решением.

Второй из критериев оценки значимости эксцесса состоит в соотношении преимуществ и издержек, сопряжённых с коррупционным и некоррупционным решениями. Понятие эксцесса коррупции имеет тем более

смысла и тем более убедительно, чем более явно это соотношение говорит в пользу некоррупционного варианта.

Представим себе два предприятия в одном и том же населенном пункте, аналогичных по размеру, профилю и иным значимым признакам. Одно из них обеспечивает для себя налоговые льготы законным путем. Для этого приходится оплачивать услуги сотрудника, который специально занимается этим вопросом, располагая для этого необходимыми правовыми и иными знаниями. Другое предприятие систематически получает налоговые поблажки, выплачивая определенные суммы через адвокатскую контору и оплачивая при этом посреднические услуги данной конторы. Об эксцессе коррупции можно будет говорить во втором из случаев, если совокупные суммы поблажек за вычетом оплаты услуг адвокатской конторы окажутся ниже совокупных сумм льгот за вычетом оплаты услуг собственного специалиста в первом случае. И даже если баланс затратной и доходной стороны коррупционного решения (второй случай) окажется выше, но и в первом случае предприятие, тем не менее, окажется способным выдержать ценовую конкуренцию и сохранить свои позиции на рынке. Тогда можно будет сказать, что дополнительное улучшение доходной стороны коррупционным путем является эксцессом. Согласно нашему определению, эксцессом будут любые коррупционные решения, пусть даже они приводят к невероятному повышению доходной стороны, без которых предприятие может всё-таки существовать и успешно действовать на рынке. Принятие во внимание моральных и правовых издержек, сопряженных с установлением и поддержанием коррупционных отношений, смещает баланс в пользу варианта, обозначенного выше как первый случай. Однако такие добавочные издержки (риск раскрытия, отношения зависимости и т. п.), не поддаются точному подсчёту. Поэтому размеры эксцесса будут тем более велики в количественном отношении, а соотносимость ситуации с понятием эксцесса тем более убедительной в логическом отношении, чем больше отношение

между льготами за вычетом оплаты специалиста в первом случае к поблажкам за вычетом оплаты посредничества во втором случае.

Наиболее же явной будет эксцессивность в том случае, когда удастся доказать, что коррупционный вариант не только менее преимущественен для успешного функционирования предприятия, но и для личного дохода руководства, принимающего коррупционные решения. Это можно пояснить на примере фиктивного случая, представляющего некий крайний вариант эксцесса коррупции. Представим себе, что некто X основал фирму. В случае легального ведения финансов, для него можно спрогнозировать совокупный определённый личный нетто-доход на протяжении предстоящего 5-летнего периода. Предположим теперь, что с самого начала руководство, нарушая финансовую дисциплину, присваивает себе значительно больше, чем это допускается легальным финансовым режимом деятельности. Это оказывает неблагоприятное воздействие на развитие предприятия. К присваиваемым суммам добавляются коррупционные платежи проверяющим органам, и в итоге слишком высокая доля средств расходуется на обеспечение личных доходов руководства. Кроме этого, следует ожидать значительного деморализующего эффекта, снижения финансовой, трудовой и деловой дисциплины среди персонала. В итоге предприятие разоряется через год. В течение этого года руководство получило доход, скажем, в два раза превышающий годовой доход, который был бы получен без финансовых нарушений. Тогда, по сумме за 5 лет окажется, что оно получило не пять, а всего два годовых дохода от функционирования данного предприятия. Эксцессивность коррупции в таком случае измеряется недополученной суммой в размере 3-х годовых доходов. Совершенно очевидно, что эксцессивность будет возрастать по мере удлинения периода соотнесения. Конечно, это упрощенный, абстрактный и очень фиктивный пример, не учитывающий процента на доход, получаемый «досрочно» нелегальным образом. Ещё более серьёзные возражения может вызвать абстрагирование от проблемы различия между долями присвоенных средств, выводимых из

бизнеса и направляемых на личное потребление, и реинвестируемых, хотя бы в виде того же коррупционного обеспечения благоприятного налогового или таможенного режима, подавления конкурентов, поддержания необходимых контактов в администрации и т. п. Кроме этого, можно себе представить, что определённая часть руководства после банкротства предприятия тут же получает кредит и создает следующую фирму, и история повторяется. Однако в пояснении понятий не обойтись без абстракций и упрощений, а логику приводимого выше упрощённого случая вполне можно применить и к более сложным ситуациям для пояснения понятия и критериев оценки масштаба эксцесса коррупции. Такой ситуацией может быть, скажем, серия бизнес-попыток определённого бизнес-субъекта. Однако следует учитывать, что «чистым» понятием эксцесса коррупции вычленяется лишь частный аспект ситуаций, соотносимых с предложенным выше абстрактным примером. В непосредственном восприятии подобных жизненных ситуаций, реальные случаи в своей качественной полноте и определённости предстают скорее в виде конгломерата морально дурных и интеллектуально некачественных образцов коммерческого поведения и ведения бизнеса.

Эмпирическая задача состоит в применении приводимой выше логики рассмотрения фиктивного случая и соотношения издержек и преимуществ коррупционных решений к конкретным эмпирическим ситуациям. Один из вариантов решения задачи может быть оформлен как сопровождающий анализ функционирования предприятия с учётом состоявшихся и оппортунистических издержек. Реальными следует считать издержки, связанные с коррупционными решениями по ряду вопросов. Под оппортунистическими издержками можно понимать разницу между полученной прибылью и такой, которая была бы получена при решении этих же вопросов альтернативными, некоррупционными методами. Другой вариант эмпирического решения задачи могут содержать в себе комментарии экспертов по поводу коррупционного решения тех или иных проблем. Если эксперты предлагают некоррупционное решение для таких же проблем при

таких же или более низких издержках, можно говорить об обнаружении эксцесса коррупции.

В рамках основной задачи, коррупция выступала в качестве объекта исследования, предметом же было различие между эксцессивными и неэксцессивными проявлениями коррупции. Помимо этого, исследовательский замысел предполагал решение дополнительной задачи, объектом которой являлась рефлексия на коррупцию, включая теоретическое осмысление и практическое реагирование. Предстояло определить, в какой степени в моральных суждениях, оценке перспектив и выработке стратегий противодействия, практических решений по конкретным случаям более или менее эксплицитно проводится различие между более или менее эксцессивными формами и конкретными проявлениями коррупции. В частности, некоторые формы могут рассматриваться как естественные, само собой разумеющиеся и даже полезные, против которых не имеет смысла бороться или сопротивляться, а нужно молча платить сколько требуется, пока не потребовалось больше. Есть некоторые основания полагать, что именно так обстоит дело с коррупционными платежами сотрудникам ГИБДД. Или же, при невозможности противодействия всем и вся фактам коррупции, используются критерии отбора случаев для реагирования с использованием таких понятий как перебор, чрезмерность, неуместность (то есть, не сам факт взятки в принципе вызывает возмущение, несогласие, реакцию, а то, что не тот потребовал взятку, не от того, не столько, не за то и т. д.).

Исследование рефлексии на коррупцию включало в себя ряд аспектов, имеющих непосредственную практическую значимость. В частности, на примере нескольких случаев была предпринята попытка критической оценки деятельности по противодействию коррупции с выявлением резервов повышения результативности данной деятельности. Помимо усилий правоохранительных органов, предметом анализа явились программы субъектов гражданского общества и действия по реализации этих программ. Одним из направлений этого анализа явилась выявление перспектив

объединения и координации антикоррупционных усилий различных субъектов, а также активизации организованного участия в них представителей предпринимательства. В процессе работы над этой проблематикой невозможно было обойти стороной вопросы правовой базы антикоррупционной деятельности субъектов гражданского общества. В частности, с экспертами обсуждались возможности проведения общественных акций с требованием отстранения коррумпированных чиновников и возмещения нанесённого ими ущерба, выступления в средствах массовой информации, заявление гражданских исков и возбуждение уголовных дел, юридическая конструкция потерпевшей стороны, разработка механизма защиты и правового иммунитета свидетелей и участников антикоррупционных акций и т. д.

Следует ещё раз отметить, что масштабы исследования не предполагали выход за рамки эксплоративного решения поставленных задач. Речь шла не о всесторонней и глубокой разработке проблем. Мы ставили своей целью только лишь выявление наиболее перспективных направлений, заслуживающих такой всесторонней и глубокой разработки. На основе полученного материала не предполагалось также выработки готовых рецептов противодействия коррупции или уклонения от неё. Однако это не освобождает от необходимости обоснования социальной значимости предполагаемых результатов. Более того, представление о такой значимости служит неким ориентиром, помогающим организовать исследовательский процесс, определить его идентичность, исходные и финальные позиции. Не ожидая от собственных усилий каких-либо видимых изменений в социальной жизни, тем не менее, имеет смысл соотнести эти усилия с желаемым ходом исторического процесса. В порядке такого соотнесения, хотелось бы обозначить в качестве цели нашей работы создание базы для организационной и просветительской работы по мобилизации предпринимателей на коллективное противодействие коррупции, а также для

консультирования по индивидуальным возможностям некоррупционного решения вопросов.

6.1.3. Методика исследования

Методологические и методические решения определялись изложенными выше гипотезами, а также определением, предмета, целей и задач исследования. Названные характеристики, задающие целевую направленность и средства исполнения проекта, предопределили почти исключительное использование качественных методов социального исследования.

В ходе исследования были предприняты следующие шаги: вторичный анализ литературных и документальных источников по вопросам правоохранительного противодействия коррупции, проведение серии экспертных интервью, социальный эксперимент, изучение случаев (*case studies*) и дискурс-аналитическое изучение дискуссии о коррупции в средствах массовой информации. Необходимо вкратце охарактеризовать особенности методического оформления названных элементов исследовательского дизайна. Поскольку в договорённостях с носителями информации была гарантирована неукоснительная анонимность, мы не можем приводить здесь какие бы то ни было имена или характеристики, позволяющие идентифицировать предприятия и организации, о которых идёт речь, хотя во многих случаях наши собеседники и не имели бы ничего против этого.

В рамках экспертного интервью подлежал обсуждению общий вопрос о предпосылках активизации организованного коллективного противодействия коррупции и о возможностях индивидуального нахождения некоррупционных решений. По мере углубления в предмет исследования предполагалась модификация инструмента сбора информации с конкретизацией первоначальной постановки проблемы, развертывания её в виде веера вопросов по частным аспектам. Было предусмотрено и

параллельное применение противоположного методического решения: вначале был составлен неструктурированный перечень вопросов, имеющих отношение к теме. Окончательная структура интервью выработывалась в процессе "предварительных" интервью путем отсекаания малозначимых вопросов, группировки остальных, переформулирования и т. д.

При всей трудоёмкости, этот подход зарекомендовал себя в предыдущих исследованиях Сектора социологии девиантности и социального контроля Социологического института РАН как весьма результативный. Он обеспечивает баланс двух основных источников постановки исследовательских вопросов: предварительных, концептуально препарированных представлений исследователя и понятийно-смысловых категорий жизненного мира участников подлежащих изучению процессов и отношений.

Оформление и проведение экспертных интервью осуществлялось с опорой на оригинальную, разработанную в предыдущей исследовательской практике Сектора методику совмещения нарративной и фокусированной техник. Нарративность состояла в том, что экспертам предлагалось изложить их видение проблемы в виде законченных "рассказов" о конкретных ситуациях, фрагментах их опыта. Фокусированность подразумевала жёсткую привязку предмета и содержания данных "рассказов" к проблеме коррупции и противодействия ей. Проблема инициативы предпринимательской стороны, вовлечения ею чиновников в коррупционные отношения подлежала раскрытию, прежде всего на основе интервью с менеджерами крупных инвесторов и представителями администрации. Проблему же коррупционного произвола бюрократии предполагалось исследовать на материалах интервью с представителями малого бизнеса.

В результате отбора экспертов был составлен предварительный список, включавший сорок одного эксперта в Санкт-Петербурге и девять экспертов в Чите. По итогам первичных контактов, из них было отобрано двадцать шесть «целевых» экспертов, проявивших как достаточный уровень компетентности,

так и готовность к открытому диалогу по теме исследования. В целом, состоялось десять интервью с российскими предпринимателями – бухгалтером сети компьютерных клубов, владельцем автозаправочных станций, коммерческим директором автосервисной мастерской, менеджерами фрахтовой компании, банка и строительной компании, генеральными директорами частной областной телекомпании, пищекомбината, областного телекоммуникационного предприятия, предприятия сферы развлекательных услуг (рестораны, развлекательные комплексы). При этом были охвачены предприятия различного масштаба и разных форм собственности. Были проведены также интервью с четырьмя представителями областной, городской и районной администрации (бывший член административно-технической комиссии, сотрудники районной налоговой инспекции, таможни, заведующий отделом областной администрации); двумя экспертами по коррупции из числа учёных; представителем правоохранительных органов (районной прокуратуры); руководителем регионального отделения политической партии и представителем некоммерческого фонда. Далее, в число экспертов вошли пять зарубежных предпринимателей и менеджеров, представляющих предприятия, работающие с Россией.

В соответствие с нарративно-фокусированной методикой, о которой говорилось выше, интервью состояло из двух частей. В нарративной части собеседнику предлагалось рассказать о проблемной ситуации взаимодействия с чиновниками. Ситуации имели разовый характер либо состояли в длящемся взаимодействии по поводу решения проблемы (получения лицензии или налоговых льгот, прохождения таможенного контроля, пожарной или санитарной инспекции и т. д.). Эксперты выступали непосредственными участниками данных ситуаций либо рассказывали о случаях, имевших место с третьими лицами. В фокусированной части они комментировали ситуацию, и перед ним ставилась серия вопросов о возможности уклонения от коррупционных форм решения вопросов, о перспективности различных форм противостояния коррупционному произволу и об оппортунистических

издержках коррупционных трансакций. Вопросы фокусированной части адаптировались соответственно характеру деятельности собеседника. Материалы проведённых интервью использовались при подготовке последующих, причём наличие таких материалов существенно повышало информативность, задавая предметную направленность обсуждения и облегчая вхождение в тему.

Полученные массивы информации можно упрощенно подразделить на две категории: *дескриптивные характеристики* типичных ситуаций коррупционного взаимодействия и *комментарии*. Каждое интервью включало в себя оба элемента: описание коррупционных ситуаций из собственного (или чужого) опыта и комментарии к таким описаниям, предложенным предыдущими собеседниками. **Для анализа полученных данных применялось рабочее определение эксцесса коррупции: коррупционное взаимодействие определялось как избыточное постольку, поскольку на основании комментариев к конкретным случаям и обобщённым описаниям "коррупциогенных" ситуаций можно было судить о наличии и реальном опыте альтернативного, некоррупционного решения вопросов в подобных случаях и таких ситуациях.**

В рамках социального эксперимента были сформулированы компактные предложения по проведению единовременных антикоррупционных акций и/или организации антикоррупционной деятельности на постоянной основе. Эти предложения были представлены на рассмотрение представителям региональных отделений 2-х политических партий и одного фонда. Данные организации были отобраны на основе существующих с их представителями контактов, позволяющих рассчитывать на серьёзное отношение к внесённым предложениям: что они, по крайней мере, будут прочитаны и при невозможности их хотя бы частичной реализации будут указаны обстоятельства, исключающие возможность реализации. Кроме этого, одна из партий и фонд претендуют на представительство интересов бизнеса в целом, малого и среднего

предпринимательства в особенности. Другая партия характеризуется своей резкой антикриминальной риторикой, включая обещания предпринять радикальные меры против коррупции. Далее, на последней стадии экспертного интервью в инструментарий были внесены сформулированные на основе предыдущих интервью рекомендации по индивидуальному уклонению от вступления в коррупционные отношения. Были получены комментарии к предлагаемым мерам. Исследовательская задача решалась путём документирования и анализа реакции на эти предложения.

В рамках изучения случаев (*case studies*) планировалось проследить процесс так называемого "осветления" 2-3 предприятий малого бизнеса, т. е. вывода их из семилегальной в легальную сферу предпринимательства с разработкой экономической модели данного процесса, учитывающей его издержки, результаты и общие перспективы оптимизации соотношения тех и других. На основании этого предполагалось выработать характеристику эксцесса коррупции, состоящего в издержках на обеспечение возможностей жизнедеятельности предприятия в нелегальной сфере. Эксцесс состоял бы в превышении таких издержек над затратами, которые дополнительно появляются в связи с переходом в сферу легальную, в частности, более высокие суммы налоговых и иных официальных отчислений. Как и предполагалось изначально, установить контакты с предприятиями, находящимися в стадии осветления или становления, оказалось чрезвычайно сложным. Из предварительного списка предприятий, с которыми удалось установить контакт, лишь одно отвечало этим требованиям. Однако контакт с персоналом этого предприятия оказался недостаточно доверительным, а обстановка на нём слишком нервной, что сделало невозможным систематический сбор информации по происходящим процессам. Поэтому пришлось удовлетвориться наблюдением за текущей рутинной работой двух предприятий, не переживающих в данный момент существенных сдвигов или трансформаций.

В рамках дискурс-аналитического изучения дискуссии о коррупции в средствах массовой информации был изучен массив из одной санкт-петербургских и двух центральных газет за 2004 год. Анализ был нацелен на коммуникацию представлений об обстоятельствах, обеспечивающих или исключающих успешность в индивидуальном и коллективном противостоянии коррупции. Рассмотрению подвергались как сообщения о конкретных случаях, так и аналитические материалы. Иные письменные источники оказались практически непригодными для анализа поставленной проблемы в силу своей неинформативности. Уже на стадии предварительного ознакомления с материалами по проблеме коррупции было установлено, наряду с узостью литературной базы, полное отсутствие документальной базы для изучения предмета в рамках задачи выявления эксцесса коррупции и расширения некоррупционных каналов взаимодействия предпринимателей с чиновниками. Материалы уголовных дел и статистические данные не содержат ровным счётом никакой информации, которая позволила бы пролить свет на данный вопрос. При планировании предполагалось, что в судебно-следственных материалах может содержаться косвенная информация. Однако при непосредственном ознакомлении с ними оказалось, что сама структура ведения дел исключает фиксацию моментов, позволяющих судить об эксцессивности коррупционных транзакций. С точки зрения закона, вся коррупция эксцессивна, т. е. находится за пределами необходимого для осуществления предпринимательской деятельности.

Если говорить об общеметодологической базе исследования, в качестве таковой следует признать позиции радикального конструктивизма, получившие наиболее детальное и глубокое развитие в работах немецкого социолога Никласа Луманна. Данное решение было продиктовано изложенными выше определениями предмета и целеполаганием исследования. Оно обосновывается и разъясняется во многих местах предлагаемой работы, и здесь имеет смысл лишь очень кратко изложить его суть. Речь идёт о том, что коррупция в общем и такие её атрибуты как

функциональность и дисфункциональность, неизбежность, безальтернативность и эксцессивность в частности предстают как процесс и продукт коммуникации – социальной реальности *sui generis*. Основная цель состоит не в рассмотрении находящихся за пределами рассмотрения процессов и отношений «как они есть», хотя такая постановка задачи не отвергается и не исключается. Однако мы не об этом; нас интересует, каким образом та же самая коррупционная реальность, как она есть, может в зависимости от того, кто, как, где, почему коммуницирует, определяться как вредная или полезная, как неизбежная либо эксцессивная, наконец, как коррупция либо как некоррупция.

6.2. Результаты исследования

6.2.1. Эксцесс коррупции: взгляд изнутри

Следует отметить одно ограничение полученных результатов. Как в литературе, так и экспертами проводилось различие между двумя уровнями коррупции. Вполне уместно говорить даже о двух коррупциях, существующих в различных плоскостях социальной реальности, не пересекающихся между собой, и качественно различных. **Одна из них** – обыденная или микрокоррупция, договорённости по упрощённому и ускоренному решению процессов. Один из примеров такой приводится нашим экспертом, зарубежным предпринимателем:

Да, я здесь директор, я официально получаю деньги. Для этого надо трудовое разрешение. И там, по-моему, больше тридцати документов нужны были в три разные инстанции, там требовался такой документ, который подтверждает, что я участвовал в дневном тренинге для директоров о пожарных ситуациях. И не знали, покупать этот документ или я просто участвовать должен. Если честно, просто покупали (X, директор агентства по бизнес-контактам).

Другая – макрокоррупция в сфере определения прав собственности на крупные объекты, движения мощных финансовых потоков и т. п. Этот же эксперт характеризует различие следующим образом:

Вероятно да, но я вижу эту проблему немножко так, что есть проблемы коррупции на высоком уровне. Это действительно большая проблема. И есть такая коррупция, которая на самом деле не намного отличается от тех правил, которые, например, существуют в немецком генеральном консульстве (X)².

Ограничение наших данных состоит в том, что они имеют отношение только к **первому** из названных уровней или типов коррупции. Это обусловлено совершенно тривиальным техническим обстоятельством – мы не смогли установить контакт с экспертами, которым довелось бы участвовать в отношениях, охватываемых понятием макрокоррупции. Либо же наши эксперты не сочли нужным повествовать о подобном опыте (теоретически, некоторые из них по характеру деятельности имеют доступ к высоким сферам, на которых локализованы сюжеты макрокоррупции).

Относительно макрокоррупции мы ограничимся двумя замечаниями общего характера. **Во-первых**, она относится к разряду явлений, о которых все знают, что это есть, но никто не видел этого. Информационный вакуум при этом возбуждает креативную фантазию, продукты которой, мифы и легенды, заполняют зияющую пустоту. **Во-вторых**, у нас есть некоторые основания полагать, что понятие эксцесса применимо и к макрокоррупции. По крайней мере, один из примеров, рассказанных нашими экспертами, может служить указанием на это. Российский предприниматель, бизнес-партнёр нашего эксперта, получил в банке кредит в размере одного миллиона условных единиц. Кредит был выдан под проект, совершенно бесперспективный с экономической точки зрения (расширение поставок товара на секторе рынка, который находился в процессе быстрого усыхания в связи с монополизацией его крупными торговыми цепями). Проблема усугубилась тем, что кредит был предоставлен с неформальным условием трудоустройства значительного числа сотрудников для обеспечения предполагавшегося расширения (своеобразная форма «отката»). В итоге

---

² Иностранные предприниматели, работающие в России, склонны ниже оценивать различия между Россией и своими странами в распространённости коррупционных отношений, нежели российские предприниматели, имеющие опыт работы за рубежом (фрагменты интервью с АН, представляющим автосервис, см. ниже).

предприниматель разорился, против него было возбуждено уголовное дело по линии ОБЭП, он оказался неплатёжеспособным по ряду других кредитов (В, бывший поставщик сельскохозяйственной продукции). Это является классическим примером эксцесса коррупции, поскольку с точки зрения предпринимателя и его бизнеса не было ни смысла ни необходимости в получении этого кредита и связанных с ним коррупционных транзакциях. Тем не менее, на основании одного примера мы не можем делать эмпирических выводов о смысловой значимости понятия эксцесса коррупции для наблюдения процессов и отношений в сфере макрокоррупции.

Далее рассматриваются конкретные ситуации, характеризующие различные аспекты коррупционной реальности, включая эксцессивность коррупции.

(АН) – инженер с высшим образованием, квалифицированный автотехник. Проходил практику на предприятиях в Германии и США в общей сложности около 7 лет. Работал в автомастерских города с 1992 г. В 1999 г. зарегистрировал собственную фирму, которая занимается авторемонтом, техническим обслуживанием и тюнингом преимущественно автомобилей иностранного производства и в небольшой доле отечественных автомобилей. Таким образом, можно считать эксперта опытным предпринимателем, имеющим представление о технологии бизнеса в России и за рубежом, а также обладающим необходимой для анализа данного исследования информацией. Респондент накопил огромный опыт в составлении официальных документов для регистрации различных деловых транзакций, имеет большой опыт в общении с представителями бюрократического аппарата.

АН: Нигде за рубежом ничего подобного нашей системе я не встречал. В Европе и Америке малый и средний бизнес только за счёт своих налогов является кормителем чиновников, поэтому им просто невыгодно душить предпринимателей, как-то препятствовать открытию, регистрации фирм. Это живые деньги, которые идут на развитие городов, регионов, предприятия, которые привлекают инвестиции, капитал, ну и, в конце концов, платят чиновникам зарплату.

И: Ты хочешь сказать, что там вообще нет коррупции?

АН: Видимо есть где-то на таком уровне, что с земли его не видно. По крайней мере, её нет на низшем уровне... Ну плюс к этому, надо добавить, что обычный бизнесмен просто не желает платить взятки. Они же все по-честному платят налоги. Тут даже не с чем сравнивать...

Это мнение интересно сопоставить с приведённым выше высказыванием Х, представителем агентства по бизнес-контактам в России, в котором утверждается прямо противоположное.

АН начал свою деятельность с регистрации фирмы. На первом этапе никаких трудностей не возникло. Опыт сбора и составления необходимых документов, написания бизнес-плана у него был. Сразу же обнаружилось, что в Санкт-Петербурге существует большое количество фирм, берущих на себя эти формальности и работающих в качестве посредника, а также готовых фирм «под ключ». Однако бизнесмен имел определённые моральные установки и не хотел платить за то, что считал своей работой:

У меня есть руки, ноги, голова, я физически и умственно здоров и вполне могу себе позволить роскошь заняться всем сам. Я вообще считаю, что это – нормальная деятельность бизнесмена. Да, у нас всё это очень непросто, но, в общем-то, я и собираюсь заниматься этим непростым делом. Значит надо разобраться во всем самому (АН).

Справедливости ради заметим, что ряд других наших экспертов имеют другое мнение на этот счет. Например предприниматель Ш. Говорит:

Ш: Существование фирм, оформляющих документацию для бизнесменов вполне оправдано. Это экономит время и энергию.

Р: А если это оформление «под ключ», куда заложены всевозможные взятки?

Ш: Все как-то зарабатывают. Если это бизнес, тем более *чужой* бизнес, я не хочу наступать ему на горло...

Вернемся к нашему эксперту АН. Очевидно, что практика за границей и относительно долгое наблюдение за процессом деловых отношений там, повлияли на АН в сторону выбора не самого легкого пути в российском бизнесе, однако интересного именно для нашего исследования.

Следующим этапом, где новая фирма столкнулась с потенциальной возможностью коррупционных вымогательств, был выбор дислокации предприятия. Фирме требовалось место, желательно с помещениями под боксы-мастерские. Выбор, в значительной мере случайный, пал на государственное предприятие – научно-исследовательский институт, который активно сдавал свои помещения и территорию в аренду. Обратившись туда по коммерческому объявлению, АН обнаружил, что выбрал, в принципе, не самый оптимальный, но самый ресурсосберегающий способ. Он мог пойти в агентство, которое просто подобрало бы ему помещение, но при этом взяло бы довольно высокую комиссию, мог обратиться к знакомым и получить место за определённую плату. Как оказалось даже и в этом институте, он мог получить то же место в обход коммерческой службы, заплатив, например, директору или кому-то из заместителей:

И: Как ты себе представляешь сам процесс?

АН: Я думаю, что это не были бы деньги в конверте, хотя и такой возможности не исключаю. Мне кажется, это было бы обслуживание их техники. Институтской там немного было, а вот личных машин – точно. Просто очень не хотелось вешать на себя такие обязательства, у меня и так внеплановых всяких работ хватает, зачем еще эта головная боль. И потом... всё получилось, как получилось. Мне вообще с этим местом сильно повезло, потому что они безграмотные бизнесмены...

Как выяснилось впоследствии, институт, сдав в аренду предпринимателю ангар с помещениями под мастерские и часть территории, достаточную для начала работ, действительно проявил себя не очень грамотным в отношении бизнеса. Оказалось, что в планы администрации входило сдать помещения, а за использование коммуникаций брать отдельную плату. АН при составлении контракта воспользовался услугами юриста-специалиста по коммерческой недвижимости и арендному праву. Эта консультация была недешёвой, и при отсутствии на тот момент каких бы то ни было угроз и рисков, казалась излишней. Однако через неделю работы фирмы выяснилось, что деньги не были потрачены напрасно. Получив определённые претензии со стороны администрации арендодателя и обсудив их в переговорном режиме, АН

пришлось доплатить только за использование телефонной пары. В остальном, договорные обязательства сторон были соблюдены так, что даже при одностороннем расторжении бизнесмен ничего не терял и даже, возможно, смог бы заработать:

После переговоров, коммерческий директор за рюмкой чаю разоткровенничался и даже сказал мне, что я правильно сделал. Так, говорит, нас и надо. Я не знаю насколько это типично, но в этом институте много чего было сделано именно так – люди сидят на каких-то ресурсах, не важно что это, земля, помещения, какие-то разработки, техника... Они привыкли, что им надо только свистнуть, типа, «ребята, налетай – продаётся», «ребята» за все заплатят. Но это не всегда так. Приходят грамотные люди, которые специально чему-то учились и составляют контракты так, что иногда вообще копейки платят. Дело в том, что в госучреждениях продают не своё. Оно им все досталось бесплатно, поэтому и теряют они так легко. Я знаю, что они два свои филиала практически за бесценок в аренду отдали, да так, что назад забрать, это ещё потрудиться надо (АН).

В процессе деловой активности АН не раз приходилось сталкиваться с различными необоснованными претензиями со стороны различных лицензионно-разрешительных и др. служб. Однако приобретённый им положительный опыт общения с юристом всегда заставлял его проконсультироваться относительно законодательной трактовки того или иного вопроса. Результат часто удивлял, но был практически очень ценным, потому что незнание или неверная трактовка законов, как выяснилось, характерна и для чиновников. Видимо, выдвигая аналогичные претензии другим фирмам, чиновники редко сталкиваются со столь хорошо организованной юридической поддержкой малого бизнеса, поэтому их квалификация остается на том же уровне, а коррупционные возможности развиваются только экстенсивным путем: кто-нибудь да заплатит. При этом правовая неграмотность или потенциальная неграмотность используется крайне широко:

АН: ...ко мне приходили с самыми разными требованиями и проверками. Я думаю, что большинство из них – по наводке моих же арендодателей. Не могу сказать, чтобы они сильно уж мне мешали, но периодические попытки выгнать меня с территории вяло, но предпринимались.

И: А зачем им это надо? Ты же платил исправно.

АН: Платил-то я исправно, но, видимо, они поняли, что с менее грамотного могли бы и побольше иметь, а может и просто подвернулся кто-то ещё на это место.

И: Так что с проверками?

АН: Ну, приходит некий инспектор, показывает корочку и спрашивает, а где разрешение на сварные работы? Дело в том, что в советские времена существовали всякие монстры типа котлонадзора, которые могли запретить практически любой вид работ. Сейчас уже многое из этого не требуется вовсе, но остались люди, которые ещё с тех пор работают и всё также чувствуют себя начальниками всей производственной сферы жизни... Ну и, конечно, инерция осталась. Им сразу с порога многие – а давайте мы у вас прямо сейчас эту лицензию оформим, не отходя от кассы. И платят.

Таким образом, принципиальное нежелание платить поборы стимулировало подробное изучение нормативно-правовой базы и консультации с юристом. И то и другое, конечно, затратно, но, в конечном счёте, видимо, все-таки более выгодно для предпринимателя хотя бы потому, что не требует регулярных незаконных выплат:

Лучше я посажу одного юриста на зарплату, чем буду кормить нескольких дармоедов (АН).

Неожиданную поддержку владелец автосервиса получил от представителя криминальных структур. В районе, где расположена его фирма, проживает один из городских «авторитетов». Первый раз он заехал в мастерскую для ремонта машины. В дальнейшем установился почти дружеский контакт:

Мы с З. часто общаемся... Он вообще человек неглупый, часто всякие интересные вещи говорит. Самое удивительное, что он мне по району раскладку всю выдал. Этот заедет, будет просить машину сделать, денег никогда никому не платит – гони его. Такой-то – тоже беспредел, а вот этому и этому можно и сделать, люди приличные, добро не забывают (АН).

Речь в данном случае идет не о коллегах криминального лидера, а начальниках разного уровня в администрации района и правоохранительных органов:

Сам он всегда платил. С самого первого раза сказал – ты работаешь, деньги зарабатываешь, всё нормально. Дал мне визитку, если кто заедет, будет создавать проблемы – звони (АН).

По словам З., в городе ещё остается некоторое количество «диких» рэкетиров-вымогателей, которые, не принадлежа ни к какой группировке,

могут «наехать» на хозяина, заставить платить. Существует также угроза того, что приедет кто-то «посерьёзнее» с просьбой перебить номера или разобрать угнанную машину. В принципе, это большая редкость, так как люди, занимающиеся этим видом криминального бизнеса, используют свои мастерские. Самая большая угроза исходит от чиновников и представителей всех правоохранительных органов, так как именно они любят бесплатно ремонтировать свои машины. Иногда такие действия выглядят как коррупционная интеракция, например, если сотрудник ГИБДД за такого рода услуги предоставляет талоны гостехосмотра и т.п., или сотрудник налоговой службы предупреждает о проверке (или же наоборот инициирует её за отказ), но на практике выясняется, что за подобного рода услугами чаще всего ничего не стоит. Один из наших респондентов рассказывал, что, когда несколько лет назад прошел слух об обмене старых водительских прав на права новой формы, то нередко была ситуация, когда водители обращались к сотрудникам ГИБДД (тогда еще ГАИ) с документами и «приложением» в виде взятки от 20 до 100 долларов США, после чего получали назад свои же права, но уже без денег.

У меня есть друзья в таких же мастерских, у которых ремонтируются всякие наши службы... Ну, да, есть у них контакт, здороваются они за ручку, иногда пьют вместе, ну и что? Об этом только рассказать можно – вот вчера водку пил с таким человеком... И что? По-моему это иллюзия защищенности, если где-то припрёт по-серьёзному, вряд ли кто-то из них помогать будет (АН).

Такого рода коррупционные отношения можно назвать, фигурально выражаясь «торговлей погонами». Человек, занимающий определённый пост в государственном аппарате или правоохранительных органах, собирает со своего района статусную ренту в виде бесплатных обедов, бесплатного ремонта квартиры, машины. Чаще всего никакой реальной помощи бизнесмены не получают даже в случае какой-либо угрозы для своего бизнеса:

АН: Нет, конечно, я вполне допускаю, что у меня могут угнать машину... И вот, я прихожу в милицию, и этим делом начинает заниматься опер, которому я машину делаю за бесплатно... Но это же всё настолько зыбко... А если я

заболею и попаду к врачу, который у меня чинится, или в магазине своего клиента покупать что-то соберусь. Что же нам всем натуральным обменом заниматься, что ли?

И: То есть ты считаешь, что без коррупционных отношений вообще можно прожить?

АН: Ну, я не настолько наивен. К тому же есть суровая действительность, которая доказывает, что это не так. У меня всё равно кое-кто ремонтируется бесплатно, потому что я знаю, что этот человек вообще может закрыть мое предприятие одним звонком по телефону. Есть ещё тут одна группа... офицеров, так скажем. Тут всё сложнее. Я просто их побаиваюсь, если честно. Мне есть что терять, а от них можно ожидать чего угодно.

И: А может это блеф?

АН: Вряд ли. Я же тоже кое-что знаю, с кем-то общаюсь. Самое страшное, это когда не поймешь, криминальная перед тобой система или все ещё государственная служба...

Здесь речь идёт о широко известном феномене приватизации должностных полномочий в целях извлечения личной выгоды:

И: А как у тебя складываются отношения с «традиционными» службами? Скажем, с пожарниками.

АН: Тут всё проще, грубее и циничнее. Любой пожарник может закрыть любое предприятие. Так уж у нас законы и правила эксплуатации написаны. То есть, тут всё зависит от личности. У меня попался приличный мужик. Я пару раз в полгода что-то там делаю с его машиной, а он меня за это почти не достает. Иногда сам приходит и говорит – тут вот надо то-то и то-то сделать, а то могут быть неприятности.

И: И это неизбежно?

АН: Я просто смысла не вижу, с этим бороться. Мне это обходится слишком дёшево, чтобы голова об этом болела. А вот если он меня закроет, вот тогда – да.

Нельзя сказать, чтобы история АН была типична для отечественного малого бизнеса. Однако и в разговорах с другими нашими респондентами не раз приходилось слышать о консультациях с юристами, самостоятельном изучении законодательства и, как результат, сведении коррупционных механизмов к минимуму. Так же часто отмечается чёткая морально-этическая позиция бизнесменов, согласно которой умение использовать свое служебное положение является «искусством». Чиновник, занимающийся «торговлей погонами», всегда вызывает чувство брезгливости и получает

характеристики, самая мягкая из которых – «дармояед». С другой стороны, существуют силы, способные поставить возможность ведения бизнеса под угрозу, тогда плата считается хоть и незаконной, но оправданной (хоть и всё равно, в большинстве случаев несправедливой). Бизнесмен Ш. говорит:

Приходится платить довольно много... Конечно, это все незапланированные выплаты. Получается, что я трачу деньги, которые нигде никак не проведены документально. Представь себе, что у меня совсем «чистый», прозрачный бизнес. Значит, я должен платить все это деньги из своей зарплаты, других, которые можно потратить бесконтрольно просто нет. На это вряд ли кто из бизнесменов согласится, я думаю...

ЭС занимается бизнесом с 1991 г. Профиль его работы за эти годы был разный и для данной ситуации он не имеет значения. У него высшее техническое образование. Деловые навыки, юридическую грамотность ЭС получил, по его же словам, «естественным путем», то есть специально этому нигде не учился. Речь в интервью идёт о том, как он приобрёл в собственность офис – довольно большое помещение в 2 этажа и подвальными помещениями. Интерес представляют некоторые особенности, с которыми он столкнулся в процессе эксплуатации здания.

ЭС: Расскажу о том, как я занимал свой офис, в котором мы сейчас сидим. Дело в том, что помещение находится на территории завода, который является ЗАО. То есть, вообще-то руководству не так просто продать все это. Но, меня побыстрому принимают в совет директоров...

И: За деньги?

ЭС: Ну, а как же. Это удовольствие недешёвое, но перспектива получить в собственность эту недвижимость очень уж сладкая была. Тут дело такое, что денег они с меня, конечно, взяли, но многое не учли. Например, через территорию, которая теперь принадлежит мне, проходит часть ж/д путей. Значит, им приходится как-то со мной договариваться.

И: То есть теперь ты с них деньги имеешь?

ЭС: В идеале – да. Просто, я не деньги беру, а по-другому. Мне завод обеспечивает вывоз всякий там, уборку, утилизацию мусора и т.д.

И: А где тут коррупция?

ЭС: Давай начнём с того, что они не имели права меня вводить в совет директоров предприятия. Кто я такой? Я вообще ничего не соображаю в делах, которыми завод занимается, моя фирма к деятельности завода имеет отношение примерно такое же, как малый академический театр. Более того, я точно знаю,

что часть денег, которые я проплатил, пошли на урегулирование вопросов по недвижимости с КУГИ. Как-то они должны были договариваться и с министерством. Тут на предприятии есть продукция, которая вообще является практически секретной. Значит, фирма типа моей вообще на территорию этого завода, а уж тем более в форме головного офиса, попасть никак не может.

И: Ну, а если бы ты не платил взятки?

ЭС: Дело в том, что я её и не платил. Все выглядит очень даже культурно. Я проинвестировал кое-какие направления деятельности завода, стал официальным держателем акций, ну и членом совета директоров. Всё это стоило мне денег, но если бы я задался целью купить двухэтажный дом где-то в городе ещё, мне это вышло бы несоизмеримо дороже.

И: Значит, всё это вообще не выглядит коррупцией?

ЭС: Не выглядит. Но мы-то с тобой понимаем, что это смотря, как повернуть. Никто же не может проверить, куда и как расходуются эти деньги.

И: А какие у тебя гарантии?

ЭС: На недвижимость-то? Ну нет. Тут я обложен всеми необходимыми документами. Просто дело в том, что все эти бумажки дают относительную защищённость на какое-то время и весьма виртуально.

И: То есть, если тебя захотят отсюда выселить...

ЭС: Вообще не проблема. Я на основании всех своих бумаг могу обратиться в суд, но решение суда, особенно сейчас, зависит даже не от правильно оформленных бумаг, а то правильно поставленного вопроса. Скажем, не «на основании чего он тут сидит», а на «как он вообще тут оказался»? Я же тоже газеты читаю, телевизор смотрю. Если кто-то из министерства, скажем, захочет меня отсюда попросить, то я просто буду думать, как минимизировать свои потери.

И: Но, есть же и другой путь...

ЭС: Конечно. Буду искать кого-то той же весовой категории. В принципе и есть уже.

И: То есть, это какая-то перманентная коррупция. Ты сейчас уже кого-то прикармливаешь, чтобы если что...

ЭС: Да. Это, конечно, упрощённо, но по сути ты прав.

Очевидно, в данном случае мы сталкиваемся с проявлением коррупционных взаимоотношений, которые основаны на очень хрупкой грани трактования законов. С одной стороны, управление завода предпринимает действия, которые находятся явно вне её компетенции. С другой, всё обставлено таким образом, что документация оформлена без видимых нарушений. Самым большим нарушением в данном случае, как заметил наш собеседник, является принципиальная позиция – «как он вообще тут оказался»? Из

интервью стало понятно, что завод находится на грани банкротства. Некоторое время речь даже шла о конкурсном управлении. Но некоторые усилия администрации, в частности, коммерческая деятельность, в результате которой ЭС удалось приобрести в собственность помещение на территории, спасли ситуацию, и недавно на заводе даже повысили зарплату. Возникает вопрос – является ли коррупция двигателем прогресса в данной конкретной ситуации? Завод, существовавший с советских времен, конечно, не является флагманом в своей отрасли, однако некоторые технические разработки и продукты производства были явно востребованы. Заработанные администрацией деньги во многом пошли на процессы реинжиниринга и модернизации. В результате, предприятие, хоть и с большими потерями (мощностей, площадей, людских ресурсов), всё-таки вышло из сложнейшей экономической ситуации и даже заняло нишу на рынке. Невозможно судить о том, сколько денег, полученных от коммерческой активности, осело в карманах администрации, но то, что изрядная их часть была вложена в развитие производства – бесспорно. Руководители завода пошли по пути наименьшего сопротивления (и, возможно, наибольшего личного обогащения), не пригласив на завод большие силы новых менеджеров. Они взялись исправлять ситуацию практически собственными силами. Возможно, если бы звено, занимающееся коммерческой деятельностью, было новым, специально обученным коллективом, завод не понёс бы таких потерь, но тогда контроль расходования и получения средств был бы качественно иным. ЭС воспользовался данной ситуацией, оптимизировав собственные средства. Действительно, приобретение подобной недвижимости где-то в другом районе города обошлось бы на много дороже и было бы связано с другим уровнем коррупции. В данном случае стороны остались довольны заключенной сделкой.

Отметим здесь еще одну составляющую. Институт является «профильным» и весьма закрытым учреждением. Ситуацию комментирует наш эксперт, один из зам. прокура ЛТ:

Да, я знаю, ситуация не нова... Очень многие закрытые, иногда почти секретные учреждения пускаются в бизнес, заключают коммерческие сделки и т.д. Дело в том, что ситуация довольно лукава. С одной стороны, все оформляется документально и со всеми требованиями относительно действующего законодательства. Но всегда может возникнуть третья сторона в лице представителей государства. Не знаю... Скажем, в лице службы госбезопасности, которые вдруг укажут руководству на некоторое несоответствие статуса заведения и деятельности им осуществляемой. Что тогда? Руководство, конечно выкрутится. Все понимают тяжесть экономической ситуации, а вот интересы бизнесмена вполне могут пострадать. И хорошо, если дело ограничится только материальными потерями. Тут недалеко и до «шпионажа». По моему мнению, как минимум, половина «шпионских» дел в отношении ученых связаны с тем, что нечетко, а то и вовсе не прописана законодательно деятельность, на которую имеет право актер. Ну... и прибавим сюда, что традиционная правовая малограмотность усугубляется тем, что при потенциальной возможности получить большие деньги, актеры вообще «забывают» о юридической стороне дела...

Не отрицая коррупционной составляющей в своем бизнесе в принципе, ЭС любезно согласился рассказать о следующей ситуации:

ЭС: ... простая и банальная история. После того, как помещение отошло в мою собственность, появилась пожарная инспекция. Тут же раньше был склад, а я всё это дело перестраиваю под офис. Тут свои правила эксплуатации. Вот пожарник мне и говорит, что такая лестница невозможна в офисном помещении. Мы с ним давай спорить-ругаться. Интересно, почему это всё тут в течение 20 лет возможно было, а потом вдруг стало невозможно. Ну, он мне кучу всяких инструкций приволок, бумажек и т.д. Если я не предприму действий по исправлению ситуации – он закроет офис для эксплуатации. Я не могу сказать, что у меня сильно много времени было, но и не торопился я. Так мы с ним неделю обсуждали все это. Потом он мне говорит, ты купил почти задарма собственность и не хочешь в неё вложиться? Я говорю, что у меня собственные представления о вложении в недвижимость и прямо при нём дал команду своим мужикам перестроить лестницу по всем ГОСТам и нормативам, которые он притащил. Дело в том, что пролёт нестандартный и пришлось в буквальном смысле лестницы самим из бетона лить – ни одна готовая не влезала. Ковырялись недели три, кажется, но сделали. Я опять его зову, он видимо, понял, что взять с меня так просто ничего не получится, начинается другая бодряга – сегодня он занят, завтра может, но только в 6 утра, и так далее. Я тоже пошел на принцип, зря, что ли, столько времени ковырялись? Звоню его начальству, они сначала вообще слушать не хотели, типа, разбирайтесь с инспектором. Потом я послал официально уведомление факсом, смысл такой, что инспектор такой-то мешает мне заниматься бизнесом и поскольку он не желает посетить меня, что входит в его должностные обязанности, я собираюсь сам посетить, например, прокуратуру, средства массовой информации и т.д.

И: А повод? Он же все по закону делал.

ЭС: По закону. А я не по закону? И вообще, это не важно. Главное дать понять, что я так просто этого не оставлю, подниму шум, приглашу какую-нибудь новостную передачу. Кто там будет разбираться, что по закону, что нет? Тем более, что и я ничего незаконного формально не делаю, более того, не желаю платить взятку дяде пожарному. Они же знают прекрасно, какое мнение об их службе в среде бизнесменов, конечно же, поддержат меня, а не их.

И: А они могли как-то на тебя давить?

ЭС: Да есть, конечно, масса способов. Просто, дело в том, что они поняли, что я не буду им платить. Я пошёл на принцип и делаю все по закону. То есть я прекрасно понимаю, что если пожарка задается целью, они найдут тысячу причин, почему мой офис эксплуатировать нельзя... Кстати, кое-какие поганки они мне до сих пор крутят.

И: Например?

ЭС: Ну, инспектора я всё-таки додавил. Но он периодически меня навещает, составляет всякие акты. Мне пришлось менять отделку потолка, ковровое покрытие по всему офису, вентиляцию, двери.

И: Ничего себе...

ЭС: Да, это затратно. Но, это же моя собственность, я к этому отношусь философски, как к ремонту. Было так, я делаю что-то – становится лучше. Это же только начало было всей истории с офисом. Потом появилась проблема телефонного кабеля, интернета, пропусков на вахте... много чего.

И: И ты всего добиваешься без взяток?

ЭС: Как сказать. Я стараюсь всё это дело минимизировать. То есть, скажем, вдруг служба безопасности завода, я думаю, решила с меня поиметь. Вот, говорят, твой офис никакого отношения к заводу не имеет, принимай посетителей где-нибудь в другом месте. То есть, мои работники через вахту ходить могут, а посетители нет. Ну, я какое-то время просто вахтерам доплачивал. Кстати, немного. Ну, СБ завода поняла, что где-то их обманывают, наехали на вахту. Ну, тут я просто уже сказал командиру СБ – ладно, ставим вопрос на ближайшем правлении. А заводу, если придется выбирать, кого выгнать с территории меня или его, то конкуренции не будет. Успокоился.

И: Без проплат?

ЭС: Абсолютно. Испортил отношения со мной, с вахтерами, но денег не заработал.

И: То есть, ты считаешь, что можно взятку не платить?

ЭС: Можно. Но опять-таки, я повторяюсь – денег можно не платить, если располагаешь временем и теми же деньгами. У меня есть средства, которые позволяют мне вкладывать деньги в офис. Наверное, я трачу больше, чем если бы заплатил там тому же инспектору, но я не хочу ему платить, а в своё как-то и вкладывается совсем с другим настроением.

В данном эпизоде отслеживаются две связанных между собой части. Первая: возможность вариаций в трактовке закона. И пожарный инспектор и предприниматель поступают в соответствии с действующим законодательством. Практически же, инспектор вымогает взятку с предпринимателя посредством демонстрации силы закона. Утрированная ситуация могла бы выглядеть так, что инспектор наконец-то находит такой закон, который выполнить невозможно физически, и тогда уже с лёгким сердцем получает вознаграждение за собственные изыскания в области права и одновременно за то, что он тоже человек небездушный и трудности бизнеса ему понятны и вызывают сочувствие на коммерческой основе. Предприниматель же в этом случае становится перед дилеммой: потерять ли изрядный кусок бизнеса, или же за счёт «философского» отношения просто заняться ремонтом и переделкой помещения. Вторая часть связана с принципиальным нежеланием ЭС, платить взятку за то, что, по его мнению, и так является оплачиваемой работой и выполнением должностных полномочий.

И: А знание законов как-то помогает?

ЭС: Ну как... Дело в том, что вымогают же точно так же по закону. Денег же просят как раз за то, что я чего-то вроде не соблюдаю, правильно? Значит, я начинаю что-то соблюдать, а в спорных ситуациях иду к юристу, или сам внимательно читаю... они ведь тоже там часто неправильно или не совсем правильно закон трактуют, пользуются тем, что у людей нет времени этим заниматься, да и традиция такая. А я считаю, что это неправильно. Этого инспектора никто на службу в пожарку не призывал, он сам туда пошел работать. Хочет он денег больше зарабатывать – пускай учиться идет, займется бизнесом. И то не факт, что получится. А если он не способен, значит, он в своей пожарной кассе получает по справедливости. Я, скажем, у себя в фирме ему места не найду, мне такие, как он, не нужны.

Несмотря на то, что в некоторых высказываниях ЭС присутствует явное раздражение, вряд ли его можно обвинить в излишней враждебности в отношении пожарного инспектора. На замечание, что нахождение того или иного норматива тоже является бизнесом, ЭС резонно отвечает, что это обязанности, и если они продаются, то речь идёт о коррупции. Однако ЭС не идеалист.

И: А где без взятки не обойтись?

ЭС: Не обойтись нигде, где ты не сможешь продавить свои права. Где нет знакомых...

И: Которые, по сути, тоже коррупционными связями называются.

ЭС: Ну, видимо, да. Мне кажется, что частично деньги платятся за то, что люди занимаются чем-то неразрешённым, незаконным. Чтобы на это глаза закрывали те, кому положено за этим следить. Но есть люди, которые платят за собственное незнание законов или чтобы что-то упростить, убыстрить. Тут вот уже кое-какой люфт появляется, но надо набраться терпения, пойти на принцип. Я понимаю, что это нелегко, а иногда и невозможно, поэтому всех понимаю, никого не осуждаю.

И: А как, по-твоему, коррупция – необходимое зло? Или всё-таки можно как-то без этого обходиться?

ЭС: Думаю, что в нынешних условиях, вряд ли можно что-то сделать глобально. Вся беда оттого, что нет никакой информации о деятельности чиновников.

И: Непрозрачность?

ЭС: Да, непрозрачность. Если бы каждый, кто обращается, мог контролировать ход своего дела, заявления, просьбы...

И: Ну есть такая система, в Корее, например. И вроде, им удалось серьёзно сдвинуться в решении этой проблемы.

ЭС: Дело в том, что в нашей стране совершенно невозможно что-то продвинуть. Будешь внедрять такую систему, значит, её начнут саботировать. У нас же очень просто всё – президент повелел, а всем по барабану. Просто никто не выполняет, и всё. На крайний случай – провода будут рубить. В этом вся беда. Хотя, насколько я понимаю, подкупы, взятки, коррупция... они не имеют большой поддержки у населения, все понимают, что это плохо.

И: И, тем не менее... Чиновники же тоже не с другой планеты прилетают.

ЭС: Не знаю. Мне иногда кажется, что слишком длинные лестницы...

И: Карьерные?

ЭС: Да. Пока человек попадает на нужное ему место, он прекрасно обучается и понимает, что неподчинение системе, оно автоматически его выбивает из этой системы. А потом, ну это же такой бизнес хороший, самый прибыльный бизнес – держаться за кормушку. А кроме того, нынешняя система так построена, что будь ты трижды коррупционером, это только доказывает твою квалификацию – выгонят с одного места, пристроят на другое.

С этими наблюдениям созвучны комментарии эксперта из рядов ГИБДД, объяснявшим существующую ситуацию с коррумпированностью службы неудобством организации системы уплаты штрафов. Автомобилист вынужден ехать в сберкассу, стоять в очереди, заполнять крайне неудобные квитанции с трудновоспроизводимыми цифрами. Вместо этого, он «платит

штраф на месте», то есть дает взятку инспектору. Интересно, что размер этой взятки, как правило, ниже суммы штрафа. Кроме того, милиционер заметил, что инспектор, не берущий взятку «не вписывается», его «не понимают», и даже он становится «подозрительным». Нахождение внутри системы подразумевает подчинение законам её функционирования, иначе разваливается система, или же выпадает та её деталь, которая ей не соответствует (Д).

Следующий сюжет в некоторой степени имеет отношение к полю, которое может быть обозначено как макрокоррупция. Эксперт И, опытный предприниматель в сфере торговли горюче-смазочными материалами (ГСМ). Имеет собственную фирму, которая занимается поставками бензина (и другого топлива) и масел в Санкт-Петербург. И не отрицает своей близости с некоторыми лидерами преступных организаций Санкт-Петербурга, однако о своей роли говорит мало, ограничиваясь замечаниями типа: «Теперь я бизнесмен». Образование высшее юридическое. И согласился осветить ситуацию на рынке ГСМ Санкт-Петербурга и поделиться своим мнением об опыте в коррупционных интеракциях.

Топливный рынок Санкт-Петербурга поделен давно, чётко, и система эта содержится в относительном порядке. Относительном. Дело в том, что периодически в это поле лезут игроки, которые по определению находятся вне рамок соглашений. Речь идет о городской администрации, силовых структурах и влиянии извне. По порядку... Городская администрация очень слабо разбирается в том, кому, как и когда можно отдать тот или иной кусок. Я это говорю не со злости, а потому что много лет занимаюсь продажей ГСМ и знаю, как и что там делается. Основные мотивы, которыми руководствуется Смольный – политические. Макро-политические или микро-... В первом случае чаще всего дело связано с выборами. Какая-то крупная компания вкладывается в выборы губернатора. Сама компания может не заниматься бензином, но входит в куст предприятий, где этот бизнес есть. Соответственно, чтобы отработать вложенные деньги, губернатор придумывает способы обхода закона. По понятной причине губернатору это сделать крайне просто. Нет смысла объяснять, что все действия антимонопольного комитета или прокуратуры просто не имеют никакой силы перед решением губернатора. Даже если что-то где-то возбуждается, то правоприменение попросту саботируется и всё. В прошлом году на совершенно льготных условиях в Санкт-Петербург въехал *** (название компании, крупного нефтетрейдера).

Они получают пятна под строительство своих АЗС, им весьма по-божески определяются условия и цены. Ни для кого не секрет, что *** хорошо вложился в губернатора, соответственно, получает откат. На всякий случай напомню, что в Киришах находится гигантский завод Сургутнефтегаза, и с экономической точки зрения пускать сюда на неравных конкурентных правах нового нефтетрейдера – полная профанация, если не вредительство. Чиновники мыслят в категориях, которые выглядят как доллары и евро. Откаты за не очень обдуманную экономическую политику, конечно, не носят чемоданами. У чиновников всегда есть возможность дать платную консультацию, трудоустроить родственников, да и самому попасть на хорошо оплачиваемую работу. Кроме того, я знаю, что очень распространена практика оплаты счетов. Тут всё напрямую. За какую-то консультацию, я просто говорю, что готов оплатить кое-какие расходы. Никто никогда не сможет проверить, насколько законно я оплатил дорогу до моего офиса, обед во время консультации, крайне необходимую поездку на Таити или ещё что-то моему консультанту. Конкуренция во влиянии административных ресурсов небольшая. Здесь есть два игрока – Москва и Питер. Городская администрация при нынешнем губернаторе ничего сама по себе не делает вообще, а уж в такой сфере, как топливный бизнес, – подавно. Что-то спустят из Москвы, так оно и будет развиваться (И).

Мнение И относительно того, что центром коррупции является столица, непоколебимо. Он объясняет это несколькими доводами. Во-первых, Москва – центр всех финансовых потоков. Во-вторых, Москва – центр деловой активности, там сосредоточены министерства и ведомства, без регистрации в которых (получение печати, подписи, лицензии и.т.д.) невозможны многие виды деятельности. В Москве также есть широчайшие возможности для лоббирования через Думу. В-третьих, Москва – центр криминальной активности страны. Это не значит, что вся организованная преступность и коррупционные взаимодействия России управляются из Москвы, но возможности и масштабы этих интеракций (количество и качество), по мнению И, несоизмеримы с другими регионами. Кроме того, специфические отношения (особенно в последние 2-3 года) складываются у бизнесменов с силовыми структурами:

Что касается силовых структур, раньше всё было понятно. Были структуры, которые позже стали называться кустом дружественных фирм, которые раньше назывались, скажем, тамбовской группировкой. Какую-то долю продажи бензина контролировали казанцы, принимали участие чечены. Внутри этих кругов договориться очень просто. Сесть за стол переговоров и элементарно поделить. Принципы дележа неважны, главное, чтобы они казались

справедливыми участникам переговоров. Иногда бывало, что недовольный исходом принимал какие-то меры – начиналась пальба. Ни одно из подобных действий не остаётся безнаказанным. Внутренняя жизнь преступного мира очень прозрачна. Никто никого в крупной игре не убивает из-за личной неприязни, а деловые мотивы – все на виду. Поэтому годами выработалась такая практика, что люди либо договариваются по-хорошему, либо по-плохому. По-плохому, это война. Начиная, думаю, с 2000-2001 года в ситуацию активно вторгаются спецслужбы. Что это значит? Это значит, что бизнесменам стало невыгодно использовать в качестве силового прикрытия быков, потому что они в основной своей массе плохо обучены, плохо управляемы. Не важно, о чём именно мы сейчас говорим, о бригаде или о собственном охранном предприятии, часто это одно и то же. Стало модным, за определенную плату использовать спецподразделения. На первых порах речь шла только о силовом конфликте. По мере развития ситуации, роль спецслужб распространилась и до использования спецсредств, аналитики, компромата и т.д. Дело в том, что любой особист имеет такую профессиональную особенность – он накапливает материал. Таким образом получается, что даже тот человек, который работает на тебя и, в принципе, является твоим сторонником, а может и другом, имеет на тебя довольно солидный томик материала. Это не обязательно досье в папочке. И, может, даже, это ещё хуже. Особисты – а бывших особистов просто не бывает – общаются между собой, ходят в одни и те же рестораны, спортзалы, бани, делятся там впечатлениями, информацией, рассказывают друг другу о работе. Всё это вкладывается в них в качестве профессиональных навыков. Информация же совершенно разного толка: личная жизнь, межличностные связи, симпатии, антипатии, жены, любовницы, тут же и дела на фирме, контрабанда, налоги, связи с криминалом. Так получается, что всем всё известно. Если в начале 90-х было такое соотношение: барыги – братки, то теперь, кажется, в роли барыг выступают выжившие повзрослевшие братки, а вот особисты их контролируют. Хочется подчеркнуть, это вовсе не тот контроль, который так уж необходим. Более того, в целом ряде случаев он вообще опасен. Скажем, если раньше в конфликт между двумя бизнесменами разбирали братки двух группировок, то тут всё было по-честному – это две конкурирующие структуры. Теперь же где-то в глубине спецструктур решается, выгоден ли данный человек, удобен ли, и если его приговорили, то никто его не спасёт. Не станет же особист, контролирующий его, возражать против решения начальства. И это бы ещё полбеда. Негласный контроль со стороны спецслужб существовал всегда, он мог быть менее жёстким, но был. В своё время, очень сильную позицию особисты заняли в порту. Заниматься даже легальным бизнесом, имея в кармане удостоверение какой-нибудь силовой структуры, крайне приятно, а уж если дела не очень светлые, так и подавно. Но вот, с недавнего времени наметилась такая вещь, что многие особисты получают прямые назначения на те или иные посты. Соответственно, в частных компаниях требуются люди, которые способны договариваться с себе подобными. Так происходит проникновение их в бизнес. Они не являются профессионалами, чаще всего совсем ничего не соображают в узком направлении дела, но умеют решать организационные проблемы. Надо отдать им должное, они понимают, что, не имея специальных знаний, опыта, образования, вести бизнес невозможно и поэтому предприниматели могут

работать относительно спокойно. Но, учитывая специфику. А специфика такова, что эти службы имеют неограниченный ресурс давления. В этих отношениях законы не писаны никому. Надо посадить – посадят, надо убить – убьют, в лучшем случае человеку отдадут что-то на жительство и просто выкидывают из его же бизнеса. Ситуация небезнадежна по нескольким причинам. Во-первых, люди есть люди. Всегда есть возможность использовать слабости даже профессиональных разведчиков. Во-вторых, структуры эти совсем не так однородны, как они пытаются сами себя представить. Есть та же Москва, есть тот же Питер. Кроме того, раскол в спецслужбах есть и политический и идейный. Если грамотно использовать все эти факторы – жить вполне возможно.

Единственное, что хочу добавить... В последние 2-3 года брать в фирму особистов стали с большой неохотой. Если раньше статус особиста в отставке был явным плюсом при трудоустройстве, то теперь это точно минус. Прежде всего, все знают, что человек будет заниматься оргвопросами, то есть кидками, разводками. Проконтролировать его будет практически невозможно, а кроме этого делать он ничего не умеет. Более того, реальна опасность, что он будет стучать, докладывать куда надо, а может и куда не надо (это у них в крови), а то, что он впитал профессионально – субординация, связи с коллегами – далеко не всегда работают на того, кто его берёт на службу (И).

Наш эксперт описывает ситуацию, на базе которой совершается целый класс коррупционных взаимодействий. В этом интервью почти не звучало таких слов, как «менталитет» или «традиция». И. описывает ситуацию механистично и предельно доходчиво, почти ничего не упрощая, но и не демонизируя. Создается впечатление, что эксперт не испытывает особых эмоций относительно сложившихся отношений, он просто хорошо знает технологию и в соответствии со своим опытом выстраивает свою линию поведения так, чтобы она была максимально эффективна для его деловой активности. Кроме описываемых коррупциогенных составляющих, И. выделяет еще одну:

Что такое влияние извне? Объяснить очень сложно. Есть объективные причины нашей экономики, которые сами по себе провоцируют возникновение криминальных ситуаций. Например, есть нефтескважины, которые нигде не зарегистрированы. Нефть, которая там добывается, нигде никем не учитывается, значит и бензин, который из неё получают – как бы, несуществующий. Транспорт, который этот бензин перевозит, люди, которые заняты во всём этом производстве и, наконец, фирма, которая его продает. Такие квоты тоже, конечно оговариваются трейдерами, но понятно же, что строго всё это подсчитать и вычислить очень сложно. Во всей этой цепочке задействована уйма людей самых разных статусов от министров до контролёров на АЗС, значит, незамеченным этот процесс сделать невозможно.

И вся эта структура находится в рамках чистого криминала. Сплошь и рядом возникают ситуации, когда такие потоки ГСМ воруются друг у друга, бензин разбавляется, меняется его октановое число, он уходит за границу, служит материалом для левых расчетов или взяток и т.д. Вот тут и происходит наибольшее число убийств, вымогательств, похищений – то есть именно насильственных преступлений. Просто они не так заметны, потому что всё это происходит, как я уже рассказывал, в виде бизнеса, который контролируется спецслужбами – и его теневая часть и серая. А чистого, легального, бизнеса тут нет вообще (И).

Трактую сложившуюся ситуацию, как тотально коррумпированную и генерирующую подобные же отношения в будущем, И не сомневается в том, что есть механизмы, которые способствуют преодолению коррупционных взаимоотношений на отдельных этапах:

Это, конечно, не вчера случилось. Однажды я зарегистрировал фирму, занимавшуюся небольшим объемом перевозок бензина из Калининграда. Так получилось, что мне нужна была небольшая сеть АЗС. В одном из питерских районов мы выиграли конкурс на постройку, то есть получили пятно. Тут же возник представитель местной администрации. Я ему показываю документы, а он мне совершенно безапелляционно заявляет – здесь заправки не будет. Я, говорит, тут царь, Бог, медведь и прокурор. Честно скажу, если бы это случилось где-то на Урале или в Сибири, я ему охотно поверил бы и дал денег, но Питер, всё-таки не то место, да и не было тогда средств свободных на эту статью расходов. Продолжаю освоение, начинается некая суэта. Приезжают уже двое чиновников, рангом повыше и практически в открытую начинается вымогание денег. Сначала, как бы, на благоустройство, развитие близлежащего района, а потом уже речь пошла и о других отчислениях, причем на языке далеком от официального. Я их предупредил, что работаю не второй день и пообещал большой шум и рекламу вокруг этого дела. У меня есть знакомые журналисты, на телевидении, газетчики. Я подумал – лучше журналистам и заплачу. Примерно так и получилось. Кроме того, меня неожиданно поддержала одна общественная организация. Они составили письмо, послали своему депутату, он тоже обещал помочь. Я сейчас не хочу рассказывать подробно, в своё время история была довольно шумная. Оказалось, что где-то что-то напутали и отдали мне пятно под застройку, где уже планировался некий коммерческий объект под крышей одного из наших очень крупных городских начальников. Если бы я взялся разруливать ситуацию при помощи денег, то, во-первых, это влетело бы мне в очень крупную сумму, а во-вторых, не факт, что я получил бы какой-то результат. Игра на этом поле с большими чиновниками всегда непредсказуема и опасна, нет у них понятий о порядочности, я это проходил неоднократно. Сам наезд, конечно, спровоцировало то, что фирма была зарегистрирована недавно и кто за ней стоит, никто сразу не понял. На меня вообще просто так никто не наезжает, предпочитают договариваться. Но дело не в этом. Мне стало понятно, что если организовать хорошо отлаженный шум с названием фамилий, конкретных событий, то они пугаются (И).

И. очень удивило то, что даже в нашей стране с крайне плохо организованным гражданским обществом и практически отсутствующим общественным мнением, оказывается, можно в отдельных случаях противостоять коррупции. Не идеализируя, И не верит в то, что возможны какие-то общие меры по профилактике коррупции – сложившаяся ситуация слишком удобна для многих – однако не исключает возможности значительного осветления бизнеса в будущем при наличии благоприятных условий и законодательства. Правда ни первого, ни второго он не видит.

Исследования, проведённые нами в одном из глубинных регионов России, с одной стороны, показали, что в основном характер проблем, способы их восприятия и решения совпадают, хотя, с другой стороны, обнаружились и некоторые специфические особенности, обусловленные именно периферийным положением данного региона. В г. Чита были проведены интервью с четырьмя предпринимателями, являющимися руководителями (генеральными директорами) предприятий пищевой промышленности (П), телевещательной компании (Т), торгово-развлекательного комплекса (Р) и фирмы, работающей в сфере телекоммуникаций (С). Все предприятия на региональном уровне в своих отраслях занимают лидирующие или близкие к таковым позиции. Некоторых из опрошенных руководителей в региональных средствах массовой информации называют «олигархами местного масштаба», имея в виду их крупные доли на своих отраслевых рынках и активное участие в общественно-политической жизни региона. И это при том, что по формальным критериям все предприятия относятся не более чем к средним.

С одной стороны, все эксперты живо откликнулись на разговор о проблеме распространения коррупции в России. Все были абсолютно солидарны в том, что проблема по-настоящему актуальная, и всем приходится или приходилось на собственном опыте с ней сталкиваться. С другой стороны, хочется подчеркнуть, что ни один из опрошенных не продемонстрировал обострённо драматического отношения к данной

проблеме. все согласны, что проблема болезненная, но не воспринимается ими, как всепроникающая и проевшая всё и вся в российском обществе:

Э: Чиновники, они как были чиновники, так и остались. Бюрократическая машина ещё более укрупнилась. На мой взгляд, она ещё больше стала, ещё более неповоротливая. И именно из-за неповоротливости этой бюрократической машины, видимо, она кому-то выгодна. Вот здесь не почувствовалось никакого ослабления. Как у нас Президент говорил, что всё от оформления и до регистрации юридического лица и частного предпринимателя должно быть в одном окне и т. д, такого у нас не произошло. Я так и не увидел, оно так и продолжается. Здесь, я так считаю, легче не стало.

И: Легче не стало и не усложнилось?

Э: Нет, не усложнилось, но легче не стало. Абсолютно, легче не стало ни в коей мере. Потому что это выгодно самому чиновнику. Т. е., для продвижения чего-либо вот здесь коррупция, вот здесь, наверное, на нижнем уровне коррупция она очень ярко и чисто видна. Невыгодно самому чиновнику делать проще бизнес, ни в коей мере невыгодно. Потому что часть чиновников, и это не секрет, часть чиновников получает за это деньги, за продвижение некоторых документов и бумаг. Плюс отсутствие в исполнительной власти всё-таки настоящих хозяйственников, которые как бы знали весь этот процесс с негативной стороны, все вот эти ступени, где отрыв от масс, от народа минус дает вот здесь. Люди, которые принимают некие законы, они оторваны от жизни, они не знают, в самом деле, что происходит в реальности (П).

Э: Коррупция есть, но то ли это не особенно остро, то ли что. Все знают, но никто никогда не скажет. У нас ведь как? Кто кому какие деньги платит, никто никогда не скажет. Никто напрямую не скажет, что ты вот иди к такому-то чиновнику и заплати такую-то сумму, и этот вопрос решим. Никто никогда так не скажет.

И: Другие мои респонденты мне говорили, что у нас все всё знают. Что те, кто платил, могут запросто подсказать, к кому обратиться и сколько заплатить.

Э: Нет, впрямую никто никогда не говорит. Допустим, ты приходишь решать проблему, а тебе отказывают. После этого ты начинаешь искать пути. Кто берёт? Лично я ни про кого из чиновников не могу сказать с уверенностью, что он берёт или не берёт. Вот решать вопрос, с кем, кто должен подписать, это я знаю. И я начинаю искать. А берёт ли он сам или кто-то другой, это непонятно. Я ничего с определенностью сказать не могу. Вообще тема коррупции нескончаема (Р).

Э: Все давно как бы привыкли, смирились с этим вопросом. Бороться сегодня со взяточничеством, это всё равно что против ветра плевать. Беспольный совершенно вариант. Мы живём в стране, которая давно играет по этим правилам. Если по этим правилам не играть, ты жить не будешь (Т).

Как видно, предприниматели фиксируют в своих наблюдениях факт институционализации коррупционных отношений в России. При этом

подчеркивается, что, во-первых, это порождено размытостью формальных норм, во-вторых, правила, сформировавшиеся в нелегальной системе, приняли завершённый и жёсткий вид.

Э: Это система, и система жёстко отстроена. Понимаете, в чём дело. Отсутствие системы в какой-то области легальной создаёт присутствие системы в нелегальной области. Т. е. она более жестокая эта система, она как бы более апробирована, она более детальная эта система. Это однозначно.

И: Тут какие-то неформальные правила действуют?

Э: Да, да.

И: А как эти правила продвигаются, как вести себя с чиновниками, с кем именно?

Э: Не знаю про другие регионы и города. У нас город маленький, все знают, все всё знают, кто берёт, кто не берёт, кого обойти, к кому подойти прежде всего, к кому в последнюю очередь.

И: Из уст в уста?

Э: Да, из уст в уста, такая народная молва, сарафанная.

И: Причём, информация такая, к кому жёстко для решения определенных вопросов обязательно надо обратиться?

Э: Да, да. Либо ты будешь в общий ряд поставлен как все. Для продвижения какого-либо своего бизнес-проекта, касаясь в общем-то где-то имущества какого-то, для приобретения какого-то имущества (П).

Э: О чём говорить? Понимаете, у нас государство порождает механизм взяточничества и коррупции.

И: Можно сказать, эта система воспроизводится...

Э: Да она растёт в гипертрофированной прогрессии, семимильными шагами всё увеличивается. Возможности московских чиновников растут с каждым годом с помощью законодательства (Т).

Относительно последнего высказывания заметим, что российскими исследователями уже поднимался вопрос о роли государства в возникновении неформальных институтов в экономике. В частности, В. Радаев отмечал, что формальные правила вводятся законодателями и чиновниками таким образом, что их соблюдение почти непременно сопровождается значительными издержками – затратами времени, материальных и моральных ресурсов. При этом официальные органы почти всегда оставляют пространство для некой неопределённости, резервируя, таким образом,

возможности для различной трактовки формальных правил (Радаев 2003: 137).

Возникновение коррупционных отношений наши эксперты, как правило, связывают с фактором времени:

Э: Всё зависит от того, насколько, когда, как и кто пытается решить тот или иной вопрос. Максимально коррупция связана со сроками решения проблемы. Т.е. официальным путем можно решать проблему долго. А бизнес – это динамично развивающаяся отрасль, а время – это деньги (Р).

Э: Предпринимателю некогда ждать, некогда выжидать определённые сроки. Ему необходимо развивать свой бизнес. Ему надо быстрее запустить свою точку – лоток, ларек, магазин, всё, что угодно. Т. е., ему надо быстрее, для экономии времени. Быстро, быстро, ему надо быстро, чтобы завтра всё заработало, он прилагает максимум усилий, он ночами не спит, он носится, он не знает ни сна, ни покоя, он будет носиться. И вот здесь, конечно, выступают инициаторами сами предприниматели, им надо, чтобы быстрее всё заработало, им надо свой бизнес развернуть быстрее, они же, чтобы открыть, они же вкладываются. Чем больше времени проходит, тем дороже рубль вложенный. Счёт идет на секунды (П).

В последнем высказывании подчеркивается роль предпринимателей в иницировании коррупционных отношений. Однако их стремление к минимизации издержек упущенной выгоды обусловлено не только гипертрофированным, но естественным для деловых людей мотивом к максимизации прибыли. В определенной степени, причиной таких отношений оказываются и сами чиновники:

Менталитет наших чиновников, которые обладают только негативной властью, ну, а в прямом смысле этого слова, в психологическом смысле этого слова, по-русски говоря – в злоупотреблении властью. По сути говоря, они максимально пытаются использовать это. И я считаю, что в Чите это развито не просто, а в какой-то там сотенной степени, наверное. Вот почему Чита так в худшую сторону отличается от других городов. В других городах немного другой подход. Я считаю, что необходимо пробить эту чиновничью стену. Иначе дальше работать будет невозможно. В других городах – общаемся с людьми из других городов – они говорят: «Чиновник чётко понимает, что предприниматель – это человек, который в казну платит налоги». А у нас отношение к предпринимателю как к человеку, который ворует деньги и жиреет. Вот в чем отличие понимания... (С).

Итак, чиновники и предприниматели, оказывается, воспринимают друг друга почти как классовых врагов. А к классовому врагу, как мы помним, применим лозунг: «Грабь награбленное».

Следующее высказывание ещё раз подчеркивает упомянутый нами выше тезис Радаева об особенностях поведения тех людей в государственных структурах, от которых зависит принятие решений и формальное их продвижение:

Что касается блокирующих моментов, они, конечно, были, когда приходилось преодолевать сумасшедшие проблемы. Самая большая проблема, которая у нас в городе существует, это то, что те органы, которые работают с предпринимателями, они не соблюдают те сроки, которые им установлены законом. И никто их за это привлечь к ответственности не может. Например, вопрос, который по закону должен решаться в течение месяца, решается полгода. Вот самый, допустим, для нас сейчас больной вопрос, с которым мы сталкиваемся... Значит, мы послали в этом году в марте-месяце запрос на разрешение на привлечение иностранной рабочей силы, на продление. Документы вернулись в конце сентября с отказом. А должны были вернуть в течение месяца. И формулировка отказа была в том, что мы предоставили копию платежного поручения нотариально не заверенную. Хотя деньги нами были переведены на счёт. И формулировка отказа была, что не соблюдено, и сделать мы ничего не можем. Более того, сейчас нам надо начинать всё заново. Вот сейчас в сентябре мы документы все отослали. Сейчас декабрь, а документов нет. Нет и всё. Когда мы оформляли в соответствии с их требованиями документы, то позиции «нотариально заверенные документы» у них вообще не было. А попробуй подать в суд, то разрешения ты вообще никогда не получишь (Р).

Таким образом, элементарная нерасторопливость государственных служащих, возможно, перегруженных рутинной работой, оказывается причиной, заставляющей предпринимателей идти на ускоренное решение вопросов с помощью взяток. Возможно, однако, что неоперативность чиновников, подкреплённая фактическим отсутствием механизмов, обеспечивающих соблюдение ими требований закона (санкции предусмотрены, но оказываются неприменимыми) имеет и другую природу – вполне материальную:

Я хочу сказать, что человеческая природа такова, и ничего с этим не поделаешь, очень мало людей могут справиться с испытанием властью и деньгами, очень мало, кто выдерживает эти испытания. Как говорит мой сын, на бабки

поведётся всякий. А уж если есть власть, и нет денег, и есть возможность их заработать, опять же в силу человеческих слабостей 99 % администраторов идут на возможность заработать деньги, я уверена в этом. Я не хочу называть фамилий ни имён, вот, хочу сказать... да, на сегодняшний день наши чиновники, руководители структур поставлены в такие условия, где, когда они не могут обеспечить себе достаточного уровня существования. Понимаете? Вот. Для сравнения у нас губернатор получает, ну пусть, около двух тысяч долларов³. Да? А начальник отдела на железной дороге – больше пяти, около шести тысяч долларов. Отдельчика дороги. Они сами в этом признались. Сто семьдесят тысяч получает начальник отдела. Обыкновенное, т.е. среднее звено руководящее. Т.е. в несколько раз больше, чем губернатор. Вот. Когда я думаю, что руководитель такого уровня, как губернатор, допустим, или мэр... их не должны заботить бытовые проблемы вообще. Они должны быть решены на государственном уровне. Государственные механизмы должны сработать. И я считаю, что это модничанье по большому счету, когда Президент назначает себе смешную зарплату, смешную зарплату своим, как бы, помощникам. Мы прекрасно знаем, какой уровень жизни сегодня в Москве, и сколько нужно денег для того, чтобы жить и не тужить. И ни Президента, ни губернаторов не должны волновать эти проблемы, иначе у них мозги будут не тем заняты. Им государственные проблемы надо решать. Понимаете? Вот. На самом деле вот от этого всего всё идет, всё идет от этого. Т. е., принцип социальной справедливости у нас не соблюден. А пока человеку не дадут то, чего ему надо, хотя бы для достаточного существования, он будет воровать (Т).

Здесь мы видим, что «капитаны бизнеса» осознают по-человечески материальные проблемы государевых людей и высказываются за рост их благосостояния. Готовность предпринимателей платить чиновникам взятки свидетельствует и о их готовности брать на себя бремя по повышению благосостояния чиновников. Возникает вопрос: можно ли канализировать взяточные платежи в легальное русло?

И: Вы говорили о том, что идти на дачу взяток приходится для решения каких-то очень нужных вопросов, т.е. для продолжения легальной деятельности. Кроме того, вы говорили о том, что существуют уже устоявшиеся расценки за услуги чиновников. Так же вы сказали, что на ваши издержки все эти взятки фактически не влияют. Так вот я и хочу в связи с этим спросить, может быть, имеет смысл узаконить такие действия.

Э: Конечно, почему бы и нет.

И: А какие именно формы коррупционных отношений можно легализовать?

Э: Ну вот, например, в медицине для того, чтобы сделать снимок, нужно записаться за две-три-четыре недели, стоять в очереди. А можно сегодня пойти, восемьсот рублей заплатить, и тебе сделают все в ту же секунду. Значит, ресурс есть (Т).

---

³ На самом деле, всё-таки больше, причём значительно больше.

Мы ещё вернемся к вопросу о том, какие пути перевода коррупционных отношений в легальное русло видят опрошенные нами эксперты. Однако предварительно остановимся на типичных ситуациях, в которых предприниматели вынуждены применять нелегальные формы. Мы уже отметили выделенный ими временной фактор, порождающий крупные издержки упущенной выгоды. Однако этот фактор имеет и более конкретные проявления.

Э: Для продвижения какого-либо своего бизнес-проекта, касаемо в общем-то имущества какого-то, для приобретения какого-то имущества. В плане материальных ценностей. Может быть, бизнес-проект и можно продвинуть, но в общем он пока нереален, он пока на бумаге. А вот, касаемо как раз каких-то таких имущественных вопросов, здесь коррупция, конечно, присутствует.

И: Хорошо, а какие преимущественно вопросы здесь решаются?

Э: А Вы знаете, у нас же сейчас идёт перерасдел. У нас многие муниципальные объекты передаются в ведение муниципальных органов. Это касается приобретения каких-либо таких объектов, это касается арендных отношений более гладких. Здесь деньги практически, я скажу так, в ста процентах присутствуют. Т. е. оплата за это сверху. Это получение бюджетного кредита, т. е. это однозначно отстёгивать, тут ты уже никуда не денешься. Т. е., если ты получил беспроцентный кредит, то ты отдашь, ты обязан отдать, скажем, от полутора процентов до двух, я не знаю, я не отдавал, но тут такие слухи есть. Т.е., ты беспроцентный кредит получаешь, но ты берешь его всё равно под проценты, но всё равно это 1,5-2 процента.

И: Но это более щадящий процент по сравнению с банковским?

Э: Да, конечно, конечно.

И: А с какими-нибудь из контролирующих структур, с налоговиками, санэпидемслужбами, пожарными и т. д., здесь как отношения складываются?

Э: Здесь подведомственность гораздо как бы такая более выраженная. Конечно, налоговики, они по-другому действуют. У них более жёсткая структура, у них своя внутренняя служба безопасности, они следят друг за другом, здесь у них очень сложно. Но и то случаются моменты, случаются. Но у них более жёстко. Здесь люди держатся за свои места. Здесь, может быть, гораздо как бы более прямые отношения. Т. е., они по одну сторону баррикад, ты – по другую. Они как бы и не хотят эту нить рвать.

И: Это всегда так было или как-то изменилось в последнее время? Раньше, говорят, иначе было.

Э: В этом вот сейчас у них пожёстче, ужесточилось. У них внутренняя служба безопасности, она всё-таки действует, они боятся за прикрытие бумаг и т. д. Это грозит им действительно очень серьёзными наказаниями. Им есть, что терять. Побаиваются. А вот дальше пошло: там санэпидемслужбы, пожарные всякие. У

них контроля над ними нет. Абсолютно никакого. Я не говорю, что нужно контроль над контролем создавать, но здесь уже ситуация попроще. Здесь уже можно и пакетик принести и всё остальное. Здесь все решается уже путем человеческих отношений и т. д. и т. п. Здесь гораздо проще, потому что здесь ведь ни в каком законе не прописано, что такое взятка. Ну, понятно, что известно, что есть понятие «взятка», но у них проще, над ними никто не стоит и всё проще, они сами себе хозяева, они тебе могут...

И: Значит, в этих структурах всё проще и поэтому можно сказать, что здесь подобного рода отношения более распространены?

Э: Да, да.

И: А если попытаться подсчитать, в какие затраты обходятся отношения с представителями этих органов и, допустим, с административными чиновниками?

Э: Нет, у этих, конечно, слабее намного. А контролирующие органы, естественно, за риск берут заметно больше. А у этих риска меньше и поэтому они берут намного меньше. Здесь пропорция такая. В общем, я Вам сразу скажу, чем выше риск получить наказание, тем выше цена, это естественно, тут связано с риском, конечно (П).

Данным экспертом в качестве типичных проблемных ситуаций, порождающих коррупционные отношения, выделены имущественные (приватизация и аренда государственного имущества) и финансовые (получение бюджетных кредитов по льготным процентным ставкам) вопросы. Здесь же подчеркнём, что, по свидетельствам других предпринимателей, получение бюджетных кредитов вовсе не является стопроцентно «взяточным» случаем. На этом основании можно сделать вывод, что восприятие данным экспертом вопроса о льготном кредите является **очевидным проявлением коррупционного эксцесса.**

Обратим также внимание на то, что эксперт связывает различия в решении вопросов в различных контролирующих структурах с проблемой элементарной дисциплины в них. Если в налоговых органах чётко действует служба внутренней безопасности, то и вероятность обнаружения оппортунизма сотрудников данных служб, по всей видимости, достаточно высока. Следовательно, угроза применения к ним санкций воспринимается как вполне реальная. Да и размеры санкций («им есть, что терять»), достаточно чувствительны в сравнении с теми выгодами, которые могут получить сотрудники налоговых органов от взяткодателей. Отсюда можно

сделать вывод, что в структурах, отвечающих за сбор налоговых платежей, всё-таки сумели создать действенный механизм, обеспечивающий соблюдение сотрудниками установленных правил⁴. Чего нельзя сказать о других, более «простых» и менее ответственных контролирующих структурах. По всей вероятности, для общества в целом и для государства в частности эти структуры выполняют гораздо менее необходимую задачу по сравнению с наполнением бюджета.

Вернёмся к ситуациям, чреватым коррупционными взаимодействиями. Проблема экономии времени особенно остро проявляется в таком вопросе, как получение лицензий:

Э: Вот лицензию на игорный бизнес я получал полтора года. Тоже, потому что никому взяток не давал. В Москве в самом комитете никто никаких взяток, конечно, не возьмёт. Но ходят весёлые ребята в очереди. Ты записан там, допустим, две тысячи семьсот сорок второй. Причём, очередь там надо отмечать, как в блокадном Ленинграде. Каждую неделю ты ходишь на проверку. Потом тебя специалист примет и скажет, что вот таких-то документов не хватает, иди в консультационное бюро, плати им деньги, и они скажут, чего тебе не хватает. Потом ты снова стоишь в очереди месяц или полтора месяца и попадаешь опять к тому же специалисту. Он месяц или полтора рассматривает и опять говорит, что не там запятая. Но ходят там весёлые ребята и предлагают, хотите, говорят, мы вам в течение трёх дней все сделаем. Двадцать пять тысяч долларов, и всё вам сделаем за три дня. Т. е. это там всё так вот поставлено.

И: А эти «ребята» как-то связаны с теми структурами, они работают там или какую-то посредническую фирму представляют, или всё неформально происходит?

Э: Неформально, абсолютно неформально. Т. е., отдаёшь им деньги, они через три дня все документы тебе предоставляют. А механизм никто не раскрывает. А принцип заключается в простом и понятном. Вообще зарабатывают на этом очень хорошо простые клерки. У них лежат со всей России документы пачкой. Твои документы могут быть последними, а можно положить их сверху. Т. е., человек, который подписывает, он может и не знать, что за это взял кто-то взятку. А пролежали эти документы год или два дня, роли никакой не играет. Вот и всё. Т. е., в основном все взятки делаются на сроках. (Р)

В данном случае эксперт утверждает, что на административных барьерах зарабатывают незаконные барыши какие-то не очень понятные «ребята-неформалы». Обратим внимание на то, что данный эксперт принципиально

---

⁴ Однако, в идеальном соответствии с постулатами классической экономической теории, и цена коррупционных услуг выше. Редкий случай, когда данная теория имеет что-то общее с реальной жизнью.

при решении вопроса о получении лицензии не шел на плату взятки. Но принципиальное значение в его случае имеет достаточно серьёзное материальное подкрепление. Дело в том, что его бизнес хорошо диверсифицирован. Он может себе позволить потери времени на игровых автоматах или казино постольку, поскольку успевает зарабатывать достаточные прибыли на двух крупных ресторанах, входящих в его комплекс. Налицо пример одной из стратегий успешного противостояния коррупционным притязаниям. Данное обстоятельство сыграло роль также в оформлении им лицензии на привлечение иностранной рабочей силы:

Э: Вопрос решается в миграционной службе. Здесь получается механизм следующий. Сначала предъявляешь документы в центр занятости Центрального района. Потом – в городской, потом – в областной, всё – по лестнице. Причём, я пишу: «разрешите мне привлечь на должность китайского повара для китайской кухни». А они мне: мог бы ты найти русского человека на вакансию повара для китайской кухни? Какой логике это может подвергаться? Когда для строительных организаций они эти аргументы выдвигают, это, конечно, вопрос. Но когда я для китайской кухни прошу разрешить нанять четырёх человек. Вот представь себе ситуацию, вот – реальная ситуация. Вот они отмазали в одном центре занятости, потом – второй-третий. Потом мы отдаем документы в миграционную службу, в нашу миграционную службу. Отправляют эти документы в Москву, и мы ждём до сих пор. Это простой пример, который невозможно решить. Причем, мы обращаемся в нашу миграционную службу, они говорят, ну, нет, нет из Москвы ответа, и все. Ну что мне остается делать. У меня в одном ресторане есть лицензия на китайцев. Я их оформил на работу там, а работают они сейчас здесь.

И: Это чревато?

Э: Конечно, чревато (Р).

Рассмотрим другие варианты проявления проблемы получения лицензий.

И: Вы говорили, что в Москве Вам приходилось сталкиваться с вымогательством взятки. Как всё это происходит? Как вы получаете информацию о необходимости взятки, о размере, о том, к кому обращаться и т.д? От кого эта информация?

Э: От того, кто берёт, конечно. Потому что, если не будешь давать, не будет решаться ничего. Я лоб разбила за целый год, помывавшись по коридорам, пока не поняла, в чем дело. Когда поняла, то очень спокойно начала давать взятки. Просто, я как бы интервью брала у тех, кто решал вопросы, мне объясняли. Я утрирую, конечно, что интервью, я просто спрашивала. Более того, я могу Вам сказать. Вот мы сейчас оформляли лицензию, обновляли. Оформляли её... продлевали. Закончились первые пять лет, и вторую надо. А должно быть согласование в разных инстанциях, вплоть до военных. И мне звонил мой представитель из Москвы и говорил: согласование в этой инстанции стоит три тысячи долларов, в этой – четыре, в этой – две.

И: Так и говорят, не беспокоясь, что это не телефонный разговор?

Э: Да Вы что, наглость вообще не имеет границ. Теперь у военных. Они высылают договор. Я говорю, на что договор? А им там всё равно, хоть на танки, лишь бы всё это... Выставляют счёт, и даже в счёте указывают: «за решение вопроса по лицензированию там тыры-пыры, за согласование». И мы отсылаем эти деньги. А иначе можно лишиться лицензии.

И: Т. е., они пытаются всё-таки как-то соблюсти какую-то форму, похожую на приличную?

Э: Да им всё равно, они совершенно цинично решают вопросы эти. Абсолютно цинично. Им, какая разница, за что. Они: «Вы нам бабки перечислите и всё, и все дела, вот на этот расчётный счет». И это мы уже проходили. Вот, значит, у меня лицензия. Она стоит две тысячи рублей, а двенадцать тысяч долларов – взятки.

И: Эти взятки влияют на ваши издержки? Отражается это как-то на расценках за ваши услуги? Т. е., можно сказать, что без взяток ваши услуги стоили бы дешевле?

Э: Нет. Это же разовые вещи, я раз в пять лет заплатила, и что это будет влиять на расценки? Вообще расценки и цены на услуги складываются, их не назначают. Они складываются из расходов, т. е. доходы должны покрывать расходы. Т. е.. мы считаем наши расходы. А расходы – это заработная плата, налоги, аренда помещения, аренда передатчика, текущие расходы, услуги связи, содержание автотранспорта, ну и прочее, и расходные материалы. А взятки – разовые, раз в пять лет, всё. Я только борюсь там за свой вид деятельности на московском уровне. Я их два раза давала. Первый раз, когда получала лицензию, и второй раз вот сейчас. К счастью, с Москвой я являюсь очень редко, у меня нет такой необходимости (Т).

В данном случае обратим внимание на то, что предприниматели не воспринимают взятки, как фактор, повышающий издержки. С одной стороны, за счёт взяток ими экономятся потери альтернативных выгод. То есть, выигранное время даёт возможность окупить затраты по уплате взяток. Но, всё-таки, восприятие данного вопроса экспертами несёт на себе какую-то печать легковесности. Похоже, они даже не пытаются оценить и соотнести издержки и выигрыши.

Теперь нам остается перейти к вопросу о том, каким образом, за счёт каких факторов и в каких случаях предприниматели идут на выведение или удержание своего бизнеса вне «теневой» экономики. Достаточно неожиданной выглядит ссылка на высшие органы государственной власти и управления. Неожиданно это потому, что, в целом, в нашем обществе прочно закрепилось сугубо негативное отношение к властным структурам, как к главной силе, генерирующей все проблемы, в том числе и проблему коррупции. Об этом свидетельствуют и высказывания фактически всех

экспертов. Тем не менее, какие-то действия государства они оценивают всё-таки положительно.

Э: Ну, прежде всего, хотелось бы сказать и назвать две стороны вот этого вопроса. С одной стороны, государство своими решениями полностью как бы вытесняет теневой бизнес и выводит его из тени, т. е. своими решениями, указами и т.д. и т. п. Т. е., как бы физически вытесняет всё-таки теневой бизнес и вообще любой бизнес, любой вид бизнеса из тени. Т. е., в общем-то я скажу, что в последние два-три года шаги государства в отношении этого достаточно ощутимы, т. е. они есть, их видно, они чувствуются.

И: Какие, например?

Э: Т.е., ну подвижки есть, это касается единого социального налога, т. е. снизили, допустим, значит, снизили процентную ставку этого налога. Т. е., может быть, где-то я считаю, что где-то на ту процентную ставку, на которую они снизили ставку, они добились определенного результата. Ну, это условно. Т. е. стало возможным его платить, этот налог. Плюс к тому, можно сказать, идёт по пятам некий такой, в общем такой, видимо, всё-таки умы есть у нас в государстве, по пятам в плане налогообложения, т. е. как бы не дают, перекрывают все ходы и выходы, чтобы уходить где-то от налогов. Т. е. есть вот такой момент, они перекрывают.

И: Контроль ужесточился?

Э: Да, именно. Контроль ужесточился, я Вам сразу скажу. Т. е. это всё не чисто делают как бы контролирующие органы, фискальные, а некими указами выдавливают в легальный бизнес. Всё-таки выдавливают. Подвижки в этом плане всё-таки есть. (П)

В некотором смысле неожиданной и противоречащей распространённому мнению оказалась позиция, обусловленная родственными связями с высокопоставленным должностным лицом:

Э: Соответственно, когда возникает проблема, ну, условно говоря, при строительстве, допустим. Есть инвестиции, есть проект. Вот, допустим, наш проект. Мы его решали некоррупционным путем два года. Всё хотели честно. Конечно, путем каких-то знакомств определённые сроки какие-то сокращались. Я за это ничего никому не платил, никому не давал никаких взяток. Но решался вопрос очень долго.

И: Т. е., можно было его решить быстрее?

Э: Можно было, но не мне.

И: Почему?

Э: Потому что NN⁵, государев человек, поэтому все прекрасно знали, кто я и что я. И понятно, что предложений об оплате мне никто никогда в жизни не делал, понимая, что уровень, с которым я общаюсь... что всё это могло закончиться

---

⁵ Близкий родственник.

банально и двояко. И я, собственно не мог его подставлять, с другой стороны, потому что, когда он пришёл на свою последнюю должность, то начал там наводить порядок. Он элементарно, например, запретил задерживать сроки решения по заявкам. Просто сказал, что если кто у него в комитете хоть на день задержит, то сразу – увольнение. Ну и ты знаешь же, там действительно всё дело пошло по-другому (Р).

Итак, с одной стороны, родственная связь оказалась дисциплинирующим моральным фактором для данного бизнесмена, с другой стороны, «все прекрасно знали, кто он и что он». На наш взгляд, этот момент можно рассматривать как проявление персонализированного взаимодействия, которое в институциональной экономической теории считается мощным фактором снижения транзакционных издержек, формой, обеспечивающей самовыполнение контракта.

Этот же фактор играет важную роль в деятельности другого эксперта:

Э: Я ни разу в Чите никому не давала взяток, а в Москве – с удовольствием, с удовольствием.

И: Значит, в Чите Вам удастся все вопросы решать какими-то иными способами?

Э: Без проблем. Тут или получается, или ничего не получается. Взятками здесь ничего не решишь. Понимаете?

И: А как Вы считаете, чем обусловлено то, что у Вас всё получается решать без подобных средств?

Э: Я не говорю, что у меня всё получается. Но решаю, вопросы решаю, да.

И: Так что же позволяет Вам решать Ваши вопросы?

Э: Очень хорошо работают личные связи. Вот я Вам могу сказать, мы строим новое здание. На сегодняшний день освоено около тридцати миллионов рублей. Областная администрация дала семь, своих мы потратили около шести, наверное. А остальные деньги откуда? Откуда? Помогают.

И: А кто это – представители власти или предприниматели состоятельные?

Э: У кого есть возможности, те и помогают.

И: Они это делают, наверное, не абсолютно бескорыстно, видимо, считают возможным ожидать и от Вас каких-то ответных, полезных для них действий с вашей стороны?

Э: Нет, они небескорыстно, конечно. Мы им тоже помогаем многие решать вопросы. Мы можем многим помочь нашим партнёрам, а они – нам. На самом деле, очень много такого, чем мы можем помочь друг другу.

И: Скажите, пожалуйста, как устанавливаются такие доверительные отношения с партнёрами?

Э: Я о себе буду говорить. Да? Я дружу... самое главное... Самый главный критерий оценки человека – это уровень профессионализма, второе – порядочность. Вот у меня партнёры соответствуют этим критериям. А такие же люди как-то сами тянутся, они даже похожи друг на друга. Вот я дружу с мэром нашего города, с директором силикатного завода. Они настолько одинаковы, даже динамический стереотип, взрывной такой темперамент, очень даже похожи. Ну и многие ещё, они все такого же, такого же... Это всё люди, все мужики, которые за базар отвечают, прошу прощения. Если слово дал, то это всё, железно.

И: Скажите, пожалуйста, то, что Вы работаете в сфере массовой информации, это какую-то роль играет в установлении таких вот связей?

Э: Ну, это конечно. Ну, каждый видит свою пользу, это однозначно. Ну, выборы. Конечно, мы помогаем друг другу и до и после как бы. А чем мы ещё им можем помочь?

И: Вы делаете какие-нибудь специфические шаги навстречу своим друзьям, скажем, по сравнению со всеми прочими потребителями ваших услуг? Может быть, вы проводите их предвыборные компании более качественно, или ещё что-то отличает вашу работу с ними?

Э: Ну, я Вам хочу сказать, что самый главный ресурс из восьми основных, которые используют в PR-компаниях, это временной ресурс, т. е. сколько времени находился кандидат в раскрутке. И я стараюсь, чтобы этот период времени был как можно дольше. Т. е., если я вижу, как человек работает, то, конечно, я буду работать с ним. Я вижу, что они профессионалы, они сумели создать свой бизнес, своё производство по большому счёту. Или вы посмотрите, мэр, во что он сумел превратить наш город по сути за два года. Ну, вот сейчас выборы прошли, «Единая Россия» прошла по партийным спискам. Сейчас, как мы понимаем, будут решаться вопросы по власти – законодательной, исполнительной и партийной. Выборы закончились, и надо раскручивать «Единую Россию» к грядущим вариантам. Поэтому те задачи, которые мы берём на себя, а мы берём на себя, я надеюсь, мы качественно реализуем. То же самое и со всеми остальными моими друзьями и коллегами по партии, по работе, по бизнесу.

И: Скажите, Вы много и очень критично говорили о московских чиновниках. Но ведь там власть сформирована той же «Единой Россией».

Э: Вы про Думу государственную спрашиваете?

И: Про любые государственные органы – законодательные, исполнительные.

Э: Государственная Дума – это вообще на сегодняшний день самый крупный, по моему, бизнес. Там за всё берут, за голосование, за лоббирование вопросов получают большие деньги, причем там деньги...

И: А у нас на областном уровне это не практикуется?

Э: Вы знаете, я только второй день в Законодательном собрании, и мне никто ещё денег не предлагал. Как только предложат, я Вам обязательно скажу (Т).

Обратим внимание на то, что из четырех читинских экспертов трое стали на последних местных выборах депутатами законодательных органов

муниципального и областного уровней. Все – по спискам «Единой России».

Любопытное обоснование было предложено одним из экспертов:

Ну я надеюсь, то, что вы исследуете, обязательно должно показать вредоносность всего этого чиновничьего слоя. Это самые вредоносные люди в мире. Я вот сейчас буду избираться. Ну, если выберут меня, я там всё буду делать, чтобы это показать всем. Докажу всем. Всеми силами своей души буду бороться, потому что они больше всего вредят и бизнесу, и всему обществу вообще (С).

Однако другой эксперт (тот единственный из всех опрошенных, который даже не пытался идти на выборы) высказался в совершенно ином духе:

Думаешь, чего это все наши предприниматели полезли на выборы. Ну, дураку ведь ясно. Ну, будут они теперь там свои корыстные вопросы пробивать. Те же кредиты льготные, приватизацию. Конечно, они там будут теперь ближе к кормушке, ближе к администрации. Так же легче им будет (Р).

Одной из форм ухода от нелегальных отношений является обращение к зарегистрированным посредническим структурам:

Потому что на самом деле, это знаете, какой затратный механизм, это как бы летание в Москву. Командировка какая-то – это как Гитлеру война. Билеты на самолёт, проживание в гостинице и всё остальное – это очень дорого. Мне вот даже дешевле иметь в Москве представителя, который бы решал там на месте все вопросы. Хотя расценки у него, ой какие дорогие. Он создал фирму посредническую, которая как раз решает все эти вопросы. Он сам даёт взятки, сколько считает нужным, у него отлажены эти каналы, чтобы не шарашиться и не искать людей. И мы ему платим. Берёт он очень хорошо. Вот, это официальная фирма, легализованная (Т).

Опрошенные нами эксперты возлагают надежды на ужесточение санкций за взяточничество:

И: Ну, а можно повлиять на всех, чтобы все стали аккуратнее?

Э: Только изменив законодательство. Введя страшные механизмы наказания, штрафные санкции крутые. Что-то такое должно быть суперстрашное вплоть до уголовной ответственности. Это должно быть страшно.

И: А что это может быть?

Э: Тюрьма, Сибирь.

А вот к институтам гражданского общества эксперты отнеслись с большим скепсисом:

И: Скажите, пожалуйста, можно ли решать проблему коррупции силами гражданского общества? Может быть, наш профсоюз предпринимателей как-то пытается эту проблему решить.

Э: Нет. Абсолютно нет.

И: Ну, а хотя бы как-то эти проблемы, пусть неформально, обсуждаются в предпринимательском сообществе?

Э: Нет, никто этим заниматься не будет. Для чего все эти объединения? Чтобы лоббировать интересы, определенные вопросы, тактические и стратегические задачи собственного производства, собственного бизнеса. И всё (Т).

Гражданское общество, прозрачная самоорганизация для защиты коллективных интересов и культура предпринимательства (среднего класса) предстают как вещи, в принципе несовместимые. Это очень полезно учитывать тем, кто полагает, что снижение уровня коррупции можно определить как коллективный интерес класса предпринимателей. На уровне более высоких обобщений это усугубляет сомнения в догме о логической и генетической взаимосвязанности рыночной экономики и демократии, или о совместимости рыночной ортодоксии с нормативным видением политики как сферы делиберативного решений вопросов публичной значимости, не сводимой к борьбе за обладание властными и собственническими ресурсами.

И: Скажи, пожалуйста, вот предприниматели ведь между собой общаются, вы как-нибудь обсуждаете между собой все эти проблемы, связанные с коррупцией, взятками и т.п., пытаетесь ли какие-нибудь решения найти?

Э: Прежде всего, обсуждать, конечно, обсуждаем, но какие-то решения по поводу того, что как-то с этим бороться, этого никто ничего не делает. Здесь нужен какой-то другой уровень, иначе это может обернуться против тебя. Тут кто-то ближе к власти, кто-то дальше. Кто-то заинтересован в том, что у него это есть и он не хочет терять. А так проблема есть, всем ясно. Все знают, что коррупция есть, но, видимо, её мало. Так что ли, я не знаю (Р).

Несмотря на отмеченный нами факт удивительно легковесного отношения предпринимателей к вопросу оценки выгоды нелегальных отношений и сравнения их по данным параметрам с легальными способами ведения дел, отдельные, причем отрядные, исключения все-таки можно найти в их рассуждениях:

- И: Вы в начале разговора упомянули то, что сокращение ставки подоходного налога способствует осветлению бизнеса. В чём это выражается конкретно? Возможно, Вы отказываетесь от незаконного найма или чего-то еще?
- Э: Ну, конечно, я думаю, что это прошли этот этап. Всё-таки минимизация налогов, я, скорее, так бы сказал, что сейчас предприниматель стоит перед дилеммой не сокрытия дохода от уплаты налогов, а он стоит перед проблемой минимизации налогов, т. е. он минимизирует, т. е. как можно меньше заплатить законным путём. Сейчас вот такая практически перед всеми стоит задача.
- И: Почему бы не подойти к этому вот с такой стороны, что раньше, допустим, уходили от больших налогов, то почему бы и сейчас не продолжать и не платить маленькие налоги?
- Э: Нет, ну здесь ведь касается ещё твоей гражданской позиции, мы ведь все выросли и понимаем, что государство не может без налогов, потому что часть нашей жизни всё-таки находится на бюджетном уровне. Т. е. твоя малая толика, которую ты заплатил в виде налогов, она потом пойдет учителям, врачам, т. е. к тем людям, к которым нам потом придётся обратиться. **Т. е. мы не можем жить в обществе и быть свободным от него.** Т. е. мы детей своих ведём в школу, к врачам, к которым сами обращаемся, т. е. это люди, не создающие материальные блага, но они обеспечивают нашу спокойную и здоровую жизнь, это же мы тоже прекрасно осознаем.
- И: Я думаю, у предпринимателей есть возможность обратиться и к частным врачам, и детей в частную школу отдать...
- Э: Есть, есть такое, вопросов нет, но здесь всё равно она, в конечном итоге, вырисовывается гражданская позиция.
- И: Скажем, интересы ваших работников здесь роль играют?
- Э: Конечно, конечно. Потому что мы всё-таки заинтересованы, я о чём и говорю, что это гражданская позиция, чтобы и у работников всё было в порядке. Нам ведь выгодно.
- И: Ваша гражданская позиция связана с экономическим интересом?
- Э: Да, да, конечно. Всё, всё подчинено экономическим интересам. Предпринимателю же выгодно, чтобы работник, который у него работает, чтобы он не болел, чтобы у него нормально было всё в семье, чтобы не болели дети и т. д., чтобы он относился не с прохладцей к работе, думая, что у него там в семье происходит, а чтоб он, чтоб он работал нормально.
- И: Может быть, проще какие-нибудь свои структуры, занимающиеся социальными вопросами ваших работников организовать?
- Э: Ну, это, во-первых, материально затратно, и развивающийся бизнес себе вряд ли это позволит. Он, конечно, создаёт какую-то социальную атмосферу в предприятии, но уже конкретно создание каких-то таких структур – это материально затратно и невыгодно. Пока. Может быть, потом, когда бизнес у нас уже окончательно встанет на ноги, и будет всё это реально.
- И: А можно сказать, что легализация вот такая усиливает ваши позиции в тех же властных структурах?

Э: Конечно, естественно. Более уважительное отношение, т. е. тебя уважают как человека, приносящего материальные блага. Ты созидатель, ты не разрушитель, а созидатель. Тебя воспринимают именно так. Ты создаёшь рабочие места, ты платишь налоги, из которых потом бюджетникам и т. д.

И: А это может усилить ваши позиции в решении вопросов по той же приватизации или чему-нибудь подобному?

Э: В какой-то мере да. К тебе с уважением относятся. Чиновник любой, тот, который тебя знает, он навёл на тебя справки, а тем более город маленький, тебя знают. Он к тебе относится не как к лоточнику, который там с лоточком ютится. А он знает, что ты зарабатываешь деньги и немалые деньги. Всё, и к тебе с уважением относятся (П).

Мы видим, что в деятельности предпринимателей, в том числе в процессе их выхода из «тени», играют роль и социальные мотивации, то, что они сами называют гражданской позицией. Думается, не так страшно, что с «помощью» наводящих вопросов интервьюера они «обнаружили» и простодушно и бесхитростно признали экономическую выгодность гражданской позиции. Всё-таки предприниматели и есть предприниматели. Тем не менее, эти социальные мотивы нельзя считать совершенно идентичными и уж тем более, полностью подчиненными цели максимизации денежной прибыли. Значит, не всё безнадежно.

Приводимые выше описания ситуаций и комментарии повторяют в общих чертах результаты предыдущих исследований коррупции, добавляя к ним некоторые специфические моменты. Комментариями подтверждается частичная функциональность, повсеместность и институционализированность коррупционных отношений, а также бесперспективность обращения в правоохранительные органы по фактам вымогательства взяток – факты, уже достаточно хорошо известные. Вместе с тем, в материалах намечаются возможности выхода за пределы фаталистического видения действительности, ограниченного фиксацией фактов такого рода. Получены свидетельства избыточности коррупционных платежей в ряде частных ситуаций. Это означает, что такие платежи не были обоснованы необходимостью сохранения и развития предприятия и совершались под действием стереотипов, в то время как имелись реальные и

более рентабельные возможности легального решения проблем, требующие лишь более нестандартного мышления, некоторых интеллектуальных и организационных усилий. В частности, оказалось, что такие усилия вполне оправдывают себя.

6.2.2. Коррупция в России глазами иностранных предпринимателей

Восприятие российской действительности извне, через призму смыслообразующих понятий и категорий иной культуры в меньшей степени, чем взгляд изнутри, формируется под действием самоочевидностей здравого смысла и обыденного опыта данной социокультурной среды и в большей степени – под влиянием масс-медиаальных и иных клише относительно национальной специфики. Как результат такого восприятия, можно ожидать наивности двоякого рода. С одной стороны, это – отсутствие представлений о реальном действии и распространённости коррупционных механизмов. С другой стороны, это недифференцированные, оторванные от реального жизненного контекста, не различающие тонких нюансов и в значительной степени мифологические представления о всеобщей продажности российских чиновников. Ознакомление с опытом взаимодействия иностранных инвесторов, предпринимателей, менеджеров филиалов иностранных концернов или предприятий с участием иностранного капитала в России, а также с их рефлексией этого опыта, представляло несомненный интерес с точки зрения выполнения задач исследования. В этом опыте, в сопоставлении с практиками российских предприятий, предполагалось обнаружить особенно отчётливое проявление границы между неэксцессивной и эксцессивной коррупцией. О первой можно вести речь, если вступление в коррупционные отношения обусловлено давлением институциональной и социокультурной среды либо императивов экономической функциональности. Вторая могла быть идентифицирована как использование коррупционных средств в результате клишеобразных представлений о том,

что так принято, что иначе не делается, что в России всё решается только через взятку.

Забегая вперёд, следует отметить, что коррупционные отношения иностранных предпринимателей с российской администрацией расценивались экспертами как весьма редкостное явление с явным преобладанием эксцессивного варианта коррупции. Собственно же результатом исследования можно считать подтверждение смысловой значимости различия между эксцессивным и неэксцессивным вариантами. Это означает, что и сами эксперты, и исследовательский коллектив на основе анализа полученных материалов смогли обоснованно различать между эксцессивными и неэксцессивными случаями, соотнося конкретные ситуации к той или иной из категорий, концептуально выделенных до вхождения в поле. Наличие сложных, многоаспектных «эксцессивно-неэксцессивных» проявлений, в которых часть коррупционных трансакций по решению проблемы может быть квалифицирована как обусловленная необходимостью, а другая часть как только лишь представлениями о необходимости, не ставит этот вывод под сомнение.

Прийти к этим выводам позволила серия из 5 экспертных интервью. Экспертами выступили управляющий крупным отелем (Б), ведущие менеджеры фрахтовой компании (А) и филиала крупного поставщика электротехники (Л), бывший поставщик фруктов (В), главный менеджер агентства по посредничеству в бизнес-контактах, организации выставок, конференций и туристических поездок (как выяснилось в ходе беседы, агентство занималось также и брачным посредничеством) (Х). Трое из зарубежных экспертов были немцами, одна – русскоязычной сотрудницей немецкого концерна и один – испанец (бывший поставщик сельскохозяйственной продукции). Кроме электроконцерна, все предприятия относились к малому и среднему бизнесу. Мы ни в коей мере и ни в коем смысле не претендовали на выявление некоей «позиции иностранных предпринимателей по вопросам коррупции в России». Иностранные

предприниматели – весьма разнородный контингент лиц: китайские, американские, европейские, украинские и иных национальностей деловые люди; представители малого бизнеса и крупных концернов; лица, непосредственно действующие на территории Российской Федерации; инвесторы и поставщики, никогда к этой территории даже не приближавшиеся. Трудно предполагать за всем этим контингентом какой бы то ни было общей позиции или сколько-нибудь единого видения проблем, связанных с организованной преступностью, коррупцией и безопасностью предпринимательской деятельности в России.

В своей работе мы имели возможность, опираться на материал, собранный в течение 1999-2000 гг. на предварительной фазе научно-исследовательского проекта "Безопасность бизнеса и бизнес безопасности. Стратегии обеспечения безопасности и восприятие рисков немецкими предпринимателями в России". Основной целью этого проекта было выяснение, насколько актуальны и значимы для иностранных предпринимателей в России проблемы, определяемые в терминах риска и безопасности и не сводимые к экономическим аспектам этих понятий; иными словами, насколько значимые и актуальные проблемы поддаются определению и осмыслению в терминах риска и безопасности. Помимо предпринимателей, имевших прошлый либо текущий опыт работы в России или же предполагавших выйти на российский рынок, экспертами выступили работник торгово-промышленной палаты во Франкфурте-на-Одере, заместитель генерального консула ФРГ в Санкт-Петербурге, представитель земли Бранденбург в представительстве немецкой экономики в Москве. Двое из тогдашних экспертов приняли участие также и в нынешнем исследовании. В серии интервью собеседники рассказали нам о том, какие содержательные аспекты их жизни и деятельности в России ассоциируются с понятиями риска и безопасности; какие проблемы, ситуации и субъекты относятся к данным аспектам. В результате были зафиксированы мнения, установки, взгляды, оценки явлений и отношений российской действительности, охватываемых

понятиями "безопасность бизнеса", "организованная преступность" и "коррупция".

Хотя в рамках нашего исследования вряд ли уместно выдвигать высокие теоретические амбиции, в качестве общей концептуальной основы можно рассматривать модель культурно обусловленных различий в "структуре релевантности практического знания" (*Relevanzstruktur des Wissens*), разработанную Альфредом Шютцем (Schuetz 1972). Согласно этой модели, в рамках каждой конкретной культуры знание о ряде жизненных аспектов носит более точный и конкретный характер, в то время как в отношении иных аспектов существуют лишь весьма приблизительные, расплывчатые или отвлечённые представления. То, что важно знать в России (скажем, в каких отношениях родства находится бизнес-партнер с местным главой исполнительной власти), может оказаться весьма иррелевантной информацией на Западе. И напротив, знание ряда формальных правил ведения бизнеса, установившихся в контексте западной деловой культуры, оказывается бесполезным в России (а соблюдение таких правил – порой даже губительным).

Следует отметить, что решение вопросов с российской администрацией для иностранных предпринимателей сопряжено со значительными сложностями. Приоритетное значение этой проблематики проявилось совершенно отчётливо уже в ходе предыдущего исследования проблем безопасности иностранного бизнеса в России. Тогда, лица, не имеющие опыта работы в России и характеризующиеся преобладанием абстрактных представлений об условиях работы здесь, придавали первостепенное значение проблемам обеспечения личной, или персональной безопасности. Однако же именно эти аспекты относились даже не на второй, а на третий план общей проблематики рисков и безопасности собеседниками, имевшими конкретный опыт работы в России. Показательной является реакция собеседника, обладавшего наиболее длительным опытом работы в России (10 лет): первоначально он воспринял предмет исследования как личную

безопасность предпринимателей и оценил данную постановку вопроса как лишённую значимости. Затем, в ходе интервью, он сам сформулировал иные приоритеты в обеспечении безопасности, обладающие, с его точки зрения, практической значимостью и представляющие собой в силу этого непосредственный интерес для субъектов экономического сотрудничества с Россией (А). В этой связи уместно также вспомнить комментарий председателя Ассоциации охранных служб и предприятий Николая Лабутина по поводу неудачного опыта совместного российско-американского охранного предприятия "Каменный остров" (в беседе с автором 14.04.1999). Согласно этому комментарию, одной из основных причин неудачи было как раз то обстоятельство, что "КОС" избрало обеспечение личной безопасности приоритетным направлением своих услуг. На вопрос о проблемах безопасности, по поводу которых немецкие предприниматели обращаются в Генеральное консульство ФРГ, консул сразу заявил, что это проблемы отношений с российской администрацией, а отнюдь не бандиты, рэкет и т. п.

Отношения с ведомствами и чиновниками – не только более сложный, но и более важный аспект предпринимательских стратегий в России, нежели за рубежом. Это удостоверяется результатами исследования немецких коллег о *public affairs management* немецких предприятий в России (Berg & Holtbruegge 2000), равно как и историей, иллюстрирующей различия в структуре релевантности знаний и рассказанная одним из экспертов о своем швейцарском коллеге. Последний имел намерения выхода на российский рынок, и с этой целью несколько поспешно вступил в контакт с российскими бизнесменами. Средства, внесённые обеими сторонами, предполагалось израсходовать на создание инфраструктуры для ведения бизнеса (причем с российской стороны речь шла преимущественно о заёмных средствах). "Создание инфраструктуры" понималось российскими партнёрами прежде всего как установление необходимых контактов, на что была израсходована значительная часть объединённых средств. В итоге так и не удалось убедить швейцарского предпринимателя в обоснованности столь значительных

издержек на "контакты"; он счёл себя обманутым, обворованным и отказался от дальнейшего сотрудничества, в результате чего обе стороны понесли потери (А).

Деятельность мультинациональных предприятий не поддаётся осмыслению и контролю на основе исключительно экономических категорий и расчётов. Успешная деятельность предполагает в возрастающем объёме учёт различных внеэкономических факторов и целенаправленное взаимодействие не только с субъектами рыночных отношений (клиентами, поставщиками и акционерами), но и с иными социально-политическими группами и институтами. В немецком исследовании отношения с федеральными и региональными органами власти заняли первое и второе места, опередив при этом «мафию», объединения и ассоциации, средства массовой информации, местную администрацию, гражданские инициативы, международные организации и профсоюзы (Berg & Holtbruegge 2000: 8)⁶.

Если говорится о содержании проблемной стороны общения с российской администрацией, выделяются, прежде всего, случаи хамства, вопиющей некомпетентности, вымогательства:

И.: И не бывало так, чтобы твой интерес к работе в России был разочарован? То есть, ты не помнишь, чтобы что-то было не так, как ты ожидал, когда хотелось всё бросить и вернуться обратно?

Э.: Ну, были, конечно, когда я приехал, такие случаи, когда какие-то там официальные чиновники, и я просто не знал, что делать, и был раздражён тем, что такие не приветливые и не помогают. Конечно, были такие моменты, когда я первый раз столкнулся с не очень приветливыми чиновниками (Х).

Для характеристики содержания подобных фрустрирующих ситуаций представляется важным ряд частных наблюдений предпринимателей, свернувших свой бизнес в России. Эти случаи имели место после дефолта 1998 г., обернувшихся для собеседников финансовыми потерями. Обстоятельства, связанные с коррупцией, ни в одном из интервью не были

---

⁶ Следует отметить, что в немецком исследовании термин "мафия" использовался в расширительном смысле, характерном для обыденного словоупотребления в России. Термин этот покрывал такие категории субъектов, как охранные службы и замешанных в нелегальную деятельность российских предпринимателей.

указаны в качестве причины ухода с российского рынка. Причины же были сформулированы в достаточно общем виде: усталость, раздражение, дискомфорт, сложность работы в данных условиях, отсутствие развитой инфраструктуры и т. п. Речь шла не столько о необходимости платить взятки, сколько о более общих условиях существования и развития коррупции, затруднявших одновременно сверх всякой меры ведение бизнеса в России. Упомянуты были обилие и некомпетентность бюрократии, сложные и непроницаемые для наблюдения процессы принятия решений, значительные издержки времени и нервной энергии на коммуникацию с таможенной и налоговой службой, дефекты правовой системы: правовая нестабильность и противоречивость законодательства, телефонное право и вытекающая отсюда невозможность долгосрочного планирования и т. п. – словом, обстоятельства, выходящие за пределы тематики данной работы. Данные проблемы рассматривались во взаимосвязи с российской и советской исторической традицией – как логическое следствие гипербюрократизации общества, неэффективности государственного аппарата, дефицитарности удовлетворения потребностей в товарах и услугах в советское время.

Противоположный подход к интерпретации состоял в объяснении коррупции не наследием плановой экономики, а условиями перехода от одной к рынку. Коррупция, наряду с иными формами преступности и проявлениями дезорганизации, выступает в этом свете своего рода **"платой за рынок и демократию"**. Логику данной модели можно представить следующим образом: вступая на "правильный" путь развития; возвращаясь в русло мирового цивилизационного развития (представленного, в числе прочего, эволюционной универсалией рыночной экономики); ожидая определённых улучшений и преимуществ от этого шага, общество должно платить и "цену" за ожидаемые улучшения и преимущества. При этом речь идёт именно об "обществе" как едином целом, без различения групп населения, на долю которых в основном приходятся "преимущества" и тех, на долю которых выпадает оплата "цены". Кроме этого полагается, что "цена" в любом случае

оправдана предполагаемыми “преимуществами” (наподобие тому, как риск хирургического вмешательства оправдан ожидаемым исцелением). Данная позиция сопровождается, как правило, общими рассуждениями о том, что любой переходный либо революционный период имеет следствием (как правило, ограниченный во времени) рост проявлений социальной дезорганизации. Прогнозы относительно длительности переходного периода носили самый неопределённый характер (десятилетия, столетия), однако же, обратимость протекающих переходных процессов не допускалась.

Второй тип оценки роли коррупции можно определить как квалификацию данного явления в качестве **фактора или инструмента формирования новой, рыночной экономики**. Такое понимание встречалось реже, и, как правило, в сочетании с первым типом (“коррупция” = плата за рыночную экономику и демократию). В коррупции порой усматривался эквивалент рыночной платы за услуги, вне зависимости от моральной оценки такого рода “коммерциализации” или “коммодификации” отношений в сфере государственной службы, или же “конвертирования политического капитала в экономический” (Szeleny 1995: 618; подобная терминология, конечно же, не использовалась собеседниками). Говорилось скорее о системе, компенсирующей дисфункции государственного аппарата, и о возможностях преодоления за скромную оплату эксцессивных и изживших себя запретов – такую позицию, в зависимости от оттенков, можно определить как циничную, прагматичную либо меркантильную.

И, наконец, в единственном случае было представлено **третье** видение, основанное на эксплицитном тезисе о **стирании граней между рынком и государством**. Это мнение было высказано в контексте весьма скептической оценки как замысла, так и хода осуществления рыночных реформ. Говорилось не о противостоянии государственных и рыночных субъектов, а скорее об их сращивании, взаимной инфильтрации и практически симбиозе. Собеседник высказал сомнение в наличии практикабельных критериев для различения преступной и неуправляемой власти и экономики в целом, причём

сомнения эти не ограничивались Россией, но и касались стран с развитой рыночной экономикой. С его точки зрения, не коррупционные отношения можно рассматривать как инструмент утверждения рынка; скорее наоборот, рыночная риторика служит инструментом легитимации отношений и процессов, которые вполне заслуживают атрибута коррупционных (В).

Отчасти, проблемы относились не на счёт российской специфики, а скорее на счёт специфики положения иностранцев в любой социокультурной среде:

Ну, просто надо понять, что в Германии также были, такие же проблемы с бюрократией, я думаю, что в любой стране иностранцу всегда сложнее, всегда больше сталкивается с различными бюрократическими проблемами. Может быть, конечно, что проблем больше, чем в Германии, но это не так, что в Германии нет проблем (Б).

Вероятно да, но я вижу эту проблему немножко так, что есть проблемы коррупции на высоком уровне. Это действительно большая проблема. И есть такая коррупция, которая на самом деле не намного отличается от тех правил, которые, например, существуют в немецком генеральном консульстве. Там тоже, если ты хочешь получить приглашение в течение 2х дней, ты должен платить в 2 раза больше, чем если ты получаешь его в течение 2х недель. И, может быть, в каком-то российском учреждении, если и нет таких вот специальных правил, но в итоге то же самое. Ты просто должен платить немножко больше, чтобы получить то, что ты хочешь, побыстрее (Х).

В принципе, я думаю, что, вероятно, очень многие иностранцы, это и в других странах, что-то нарушают. Например, был один коллега, который работал здесь до меня, который очень долго был как (литературный персонаж, который бескомпромиссно делал всё по правилам). Он говорил, когда мы обсуждали, нет, мы не будем этого делать, он очень часто ходил в суд и пытался всё делать правильно. Хотя в Германии не стал бы всё делать правильно. И в каком-то моменте он просчитался, и сказал всё, так нельзя, и вообще, и стал делать не по своим принципам, но он потом уехал. И я хотел всё делать правильно, но потом все говорили, как это можно, просто это нереально, потом в какой-то момент я тоже стал делать как удобнее (Х).

Опыт собеседников не позволял говорить о некоей российской специфике в целом. Говорить можно лишь о конкретных лицах, учреждениях, территориальных образованиях, для которых характерна количественная и качественная эксцессивность коррупционных проявлений в сравнении с другими лицами, учреждениями и образованиями:

И.: А с кем больше всего проблем возникает? С кем труднее всего?

Э.: Ну, конечно, это ОВИР. ОВИР в зависимости от района, ОВИРы очень разные бывают.

И.: И чем отличается один район от другого? По времени рассмотрения?

Э.: Нет, просто в некоторых районах пытаются каждый раз выдумать какую-то новую бумажку, на которую как-то реагировать надо, идти ещё раз (X).

Разговор же о российской ментальности в целом, будь то в положительном или отрицательном ключе, похоже, является лишь наведением тени на плетень, попыткой предложить слишком простое объяснение для слишком многих явлений, в любом случае не отвечающее требованиям научной точности.

В целом, собеседники не были склонны высоко оценивать специфичность России в сравнении с условиями в собственной стране. При всех различиях в уровне официальных и легальных возможностей некоррупционного решения вопросов, использование для этого нелегальных услуг в Германии, по мнению одного из собеседников, практикуется также достаточно широко. Различия между соответствующими немецкими и российскими реалиями оценивались как носящие скорее количественный, нежели качественный характер. При этом отмечалось, что в Германии эти отношения не просто **менее распространены** в силу наличия легальных альтернатив, но и, по ряду причин, **менее заметны**. Развивая логику собеседника, можно спекулировать об интегрированности в устоявшуюся и отлажено функционирующую рыночную экономику; о склонности сторонних наблюдателей и комментаторов замечать то, что они заранее расположены замечать, то, что "принято замечать", что соответствует расхожим клише и доминирующим в сфере общественной коммуникации представлениям.

Порой даже в ситуациях, которые как бы сами себя предлагают в качестве благоприятного контекста для формирования коррупционных отношений, не было обнаружено и намёка на какую-либо заинтересованность в их установлении:

Э.: Да, мы сейчас платили огромные, просто огромные деньги за пожарную лестницу, 6 тысяч евро.

И.: Штраф, или что?

Э.: Нет, согласно проекту, её у нас не было, её строили.

И.: А если бы можно было не строить её, а всего 60 евро отдать начальнику, вы бы пошли на это?

Э.: Эх-х-х, м-м-м..

И.: Понимаю, не совсем корректный вопрос. А давали вам понять, что такое решение возможно, делали намёки?

Э.: Нет. Если делали, я не поняла, ничего такого не...

И.: Не уловила?

Э.: Да, не уловила (Л).

Дальнейшее наблюдение касается одного интересного противоречия в восприятии как организованной преступности, так и коррупции. В отношении обоих феноменов опрошенные с уверенностью предположили их вездесущность и повсеместность, по меньшей мере, чрезвычайно широкую распространённость. "Многочисленные сообщения об опыте немецких предприятий /в России/ содержат указания на особые сложности в отношениях с общественными и политическими группами, а также на значительное влияние мафии и коррупции" (Berg & Holtbruegge 2000: 6). Особенно это касается взяточничества: продажность российских чиновников никто не отрицал в принципе, хотя все утверждали, что она отнюдь не столь велика, как это принято считать. В качестве объяснения, помимо упомянутой уже выше специфики "российской бюрократической традиции", приводился слишком низкий уровень окладов, заставляющий чиновников искать дополнительные источники доходов. При этом собеседники весьма скептически оценили перспективы повышения окладов как меры, способной умерить взяточнические аппетиты. Культурному фактору в объяснении эксцессивной коррумпированности придавалось большее значение.

В контрасте с этими представлениями о "повсеместности" находился тот факт, что ни один из опрошенных не признался, что ему приходилось когда-либо давать взятку в полном смысле этого слова, не считая "презентов" в виде коробки шоколадных конфет, бутылки коньяка, блока сигарет и т. п. Этому контрасту можно привести ряд объяснений. Одно из них состоит в

том, что, по крайней мере, немецкие предприниматели действительно стараются работать "чисто" и порой жертвуют возможной выгодой из соображений законопослушания и правовой корректности (отчасти, исходя из стратегических намерений долгосрочного утверждения на данном рынке и создания необходимого для этого собственного имиджа). Кроме этого, соблюдение ряда правил поведения иностранных предпринимателей в России, отчасти эксплицитно сформулированных в соответствующих инструкциях их фирм, существенно снижает вероятность риска вовлечения во внезаконные отношения. Речь идёт о "суперкорректности" и избегании любых сделок и отношений сомнительного характера (при наличии малейшего подозрения в легальности): именно вовлечение в нелегальную сферу является главным фактором риска стать объектом коррупционных притязаний (Л) (ср. Berg & Holtbruegge 2000: 13). Иное объяснение заключается в том, что именно функции, связанные с дачей взяток, препоручаются местному персоналу, деятельность которого представляет собой своего рода "чёрный ящик", в функционирование которого иностранный предприниматель не может, да, по сути, и не хочет вникать (Л). И, наконец, нельзя исключить предположения, что некоторые из опрошенных были не совсем искренни в своих ответах.

Значение некорректности собственного бизнес-поведения как фактора уязвимости для коррупционных претензий с особой детальностью проявилось в одном из интервью (В). Речь шла об осуществлении систематических поставок в Россию, которые собеседник сравнил с лотереей или азартной игрой. После первых поставок, осуществляемых с почти стопроцентной предоплатой⁷, схема "полный платеж – поставка", как правило, нарушается. Не столь важно, почему и как первоначальные отношения меняют свой характер, важен результат: имеют место длительные периоды, когда либо та либо другая сторона имеет задолженность перед своим партнёром (поставщик в виде предварительно оплаченной партии

---

⁷ В действительности, предоплата производится на уровне 95-97% на случай возникновения претензий по качеству.

товара либо покупатель в виде оплаты, которую надлежит внести за осуществлённую поставку). Эти задолженности на том уровне, на котором работал собеседник, могли составить несколько сотен тысяч долларов. В такие моменты возникает соблазн невыполнения своих обязательств, т. е. получения одноразовой чистой прибыли в размере этих нескольких сотен тысяч (собеседник знал даже российские сленговые обозначения, такие как "хлопнуть" или "кинуть"). Естественно, что это имеет следствием разрыв деловых отношений и попытки взыскания долга противоположной стороной. Альтернативой является продолжение выплат/поставок до момента, когда можно будет "хлопнуть" своего бизнес-партнера на более крупную сумму. Моменты выбора между этими двумя альтернативами и делает данный бизнес похожим на азартную игру.

При невыполнении обязательств по платежам и поставкам основным сдерживающим мотивом является отнюдь не опасение, потерять репутацию либо подвергнуться преследованию в судебном порядке. Предприниматель, как правило, хорошо разбирается в том, кого можно и кого нельзя "хлопать"; умеет позаботиться о таком оформлении договоров, которое практически исключает возможность успешного взыскания с него задолженности на основе существующей правовой базы (в основном, международного частного права). Кроме этого, он осуществляет систематические выплаты правоохранительным органам, органам юстиции и частным охранным фирмам, чтобы обезопасить себя от попыток кредиторов (не только иностранных), взыскать задолженность легальными либо нелегальными способами. Эти выплаты варьируют в зависимости от масштаба бизнеса; при обороте в полмиллиона долларов в месяц выплаты составляли ежемесячно около пяти тысяч долларов. Учитывая необходимость систематических выплат таможене, налоговой службе и другим контрольным инстанциям, обойтись без нелегальных и семилегальных махинаций, направленных на повышение доходных и сокращение расходных статей просто не представляется возможным. В итоге возникает нечто вроде замкнутого круга

(*circulus viscius*): ради возможности проводить нелегальные и полулегальные операции приходится платить взятки; ради же возможности выплаты взяток приходится прибегать к нелегальным и полулегальным операциям. В отношении перспектив разрыва этого порочного круга собеседник был настроен одновременно пессимистично и оптимистично. Пессимистично в той мере, в которой это касается возможностей реальных предпринимателей на данный момент времени, вырваться из-под давления обстоятельств. И оптимистично в отношении общей тенденции, которую он усматривал в стабилизации и сокращении удельного веса нелегальных и полулегальных транзакций в данной сфере предпринимательской деятельности. Не исключено, что на определённом этапе соотношение легальной и нелегальной компонент в российском бизнесе достигнут пропорции, характерной для стран с развитой рыночной экономикой. Однако высказать какие-либо, даже сугубо предположительные, соображения о темпах этого процесса собеседник отказался.

В сравнении с бюрократической культурой в собственных странах, в России особенно выделяется синдром патологической боязни перед принятием на себя ответственности за решения (Б). Замечания носили общий, выходящий за пределы проблематики коррупции и чиновников характер. В частности, они касались оценки деловых качеств российского персонала. Об уровне квалификации российских работников, их творческом подходе к выполняемой работе и обучаемости пришлось выслушать немало комплиментов. Однако картину весьма портит стремление, любой ценой избегать принятия самостоятельных решений⁸ и низкий уровень дисциплины (А).

Эти трудности, однако, не являются фатальными и в значительной степени снимаются в случае выработки определённой философии их восприятия и реагирования на них:

---

⁸ Акцент ставился именно не на безответственности, а на стремлении, избегать личной ответственности.

...это всё одновременно было интересно и сразу понятно, почему это. Но потом было в какой-то момент, это ключевой момент, я себе сказал, что надо это принимать, как оно есть, и с того момента я это видел как спорт. Мне кажется, что как западнику надо понимать, что это имеет свой вес, что решить там проблемы с регистрацией, и всякие такие вопросы, которые в Германии решаются в течение часов, надо просто знать тот факт, что здесь это сложнее, и длится дольше, и тогда можешь считать это своим успехом, если ты все эти проблемы решил, да. Иначе наступает фрустрация, и тогда я сидел и ничего не мог делать, и потом решил, что очень важно, кто как эти проблемы воспринимает (А).

Отсутствие опыта работы в России лежит в основе избыточной (в нашей терминологии, эксцессивной) тенденции к попыткам решения проблем с помощью взяток даже тогда, когда их никто не ждёт, не требует, а если требует, то без всякого основания – взяточные притязания, которые можно отвергнуть безо всякого труда и риска. С опытом работы, налаживанием контактов, усвоением формальных и неформальных основ коммуникации, подбором толковых сотрудников из числа местных жителей тенденция совать взятки «кому ни попадя» существенно снижается. Сказать, что выводом из этого являлось признание необходимости приспособления к местным условиям, было бы некоторым преувеличением; речь шла скорее об изучении культуры и истории данного общества и учёте его социокультурной специфики. С некоторой долей пафоса можно сказать: меньше взяток платит тот, кто находится в России не только, чтобы "делать бизнес", но и, чтобы собственно, жить в этом обществе. Очищенная от каких-либо посторонних мотивов (ознакомления с культурой, неформального общения) ориентация на извлечение прибыли и карьерный рост сопряжена с неразборчивостью в средствах достижения этих целей, включая коррупционные средства. Закон при этом выступает просто как внешний фактор повышения расходных статей: преимущества перед конкурентами же просто следует покупать (в чём и состоит повышение издержек); если в результате бизнес не окупает себя, он просто не имеет смысла. Эти наблюдения нашли свое косвенное подтверждение и в данных немецкого исследования (Berg & Holtbruegge 2000: 37):

- Э.: Дело в том, очень важный пункт. Если ты спросишь, как мы справимся с этими проблемами, как я лично справлюсь с этой проблемой, я лично очень редко сейчас уже, ну, как директор сталкиваюсь с этими проблемами. У нас есть люди просто, есть русские сотрудники, которые занимаются этими проблемами, и очень важное условие, чтобы решить эти проблемы в том, что они знают друг друга. И вот моя коллега, которая занимается визой и регистрацией и так далее, она старается как-то иметь хорошие отношения с сотрудниками вплоть до того, что они не думают делать какие-то дополнительные препятствия, и если даже есть какое-то препятствие, они найдут решение этого.
- И.: Можно ли сделать вывод, что тот, кто не знает законов, людей, каких-то тонкостей культуры, тот платит больше?
- Э.: Ну да, в какой-то степени да, потому что и контакт, и отношение и они знают, что он знает, в курсе дела, что нужно, чтобы решить вопрос и как долго это длится. И он будет делать вовремя, так что не нужно будет спешить, чтобы сделали быстрее и нести торт или кофе. И они видят это. Они знают, что он может пойти к начальнику, тот будет злой, раздражённый. И даже всё делается более приветливо, по-дружески, если есть контакт и человек внутри этой среды.
- И.: Это интересно. Выходит, чем более погружаешься в нашу среду, в нашу культуру, тем меньше становишься жертвой и участником коррупционных отношений? Многие ведь думают наоборот.
- Э.: Да, если по нашему опыту, так. Но если в большой коррупции, тот, кто здесь сначала лучше всё знает, тот может и лучше использовать какие-то преимущества против конкурентов, когда использует свои контакты. Но нас это не касалось.
- И.: С другой стороны, если человек больше работает, и хорошо разобрался, и изучил законодательную базу, а не просто пытается как можно больше заработать с наименьшими усилиями, то ему реже приходится платить взятки и у него меньше необходимости в этом, он без этого решает вопросы.
- Э.: Да. Безусловно. Тот, кто долго работает, у него, во-первых, уже личные отношения с чиновниками. И, во-вторых, уже в этой области, он знает, если ему скажут, что вот эту бумажку нужно, он знает закон, и он скажет, где это написано, на самом деле это не так. И мы даже иногда, если в отдельных районах придумают какие-то требования, которые не отвечают закону, то мы напишем руководителю этого отдела письмо, что просим выяснить, почему такое требование.
- И.: Можно ли судить с точки зрения этих наблюдений, что некоторые предприниматели предпочитают платить взятки, чтобы не изучать законодательство, устанавливая контакты? Платят за свою лень.
- Э.: Я не могу сказать эмпирически, но могу предположить, что это так. Конечно, можно наблюдать тот факт, что если ты знаешь правила, и у тебя проблемы, и ты пытаешься их как-нибудь решить, потому что ты хочешь заниматься своими делами, и, конечно, есть такой образ России, что здесь всё решается деньгами, и это ведёт к тому, что как сейчас вот Ходорковский... (X).

Социокультурная и правовая некомпетентность служит факторов как возникновения проблем, так и попыток их решения на основе личных связей:

Конечно, очень много таких маленьких случаев, но один большой случай, который я сейчас помню. Был такой случай, когда обратилось к нам одно большое немецкое предприятие, бизнес, потому что они просто не разбираются в таких проблемах, у них работал свой практикант, который никак не был связан с нами, и они просто его в течение месяца забыли регистрировать. Его фактически по закону надо было выгонять. Они к нам обратились, не можем ли мы что сделать и нельзя ли воспользоваться нашими связями. В общем, не вышло. (X).

Отсюда, один из факторов эксцессивной коррупции можно определить как дефицит коммуникативной, социокультурной и деловой компетентности. Это наблюдение противоречит предположению о моральном разложении и прогрессирующей коррумпированности по мере вживания в российскую социокультурную среду.

Расхожие представления о всеобщей продажности российских чиновников рассматривались как весьма преувеличенные:

...честно говоря, сейчас уже не помню, какой у меня был стереотип до того, как я сюда первый раз приехал, но я думаю, что во многих отношениях оказалось даже лучше, чем я ожидал (Б).

Ещё я хотел сказать, что, с одной стороны, иностранцы, может быть, немножко более склонны к тому, чтобы платить, потому что у них, может быть, такой не совсем правильный образ реальности и ещё потому, что они чаще оказываются в такой ситуации, сложной ситуации (А).

...все те иностранцы, которые приезжают в Россию, все имеют такой образ, о, это всё равно там решается всё взятками, и поэтому они сами, конечно намного более готовы платить взятки и пользоваться такими средствами, чем в Германии. Даже если это не так, но если ты думаешь, что все вокруг тебя так делают, то ты, конечно, тоже более готов так поступать. И иностранцы, конечно, ещё больше, потому что они хуже знают ситуацию (X).

С точки зрения теоретических посылок нашего исследования, именно такие представления выступают одним из факторов эксцессивной коррупции, генезис которой протекает по схеме самореализующегося пророчества. Вот совершенно компактная характеристика реальности, которая определяется понятием эксцесса коррупции:

Мне кажется, почему здесь это немножко больше, это не обязательно потому, что здесь хуже, а просто потому, что все вокруг тебя ожидают, что просто никак нельзя, официально – никак (X).

В нескольких интервью говорилось о случаях, когда эксперты или кто-либо из коллег были в полной уверенности, что придётся платить взятку за решение определённого вопроса, и причём решение будет сложным, потребует много времени, усилий, переговоров, согласований. Затем, к немалому их удивлению, вопрос решался моментально и без взятки. В воспоминаниях рефреном звучало нечто вроде "разочарованных ожиданий". Удовлетворение соответствующих просьб без ожидаемого вымогательства взяток в одном случае первоначально было воспринято как абсурд, розыгрыш, издевательство.

Особенно характерным в этом отношении было суждение одного из собеседников, в достаточно резкой форме определившего общие представления о широком распространении коррупции в России как преувеличенные и, в любом случае, упрощённые. Для начала он высказал мнение, что при столь низком уровне окладов стоит скорее удивляться, почему чиновники берут так мало взяток. Далее он сослался на собственный опыт получения услуг, порой не вполне легальных, причём ему, вопреки всем ожиданиям, не пришлось давать взятки. Он раз за разом поручал своей российской сотруднице решение вопросов, и после проведения ею переговоров спрашивал, каков размер требуемой взятки. Поскольку она каждый раз отвечала, что взятки не требуется, он начал подозревать, что она платит из своего кармана и не говорит ему, чтобы его не расстраивать (она параллельно выполняла обязанности его любовницы). Правда, так и не удалось выяснить, о каких услугах шла речь, кроме получения фиктивных счетов в гостиницах и ресторанах (по-видимому, для командировочных отчетов) и подобных малозначительных подложных документов. Итоговое высказывание: "Всё это как-то странно... Ни с того ни с сего приходится платить за то, что в других странах получаешь бесплатно, и наоборот – дело обходится без взятки, когда полностью уверен, что её придётся платить" (B).

Это сообщение было самым ярким из серии подобных. Данные случаи и комментарии к ним обладают особой значимостью для раскрытия понятия эксцесса коррупции и соотнесения его с конкретными случаями. В ряде комментариев было высказано предположение, что в собственной стране эксперта в подобных случаях без взятки не обошлось бы. Обобщение по этим случаям состояло в том, что российские чиновники зачастую в меньшей степени умеют воспользоваться ситуацией в своекорыстных мотивах, нежели их западные коллеги:

Я тебе говорил, есть разные уровни коррупции. А есть такая коррупция, которая просто позволяет удобнее жить. И здесь люди больше готовы к этому, чтобы друг другу помочь удобнее жить и решить вопрос. И при этом меньше смотрят, как использовать ситуацию себе на пользу, если у кого-то проблема. Это то же, что я в магазине вижу, продавщица говорит, ой, не берите эти яблоки, они несвежие. В Германии так не бывает. Это не значит, больше коррупции. Если коррупция, это одновременно значит, что больше вопросов решается между людьми. В Германии всё-о-о правильно. Если что-то случится, я знаю, куда нужно идти, и там всё решат. А здесь есть и симпатичная сторона. Если сложная ситуация, и невозможно решить по правилам, можно договориться. И есть много ситуаций, где в Германии за это взяли бы деньги, а здесь не обязательно возьмут (X).

Это, впрочем, отнюдь не ставит под сомнение данные *Transparency International* о более высоком уровне коррупции в России в целом. Однако указывает на возможности более точного, очищенного от стереотипов понимания проблемы российской коррупции. Такое понимание предполагает рассмотрение предмета с точки зрения двух общих поведенческих диспозиций. Один из них – некоторая вольность, можно даже сказать, фривольность в обращении с нормами и правилами. Если речь при этом идёт о нормах права, такая фривольность обычно именуется правовым нигилизмом. Ею в значительной степени обусловлен относительно высокий уровень коррупции в российском социокультурном контексте. Однако в этом же контексте содержится и своего рода иммунный механизм, препятствующий такому распространению коррупционных отношений, которое несовместимо с функционированием экономической, политической и иных подсистем общества. В основе иммунных функций лежит

неспособность целерационального обращения в свою пользу всех возможных обстоятельств. Россиянин в большей степени, чем представитель более цивилизованных наций, склонен «хлопать ушами», упуская при этом возможности честного и инициативного выполнения своего служебного, семейного, гражданского долга; воплощения в жизнь замечательных идей и проектов. Однако эта же склонность относится и к возможностям аморального и противоправного характера. Для обретения катастрофического характера проблемой коррупции требуются два условия: сохранение прежнего правового нигилизма и усвоение диспозиций, предполагающих быстрое и остервенелое обращение всего и вся в непосредственную материальную выгоду. Релятивизм предпринимательской морали⁹ есть тот детонатор, который может привести в действие ядерный заряд заложенных в нашей культуре, (как и в любой иной), тенденций саморазрушения. Описанный Ричардом Сеннетом (Sennett 1998)) дух нового капитализма может оказаться для России столь же губительным, сколь алкоголь для малых народов дальнего Востока и Крайнего Севера.

На основе полученных данных можно сделать несколько общих замечаний относительно существующих подходов к научному рассмотрению проблемы коррупции в России. Представляется, что эти подходы излишне фиксированы на различиях между "цивилизованными" или "нормальными" западными условиями предпринимательской деятельности и "недоцивилизованными" российскими условиями¹⁰, которые в модальности долженствования,

⁹ «Относительность в морали бизнеса» – заглавие книги Генри Н. Робинсона, генерального директора компании *Sothorn California Edison* и президента Первого Национального Банка в Лос-Анджелесе. Книга вышла в 30-е гг. истёкшего столетия, и в ней автор применяет теорию относительности к осмыслению капиталистических отношений. Недоброжелатели, завидующие крупному познавательному прорыву, высказывали подозрение, что экспериментальным материалом для шедевра послужило участие автора в грандиозной мошеннической афере «Джулиан-Петролеум» в 20е гг. Цитируется по Davis 1994: 77.

¹⁰ "Недоцивилизованность" усматривается главным образом в отсутствии четких формальных и неформальных норм и правил, регулирующих "экономическую игру" и делающих ее результаты предсказуемыми. Возникает, однако, подозрение, что мнение об отсутствии правил основано в значительной части на их незнании, или на их отличии от тех, которыми регулируется экономическая жизнь в иных социокультурных

возможности или, как минимум, желательности, должны рано или поздно достичь "цивилизованного" уровня. В отношении этих базовых посылок желательно, **во-первых**, исключить названные модальности из научного анализа – то есть, отказаться от необоснованных и вряд ли доступных обоснованию представлений о том, что в России должны или могут возникнуть условия, аналогичные западным; и даже о том, что такое "выравнивание" или "нормализация" или "догоняющая модернизация" желательны и необходимы¹¹. **Во-вторых**, целесообразно редуцировать исходные аксеологические представления к весьма тривиальному и лишённому нормативных компонент тезису, что Россия представляет собой иную социокультурную среду – не лучшую и не худшую, не отсталую и не передовую, а просто иную. **В-третьих**, работы, построенные как тавтологическое перечисление недостатков и несообразностей российской действительности, находятся за той гранью, на которой очевидность и правдоподобие переходят в банальность¹². **В-четвертых**, предпосылкой допустимости пределов риска и просчитываемости результатов является знание местных условий и достаточно глубокое проникновение, "вживание" в ту самую социокультурную среду, о которой речь шла выше. **В-пятых**, "этнографическое" исследование условий жизнедеятельности предпринимателей в России представляется для этого более полезным, нежели исследования, акцентированные на экономических, криминологических, правовых и прочих частнонаучных аспектах.

В число предпосылок смягчения необходимости вступать в коррупционные отношения с представителями российской администрации

контекстах.

¹¹ На сегодняшний день уже многие комментаторы и эксперты разделяют мнение о том, что попытки "перекроить" Россию под Запад с помощью западных экспертов и с использованием рычагов экономической помощи со стороны международных валютно-кредитных институтов носили безуспешный и зачастую даже контрапродуктивный характер (ср. Stelzer 2000: 23).

¹² Так, в одной из работ мы читаем, что отсутствие "*good governance*" препятствует снижению уровня коррупции. На другой же странице приводится тезис о том, что высокий уровень коррупции препятствует установлению "*good governance*" (Luchterhandt 1999: 1118 f.).

входит изучение локальных контекстов предпринимательской деятельности в России – изучение не с целью адаптации к этим контекстам, а с целью их учёта и овладения умением, действовать вопреки их мнимым императивам. "Значимые для мультинациональных предприятий внешние условия не носят случайного характера 'естественной' среды, а являются результатом осознанных и целенаправленных действий групп, интересы которых так или иначе связаны с деятельностью предприятий. Поэтому они не должны пассивно приниматься как некая данность и вполне поддаются проактивному воздействию в благоприятном для себя направлении с использованием инструментов управления процессами в сфере взаимодействия с общественностью" (*public affairs management*: Berg & Holtbruegge 2000: 4; см. также Welge & Holtbruegge 1998: 263).

6.2.3. Комментарии к масс-медиальному дискурсу по коррупции

В рамках дискурс-анализа прессы, предполагалось выяснить, в какой степени логика, лежащая в основе различения между эксцессивными и неэксцессивными аспектами и формами проявления коррупции, прослеживается в материалах средств массовой информации, посвящённых конкретным случаям и проблеме в целом. Для этого, систематическому изучению были подвергнуты материалы о коррупции в одной петербургской и двух центральных газетах за период в 2000 г. (материалы «Общей газеты» изучались по электронной версии, публикация которой обрывается в середине года). Из изученных средств массовой информации, «Общая Газета» характеризуется наиболее непримиримым осуждающе-разоблачительным тоном. Издание оппозиционного характера содержит материалы по общим вопросам и частным проявлениям коррупционных взаимодействий: «Судьи рассказали о преступлениях и наказаниях» (28.01.2004); «Эта власть предназначена исключительно для надзора» (02.02.2004); [«Взятки на 33 миллиарда долларов»](#) (05.03.2004); «Сотрудничать с властью и давить на нее» (09.04.2004); «Коррупция как в

Алжире» и «Неуд по коррупции» (14.04.2004); «Директор цирка обложил артистов данью» (14.01.2004); «13 миллиардов рублей взяток» (01.03.2004); «Угонщики затерроризировали владельцев дорогих иномарок» (27.01.2004). Общий жанр публикаций – характеристика текущего положения дел с использованием цифр российских и зарубежных исследований и комментариями экспертов – журналистов, политиков, политологов. В публикациях излагаются факты, мало освещаемые в «официальных» Масс Медиа. Тон весьма резкий, но энергия скандально-сенсационных материалов рассеивается в обилии фактов, разбросанных по разным публикациям без прицельной концентрации на теме коррупции и взяточничества.

«Аргументы и факты» обращаются к теме коррупции в каждом номере, хотя материалы не обязательно посвящены теме непосредственно. Издание удачно совмещает жанры общих комментариев, журналистских расследований и репортажей («Взятка: и вечный бой», 04.02.2004). Газета часто обращается к анализу сложившейся ситуации в какой-то отдельной сфере, отрасли, области («Бесплатному образованию конец», 18.02.2004). Большое место занимают аналитические статьи о коррупции в России («Надо ли валить из России», 22.09.2004), и комментарии-интервью политических лидеров, чиновников («Алексей Кудрин: куда девать деньги?», 20.10.2004). Издание не производит впечатления «скандального», тон публикаций резок, однако не «апокалиптичен». Правительство критикуется открыто («Гидра бюрократии», 30.06.2004). Комментарии и аналитические материалы часто преследуют цель показать технологию коррупции, не только с целью осудить, но и с показом её функциональной составляющей.

Газета «Дело» региональная, но удельный вес международной тематики в ней больше, чем в перечисленных выше всероссийских изданиях. Значительное место отводится круглым столам, дискуссиям, публикациям по истории экономики, бизнеса («XX век перемен», «Перестройка, 20 лет спустя»). Специфика издания определяется экономическим образованием ряда ведущих журналистов и их праволиберальной политической позицией.

На страницах газеты предоставляется слово социологам Санкт-Петербурга и ведётся еженедельный блиц-опрос («Вопрос недели»). В некоторых статьях, несмотря на отсутствие самих слов «коррупция» или «взятка», очень подробно, со знанием дела, излагается технология, механизм, функция/дисфункция отношений и даже криминальная составляющая интеракции. Авторы часто оставляют возможность читателю самому делать логические выводы и досказывать неназванное, подспудно подводя его к этим выводам вплотную («Пост принял – родину сдал», 21.02.2005). Отношение авторов к коррупционным взаимоотношениям рассматриваются в контексте инвестиционных интеракций, бизнеса, экономики.

В изученных материалах содержится достаточное количество примеров успешного противостояния коррупции и нахождения некоррупционных решений. В газете «Правое дело» санкт-петербургского регионального отделения СПС есть целая рубрика, в которой приводятся такого рода примеры. Это косвенно указывает на эмпирический коррелят эксцесса коррупции: взяточные платежи в таких случаях, в каких другими успешно практикуются безвзяточные решения. Сами по себе положительные примеры являются одной из предпосылок для признания смысловой значимости понятия эксцесса коррупции. Более точной информации, соотносящейся с центральным понятием исследования, почерпнуть из газет не удалось.

Масс-медиаальный дискурс в целом характеризуется некоторой внутренней противоречивостью. Мы не проводили контент-анализа, однако во всех значительных материалах по проблеме коррупции выявились следующие основные моменты. Положительные примеры, включающие торжество справедливости, успешное противостояние коррупционным претензиям и даже наказание взяточников, соседствуют с негативными случаями, в которых находит воплощение беспомощность перед лицом коррупционных притязаний, безнаказанность коррумпированных чиновников, институционализация всепроникающих коррупционных сетей. В аналитической же части безраздельно доминируют минорные ноты,

связывающие проблему коррупции с тяжким экономическим положением, низкими зарплатами, национальной традицией, засильем и всеси́льем бюрократического аппарата, который предстаёт чем-то вроде оккупационной власти. При этом совершенно упускается из виду, что потерпевшая сторона в лице предпринимателей зачастую сама имеет интерес и проявляет инициативу в установлении коррупционных отношений. При характеристике конкретных случаев роль взятодателей находит отражение в полной мере, в обобщениях же она блекнет и почти теряется из поля зрения. На основании изученных материалов можно судить о наличии эксцессивных и неэксцессивных случаев коррупции, однако характер материала не позволяет выделять дискриминирующие между ними признаки.

6.2.4. Некоррупционные каналы взаимодействия бизнеса с государственной администрацией в России и перспективы их расширения

В процессе работы с экспертами обнаружено значительное количество возможностей индивидуального уклонения предпринимателей от коррупционных претензий бюрократии. Речь шла об оригинальных технологиях «безвзяточного» решения вопросов в частных ситуациях, когда подобные вопросы обычно либо решаются коррупционными методами, либо же официальные решения сопряжены с неприемлемыми для эффективного бизнеса издержками времени. К таким вопросам относилось лицензирование предпринимательской деятельности, приобретение объектов недвижимости для производственного использования, найм рабочей силы, получение налоговых льгот и многое другое. Обобщение найденных решений выходит за рамки предлагаемой работы, в пределах которой придётся ограничиться примерными характеристиками подходов к некоррупционному решению вопросов, в обычном порядке служащих предметом возникновения и воспроизводства коррупционных отношений.

Наиболее подходящим материалом для определения общей направленности некоррупционных подходов явились результаты изучения случаев (*case study*) на двух целевых объектах: пищевом комбинате и комплексе торгово-развлекательных предприятий. Изучение случаев осуществлялось как прослеживание на протяжении периода в 3 месяца и в ретроспективе до нескольких лет действий по решению целого ряда вопросов. Наиболее информативные результаты были получены по двум комплексам вопросов: легализации найма работников и обеспечении налоговых льгот на законных основаниях.. При этом осуществлялась примерная реконструкция и сопоставление затратной и доходной сторон внезаконных и законных решений. Фиксировались разовые и длящиеся проблемные ситуации и подходы к их разрешению. Кроме этого, опыт и результаты решения сопоставлялись с фрагментами сходного опыта предприятий аналогичного профиля (по рассказам контактных лиц на целевых предприятиях – с этой целью, контактные лица очень пристрастно опрашивались о том, как у них вопросы решались раньше и как они решаются у других).

Следует оговориться, что коррупционного решения вопросов «в живую» наблюдать не довелось. Некоторые мелкие услуги и подарки играли лишь вспомогательную роль. Они имели целевую направленность не на решение вопросов, а лишь на упрощение коммуникации с чиновниками по поводу решения (обеспечение доброжелательности, поддержание неформальных контактов и т. д.). Об этом говорит стоимость этих услуг и подарков, исчисляемая сотнями рублей, в то время как цена вопросов составляла сотни тысяч и миллионы. К коррупции в полном смысле нельзя было также отнести консультации с юристами, специалистами и представителями администрации на областном и федеральном уровне. Хотя некоторые взаимодействия подобного рода и можно было квалифицировать как коррупционные, однако лишь отчасти, причём всегда в незначительной их части.

Отсутствие доступного наблюдению текущего коррупционного опыта несколько осложнило задачу. В качестве предмета для сопоставления

остались прежние практики на целевых предприятиях либо принятые на предприятиях сходного профиля. При этом с большей или меньшей точностью удалось реконструировать сравнительные преимущества и издержки коррупционных и некоррупционных решений по аналогичным вопросам. Баланс оказался в пользу некоррупционных решений по большинству проблем. Крайний случай эксцессивной коррупции был сопряжён с уголовным преследованием, повлёкшим за собой обвальные взяточные и иные платежи. По этому случаю не было материала для интерпретации в соответствие с целью исследования, поскольку не было базы для сопоставления с некоррупционными решениями аналогичных вопросов. Однако он интересен тем, что в нём в крайней форме проявились отношения взаимной связи и обусловливания между превышением предпринимательских амбиций над ресурсами их удовлетворения с одной стороны и эксцессивной склонностью к коррупционным решениям, а также уязвимостью для коррупционных притязаний с другой стороны. Неумеренный бизнес-аппетит почти всегда сопутствует эксцессу коррупции в роли его фактора, источника, движущей силы.

По вопросам найма рабочей силы и обеспечению налоговых льгот удалось реконструировать истории инноваций, состоящих в переходе от коррупционных к некоррупционным решениям со значительным экономическим эффектом. Стимулом к инновациям послужили как изменения внешней среды, в первую очередь правовой, так и собственные оригинальные решения. Хоть подобные инновации в некоторой мере и остаются отклонением, они она указывают на возможность преодоления нормы и сами обладают потенциалом превращения в норму (эти выводы нашли своё подтверждение в комментариях экспертов). В одном из случаев, на предприятии систематически практиковался найм нелегальных работников на условиях временной работы. Как правило, такие работники увольнялись по истечении периода от недели до нескольких месяцев после трудоустройства. Условия труда и режим работы были весьма тяжёлыми.

Экономические преимущества от использования нелегальной рабочей силы были двоякого рода: экономия на отчислениях на оплату труда и на издержках, связанных с легальным оформлением иностранных работников.

Изменение налогового законодательство явилось лишь предпосылкой для изменения существующей практики найма. Предпосылка была реализована лишь после принятия на работу нового заместителя генерального директора, который, помимо прочего, занялся вопросами подбора и трудоустройства персонала. Потратив несколько месяцев, он убедил руководство и инвесторов в целесообразности изменения политики найма работников. Помимо ряда иных аспектов, изменение состояло в полном отказе от практики нелегального найма и связанных с ним условий временной занятости. генеральный директор предоставил возможность исследователю, вместе с «заместителем-реформатором» рассчитать суммарный экономический эффект от инновации. К этому эффекту относилось повышение производительности труда, снижения издержек из-за травматизма, поломок техники, воровства и т. п. явлений на рабочем месте (улучшение всех этих показателей совершенно явным образом прослеживалось по документации). Кроме того, отпала необходимость периодических выплат проверяющим инстанциям в виде официальных штрафов и неофициальных взяток. К затратной стороне нововведения относились платежи социального страхования и издержки на официальное оформление зарубежной рабочей силы. При этом было найдено полулегальное решение: при наличии нескольких предприятий лица, оформленные на одном, в действительности работали на нескольких точках. Суммарный экономический эффект от изменений в практике найма за период в 8 месяцев составил около 450 000 рублей при общем годовом обороте в 19 миллионов (конечно, эффект рассчитан приблизительно, с использованием оценочных показателей). Поскольку несколько бывших коллег данного предпринимателя придерживаются прежних практик, можно сказать, что они теряют около 2-

3% от их оборота ежегодно. Некоторой частью этих сумм измеряется денежный эквивалент эксцесса коррупции.

На другом предприятии, проблема состояла в обеспечении налоговых льгот по использованию сырьевой базы. Суть вопроса состояла в том, что определённые показатели состояния этой базы (кондиции) официально являются основанием для льгот по налогообложению. Однако на пути реализации этих льгот имеются почти непреодолимые препятствия. Они распадаются на три комплекса. **Один** из них состоит в ложности, запутанности и изменчивости законодательной базы, обилии оперативных решений на уровне федеральных ведомств, исключающих своевременную подачу документов на рассмотрение, согласование и утверждение кондиций (документы должны быть поданы до заключения договора на снабжения, а сырьевая база, в данном случае один из видов сельскохозяйственной продукции, определяется на основании заключённых договоров на поставки). **Второй** заключается в необходимости очень трудоёмких экспертиз по кондициям, с привлечением высококвалифицированных экспертов. Третий комплекс проблем носит производный характер и состоит в том, что перед лицом этих сложностей никто и никогда не пытается в должном объёме реализовать положенные льготы. Как правило, решения имеют вид компромиссов с ведомствами, определяющих кондиции и дающих на этом основании заключения для налоговой службы. Итоги определяются в значительной мере произволом, симпатиями, антипатиями чиновников этих ведомств, и получаемые преимущества могут быть квалифицированы скорее как поправки нежели чем льготы. Судебные варианты решения конфликтов, возникающих время от времени, не практикуются; если предприятия и пытаются иногда настоять на своём, то как раз-таки с использованием коррупционных каналов, с соответствующими рисками и подношениями.

Инновация состояла попросту в том, что предприятие решило пройти этот путь легальным путём. Были проведены все необходимые экспертизы, собраны требуемые документы. Для этого понадобились услуги одного

высококвалифицированного специалиста по производственной части на постоянной основе и масса консультаций, оценочно-проектировочных услуг и т. п. от юристов, экономистов, производственников в разовом порядке. Кроме этого, потребовался ряд командировок в головное ведомство в Москву и были успешно оспорены два судебных иска против решений областного налогового ведомства. Суммарный экономический эффект, при годовом обороте предприятия около 100 млн. рублей, составил около 2,5 млн. Однако эффект состоит не столько в получении единоразовых льгот, сколько в отработке системы их обеспечения. Поскольку такие возможности не используются коллегами по отрасли, налицо факт эксцесса коррупции.

Полученный материал позволяет судить о перспективах конкретизации и усложнения концепции эксцесса коррупции. Помимо давления стереотипов о неодолимости и функциональности взяток, аспектами и факторами эксцесса выступают соображения ложной экономии (нежелание принимать на постоянной основе на работу высококвалифицированных специалистов); низкий уровень правовой, экономической и производственной грамотности; завышенные предпринимательские и частнобизнеснические амбиции; тенденция к поиску незаконных конкурентных преимуществ; а также ряд общих поведенческих, нормативно-ценностных и мировоззренческих диспозиций. Однако развитие и приведение в систему массы идей и материалов к концепции эксцесса коррупции, полученных в результате исследования, является предметом последующей работы.

6.2.5. Противостояние и противодействие коррупции

Информативность результатов эксперимента оказалась невысокой. По итогам вышеперечисленных этапов исследования было составлено предложение по оказанию помощи предпринимателям в нахождении некоррупционных возможностей решения конфликтных ситуаций с администрацией. Оно предусматривало информационную и правовую поддержку в ситуациях, когда легальные решения вопросов сопряжены со значительными затратами

времени и требуют высокой юридической и технической компетенции в сочетании с производственным и предпринимательским опытом. Предложение было адресовано одному фонду поддержки предпринимательства и двум региональным организациям политических партий, одна из которых претендует на защиту интересов мелкого и среднего бизнеса, а другая отличается резкой правоохранительной риторикой. После технической, правовой и организационной доработки оно могло быть реализовано следующим образом. Предлагалось создать антикоррупционное бюро. В бюро предполагалось накапливать банк опыта по некоррупционному решению вопросов. Консультантами предпринимателей, попавших в сложную ситуацию, выступали бы также предприниматели, имевшие опыт пребывания в подобных ситуациях, а также юристы, представители администрации и т. д. В конечном итоге предлагалось создание антикоррупционной сети по обмену опытом, само- и взаимопомощи. В экстремальных случаях коррупционного произвола ресурсы сети могли бы быть мобилизованы для коллективных акций публичной защиты с использованием всего арсенала правовых возможностей и средств массовой информации.

Целью было, получить и документировать реакцию адресатов на предложение (и оценить на основе этой реакции открытость к подобным предложениям, резервы и потенциал антикоррупционного сопротивления и т. д.). В одной из партий реакции не произошло. В другой, исследовательской группе было предложено заняться внедрением инновации, и была гарантирована даже небольшая материальная и организационная поддержка. Сотрудничество продолжается уже вне рамок проекта, однако реальных организационных форм ещё не обрело. Представитель фонда в серии бесед рассказал о ряде подобных инициатив и программ собственного и иных фондов, частично завершённых, частично продолжаемых, в ряде случаев успешных. Выяснилось, что основным препятствием на пути реализации подобных программ является индивидуалистический образ мышления и

действия предпринимателей, неприятие любых форм коллективного действия и организации. Каждый находит свои решения и рассматривает их как собственное ноу-хау, которым дорожит пуще зеницы ока. Это в полной мере нашло своё подтверждение при попытках пригласить ряд экспертов из числа предпринимателей в антикоррупционном бюро.

Выходы:

1. Отработка и упрощение законов, обеспечение прозрачности процедур, определение четких критериев предоставления тех или иных возможностей. Ради этого – поход во властные структуры. Правда, В. Мау в одной из свежайших публикаций отметил, что из-за фактического образования однопартийной системы бизнес сейчас теряет интерес к законодательной ветви, а старается проникать в исполнительную власть. Но этот его вывод относится скорее к крупному бизнесу.
2. Ужесточение контроля и санкций за взяточничество.
3. Легализация платы за ускоренное решение вопросов.
4. Активизация предпринимательских сообществ. Здесь, видимо, нужна идеологическая работа. Она же нужна и для пропаганды социальных, моральных и всяких прочих функций предпринимательства, отличных от эгоистической максимизации прибыли.

Снижение процентных ставок по коммерческим кредитам.

- максимальное сокращение (по крайней мере, на низовом уровне) объёма управленческих решений, зависящих от *усмотрения* государственного служащего, ограничение его компетенции формализованными и четко регулируемые «регистрационными» функциями; иначе говоря – *ограничение власти и произвола бюрократии*;
- резкое сокращение прав государственных служащих по «регулированию» экономики, образования, науки и т.п.; иначе говоря – *повышение независимости бизнеса и граждан*;
- формирование гражданского общества;
- сокращение (а не расширение!) «запретительной» нормативной базы; проведение в жизнь принципа *«Разрешено все, что не запрещено»*, ибо, **чем больше запретов, тем больше возможностей обойти их с помощью подкупа**;
- резкое количественное сокращение управленческого аппарата, особенно с параллельными функциями;
- обеспечение *реальной* ответственности государственных служащих за нарушение сроков разрешения подведомственных вопросов;

- существенное повышение оплаты труда государственных служащих и одновременно - требовательности к ним (при значительном сокращении числа служащих это не вызовет чрезмерного увеличения расходов);
- обеспечение *реальной* ответственности государственных служащих за правонарушения и преступления по службе; это тот случай, где неотвратимость санкций неизмеримо важнее их строгости;
- обеспечение независимости и повышение престижа суда (судей);
- максимальная прозрачность деятельности государственных служащих для общественности, населения, средств массовой информации;
- наличие *реальной*, а не декларативной *политической воли* по осуществлению этих и других мер.

Разумеется, это лишь примерный, далеко не полный перечень некоторых антикоррупционных мер. Важно подчеркнуть, что они не должны сводиться к «борьбе» силами правоохранительных органов. Другое дело, что **автор не питает иллюзий по поводу возможности реализовать эти и любые иные меры превенции коррупционной деятельности в современной России (как на федеральном, так и на региональном уровнях), ибо «борьба с коррупцией» относится к компетенции наиболее коррумпированных властных и «правоохранительных» структур...** (Гилинский 2002а: 83-84).

Однако на провал обречена любая стратегия, основанная как на правовой, так и на институциональной парадигмах коррупции. Столь же провальна либеральная парадигма, рассматривающая предпринимателей в принципе как коллективную жертву коррупционного произвола государственной бюрократии и исходящая из заинтересованности этой жертвы в снижении уровня коррупции. Модель циркулярных или симбиотических отношений в данном случае обладает более сильным эвристическим потенциалом, нежели модель преступления с асимметрическим положением действующих лиц. Позиции предпринимателей в отношении коррупции амбивалентны, переменны и сравнимы в этом смысле с позициями моряков по отношению к морю. Когда они тонут, сталкиваясь с крайними проявлениями коррупционного произвола, они склонны проклинать море и желать его осушения. Кому-то оно надоело до смерти вместе со всем промыслом.

Однако в случаях приступа честности перед собой они спрашивают себя: а чтобы ты без него делал?

Выясняя позиции предпринимателей и стороны, потенциальной поддержки антикоррупционных мероприятий, в процессе подготовки предложений исследователи столкнулись с известной корпоративностью, а потому ригидностью описываемой системы. Предприниматели, согласно своей этической позиции, в подавляющем большинстве не желают отличаться из представителей своего цеха.

1. Бизнесмены гораздо более охотно следуют стереотипам сложившихся практик в своей референтной группе.
2. Коррупционные взаимодействия часто оцениваются ими как вид бизнеса, пусть альтернативного, но имеющего свои ресурсы, капитал и хозяев. Также как никакой предприниматель не желает проблем в своем бизнесе, также в основном, он не желает и осложнений «коллеге».

Заинтересованность предпринимателей в декоррупции остаётся вещью (глубоко запрятанной) в себе. Тот, кто хочет непосредственно сделать ставку на эту заинтересованность в своей коммерческой или политической деятельности, обречён на неудачу. Сначала необходимо пробудить её, перевести в статус «для себя», в котором пока что скорее пребывает заинтересованность в сохранении и расширении коррупционных отношений, позволяющих так быстро и без особых организационных, интеллектуальных, эмоциональных и прочих усилий решать так много вопросов.

Очевидно, что меры противодействия коррупционным интеракциям связаны с формированием и последующим распространением коллективного интереса в среде предпринимателей. Осознание того, что в конечном счете коррупция остается тормозящим фактором для развития бизнеса крайне необходимая и далеко неочевидная на сегодняшний момент сентенция.

Данное исследование является первым шагом на пути формирования и разработки некоторых практических, теоретически и эмпирически обоснованных действий по противодействию коррупции.

7. Заключение. От микро- к макросоциальным аспектам коррупции

До сих пор мы пребывали в основном на уровне микросоциологического анализа. Однако постановка проблемы и предложенные подходы к её рассмотрению открывают также возможности сделать несколько макросоциальных обобщений. Пусть эти обобщения будут не столь детально обоснованными, исчерпывающими и фундаментальными, как, скажем, в работах Льва Тимофеева (2000), однако они призваны привлечь внимание на ряд таких аспектов коррупции в широком социальном контексте, которые, на наш взгляд, не нашли ещё должного внимания, понимания и осмысления.

От осуществления рыночных реформ, приватизации государственной собственности, возникновения класса собственников и дерегулирования экономики ожидалось снижение уровня коррупции. По всей видимости, эти ожидания не просто не оправдались, но и осуществились с точностью до наоборот. Ссылкой на национальную традицию, способную извратить и обратить в свою противоположность любое самое разумное решение, удовлетвориться нельзя. Даже если признать её верной, за указаниями на такие обстоятельства, как русская душа, национальный характер или менталитет, либо абстракции более высокого уровня вроде человеческой природы следует признать вполне законное и достойное место вне научной коммуникации, в области не очень качественной беллетристики, идеологии, публицистики, политтехнологии. Обращаться к далёкому прошлому за объяснением нынешних проблем – дело также не самое перспективное, как показало объяснение преступности при социализме пережитками досоциалистических формаций. Что касается коррупции в условиях осуществления пакета рыночных преобразований, дело здесь вовсе не в неправильном осуществлении таких преобразований, а в самих преобразованиях – и это следовало учитывать в качестве неизбежных издержек, связанных с ними, дабы избежать неприятных разочарований.

В условиях приватизации возникает множество желающих обзавестись собственностью, а также специальные учреждения по проведению приватизации (Комитет по управлению госимуществом в России, Treuhand в Германии). Желаящих можно рассматривать как носителей спроса, приватизационные учреждения как носителей предложения. Предметом спроса и предложения являются отнюдь не только подлежащие приватизации объекты, но и «нелегальные льготы» или коррупционные услуги по передаче объектов в собственность по заниженным ценам. Соотношением спроса и предложения определяется динамика рынка, а из неё вытекает объём коррупционных трансакций. И то и другое переживает бум, экспандирует на протяжении определённого времени. При этом не наблюдается существенных различий между характером протекания данных процессов в России и Германии, что опять-таки заставляет признать недостаточность редукционистских объяснений, основанных на педалировании тезиса национально-культурной традиции (в России эти эффекты более заметны в силу тенденции восприятия: все мы видим в первую очередь то, что привыкли). Приватизационно-коррупционный взрыв ограничен во времени, однако последствия его остаются в виде налаженных сетей коррупционных связей и отработанных образцов решения проблем. В России эти последствия лишь накладываются на существующую специфику, немцы же несколько удивлены тем обстоятельством, что разговор о коррупции уже не обязательно вызывает ассоциации с дальними странами, но также и с поведением собственных бундесканцлеров, министров внутренних дел, регионального партийного руководства и т. д. (некоторые, обладающие повышенной остротой зрения и расширенным кругозором, видят уже не только то, что привыкли или что хочется видеть).

Менее интенсивные и более длительные эффекты имел процесс стимулирования предпринимательской активности. Результатом явился почти поголовный опыт попыток создания собственного дела, занятия коммерческим посредничеством и т. д. Некоторые совершали ряд попыток,

иные не заходили слишком далеко и глубоко. Кто-то продвинулся в этом направлении более основательно, причём таковых было гораздо больше, нежели тех, кто обладал достаточными способностями и разного рода (организационными, информационными) ресурсами или элементарно был не обременён излишним грузом ума, чести и совести. Кто-то заплатил своей жизнью, кто-то квартирой, кто-то утратой профессиональной квалификации в результате ухода из собственной профессиональной сферы. В Германии платой было зачастую пожизненное попадание в долговые отношения без какой-либо перспективы выбраться из них¹³. Однако нас интересуют не эти сопровождающие эффекты становления рыночной экономики сами по себе, а их значение для развития коррупции. Масса стремящихся к вхождению на рынок создаёт необъятный спрос на бюрократические услуги по обеспечению конкурентных преимуществ или заниженных издержек вхождения на рынок. Масса потерпевших неудачу создаёт необъятный спрос на урегулирование конфликтных ситуаций. Поначалу рынок этот был открыт и освоен теневыми субъектами, затем на него вступили официальные ведомства.

Когда предпринимательские страсти несколько поулеглись, малый бизнес по-прежнему остался зоной рискованного предпринимательства, каковой он является в любой, будь то трижды цивилизованной стране с наиболее благоприятным льготно-субвенционным режимом поддержки мелкого бизнеса. Из 10 попыток успешной оказывается лишь одна; это означает, что мелкому и среднему бизнесу имманентен спрос на обеспечение налоговых, таможенных и иных преимуществ за счёт личных контактов с государственной администрацией и коррупционных решений. Кто-то из *would-be-businessmen* преуспевает, кто-то более или менее благополучно уходит из предпринимательства. Однако и те и другие успевают внести свой вклад в обеспечение экономического базиса существования и процветания

---

¹³ По данным исследования «Стена пала – да здравствует стена! Развитие уголовной политики в Германии и России», выполненного одним из авторов при поддержке Центра изучения Германии и Европы.

коррупцированной бюрократии. К чисто материальному базису добавляется легитимационный. Начинающие предприниматели, в виду слабости своих стартовых позиций и перед лицом многочисленной конкуренции, вынуждены изыскивать все возможности сокращения затратной стороны, даже сопряжённые с нарушениями санитарно-гигиенических, экологических, технологических стандартов, техники безопасности и норм охраны труда, налогового и таможенного кодексов, с задействованием силовых ресурсов в конфликтных ситуациях. Массовые нарушения и конфликты обеспечивают легитимацию для ведомств, которые официально призваны реагировать на них; насколько уж эти ведомства усугубляют проблему вместо того, чтобы решать её, это другой вопрос. На сегодняшний день, чем меньшая доля народонаселения охвачена предпринимательскими настроениями, и чем больший сегмент общества ищет своего счастья иным путём, тем более узким будет экономический базис коррупции. Отсюда предположение: эксцессивная коррупция находится в прямой взаимосвязи с эксцессами рыночно-предпринимательской активности и ментальности.

Попробуем расчленить реальную коррупцию на 2 аспекта, получив в результате две ситуации, представленные в чрезвычайно упрощённом, схематизированном виде:

Ситуация А. Некто X задался целью создать своё дело и выйти на рынок. Собственного капитала ему не достаёт, на кредитных условиях он сделать этого не может: выплаты процентов на кредит, налогов, арендной платы, покрытие производственных издержек по совокупности сделали бы бизнес убыточным. И вот господин X обращается к своему бывшему однокласснику, работающему теперь в нужном комитете мэрии. Тот за определённую мзду обеспечивают ему некоторые конкурентные преимущества. Однако оплатить эту мзду, работая на условиях рентабельности, предусмотренной легальным режимом налогообложения, X не может. Для коррупционных выплат ему требуется не небольшая стабильная прибыль на длительную перспективу (обычная для цивилизованного предпринимательства или крупных корпораций, у которых небольшая прибыль при значительных оборотах составляет астрономические суммы). Нужна прибыль большая и сразу. Таковая обеспечивается за счёт дальнейшего поддержания

коррупционных отношений. Нетрудно заметить, что круг здесь замыкается: коррупция создаёт потребность в себе самой, является собственной предпосылкой и следствием.

Ситуация В. Некто У задался целью создать своё дело и выйти на рынок. Дело выполнимое при условии готовности господина У длительный период работать на дело, прежде чем дело начнёт работать на него. Это требует значительных усилий по организации производства, изучения законодательной базы, налаживанию необходимых контактов с поставщиками и клиентами и т. д. Усилия эти на первых порах обещают приносить лишь небольшую отдачу. Все свободные средства подлежат реинвестиции. Однако это господина У не устраивает. Его представления сформировались под воздействием масс-медиаальных картинок жизни новых русских и голливудовских фильмов о тех, кого в годы юности У было принято называть классовым врагом. Ему нужно сразу солидный автомобиль (или несколько), офис и прочие атрибуты успеха или успешного имиджа (что с точки зрения философов постмодернизма есть одно и то же). То же самое требуется его любовнице, любовнику его жены, любовнице отца его любовницы и т. д. К тому же не хочется тратить время и силы на легальное решение вопросов, которые нелегально могут быть решены быстро и безболезненно. И вот господин У обращается ... далее см. предыдущий абзац, начиная со слов «И вот господин Х обращается...», и до конца абзаца.

Ситуации предельно тривиальные, к тому же нереальные: в действительности А и Б, Х и У не существуют по отдельности: АБ всегда одна ситуация, а ХУ – одно лицо. Даже в качестве аспектов А и Б, Х и У неразделимы, и об отношениях первичности-вторичности речь может идти лишь настолько, насколько и в случае курицы с яйцом либо духа с материей. Нетривиальным является лишь значение представлений о первичности-вторичности для коммуникации о коррупции, в которой она конституируется либо как неизбежная, либо как эксцессивная. Если в качестве первичной представляется ситуация Б, коррупция представляется неизбежной и функциональной с точки зрения чиновников, которые не могут ведь жить на нищенскую зарплату. Если первична ситуация А, коррупция становится неизбежной и функциональной с точки зрения предпринимателей, поскольку только за счёт коррупции бизнес становится возможным как таковой.

Поэтому, предприниматели всегда будут говорить А, подразумевая Б, чиновники же – наоборот. В рамках либерального дискурса, более доброжелательного к предпринимательской стороне, эксцесс коррупции превращается в латентную категорию (такую, которую в силу ряда обстоятельств предпочитают не видеть, или делать вид, что не видят: Luhmann 1984: 456ff.) по мере того, как Б выдаётся за А.

Если же признать циркулярное, взаимообуславливающее отношение между А и Б, коррупция предстаёт в виде самореферентной, самовоспроизводящейся, структурно-детерминированной системы. А на месте модели антагонизма между двумя сторонами коррупционных отношений приходит модель симбиоза или сепаратного общественного договора между двумя слоями или классами общества. При этом не предприниматели становятся чиновниками, как в советские времена, а чиновники предпринимателями по своему габитусу, классовому сознанию, нормам поведения и чему бы там ни было. Рука руку моет, а хрен редьки не слаще. Представления же некоторых экономистов о желательности для предпринимателей мира без коррупции трудно определить иначе чем благоглупость (только вот, дескать, издержки переходного периода от одного состояния к другому слишком высоки). Если мы критикуем тов. Маркса за идеализацию класса пролетариев, то не следует уж самим впадать в ту же ошибку в отношении класса предпринимателей. Они – народ пластичный и с повышенной адаптивной способностью. Они в достаточно степени владеют арифметикой, чтобы сосчитать, что взятка меньше, нежели полная сумма налоговых платежей либо таможенных отчислений, или что инвестиции в устранение конкуренции посредством задействования административных ведомств очень рентабельны. Они научились жить и работать в коррупционной среде, и оказались бы скорее беспомощны, если бы чиновники разом отказались брать взятки и принялись решать все вопросы так, как это полагается по закону. Если кто-то объективно и заинтересован в мире без коррупции, это широкие массы наёмных работников (исключая топ-

менеджеров) и иные социально слабые слои населения. Лишь с их точки зрения коррупция эксцессивна как таковая.

Коррупция обуславливает и воспроизводит себя самоё, однако она не отвечает критериям определения автопойетической системы. Её характеристики, образ существования, масштабы в слишком значительной степени определяются внешней средой. Она не способна к поддержанию границ между собою и внешней средой, поэтому она не есть система в том смысле, в котором её понимают Никлас Луманн или Хумберто Матурана. Она детерминирована особенностями организации политической и экономической жизни, массовой культурой и коммуникацией. Вряд ли мыслима такая организация социальной жизни, при которой не будет коррупции или родственных ей феноменов. Однако таких феноменов может быть больше или меньше. И добиться их уменьшения, либо же нечаянно получить их увеличение невозможно прямым воздействием на коррупцию, будь то уголовное преследование или моральные крестовые походы (что отнюдь не означает призыва к отказу от того или другого). Существенные сдвиги могут произойти лишь в результате изменений широкого социального контекста: представлений о границах покупаемости/продаваемости (в духе известной песни группы Beatles), отношений власти и собственности, политической и экономической систем, институтов частной собственности, семьи и государства, конкурентной демократии, рыночной экономики и т. д.

8. Литература

- Бараева, Н. Б. (2002): Организованная преступность как социальный институт. Канд. социологических наук
- Бергер П.; Лукман Т. (1995): Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. – М.: Медиум
- Бровкин, В.Н. (2000): *Коррупция в России: Исторические причины возникновения и современное состояние.* – *Организованная преступность и коррупция. Исследования, обзоры, информация. Социально-правовой альманах*, №1: 67-71
- Быстрова, А. С.; Сильвестрос, М. В. (2000): *Феномен коррупции: некоторые исследовательские подходы.* – *Журнал социологии и социальной антропологии III*
- Водолеев, Г. С. (1995): Коррупция: Хроника региональной борьбы. – СПб
- Волженкин, Б. (1998): Коррупция. – СПб: СПб ин-тут генпрокуратуры
- Волков, В. (1999): *Политэкономия насилия, экономический рост и консолидация государства.* – *Вопросы экономики*, № 10
- Гидденс, Э. (1999) Социология. – М.: Эдиториал УРСС
- Гишинский, Я. (2002а): *Коррупция: теория и реальность.* – Расследование и судебное преследование коррупции. М-лы российско-американского семинара 23-24.09.1999. – СПб: Спб юр. Ун-тет ген. Прокуратуры РФ: 75-84
- Гишинский, Я. (2002б): Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. – СПб: Питер, с. 233-242
- Гишинский, Я. (2004а): Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – СПб: Юр. центр Пресс
- Гишинский, Я. (2004б): *Коррупция: теория и российская реальность.* – Актуальные проблемы трансформации социального пространства. – СПб: Леонтьевский центр: С. 151-172
- Голосенко, И. А. (1999): *Феномен «русской взятки»: Очерк истории отечественной социологии чиновничества.* – *Журнал социологии и социальной антропологии* 11(3)
- Горный, М. (ред.) (2000): Коррупция и борьба с ней: роль гражданского общества. – СПб: Норма
- Гражданские инициативы и предотвращение коррупции (2000): Ред. А. Ю. Сунгуров, СПб.: Норма.
- Кабанов, П. А. (1995): Коррупция и взяточничество в России. – Нижнекамск: Гузель

- Кабанов, П. А. (2004): Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение. – Казань: Новое знание.
- Кабанов, П. и Газимзянов Р. (2003): Коррупция в России: понятие, сущность, противодействие. – Набережные Челны
- Кирпичников, А. (1997): Взятка и коррупция в России. – СПб: Альфа
- Клямкин, И.; Тимофеев, Л. (2000): Теневой образ жизни: Социологический автопортрет постсоветского общества. М.: РГГУ
- Константинов А. (1997): Коррупцированный Петербург. – СПб.: Фолио-Пресс
- Коррупция и борьба с ней (2000). – М.: Криминологическая ассоциация
- Коррупция и борьба с ней: Роль гражданского общества (2000): Ред. М. Б. Горный. – СПб.: Норма
- Коррупция и борьба с ней: Роль законодательства (2000): Ред. М.Б. Горный. – СПб.: Норма.
- Кузнецов, И. (2000): Коррупция в системе государственного управления: социологическое исследование. Дис. ...канд. социологич. наук. – СПб ГУ
- Леденёва, А. (1999): *Блат и рынок: трансформация блата в постсоветском обществе.* – Т. Шанин (Ред.): Неформальная экономика: Россия и мир. – М.: Логос: 111-124
- Лунеев, В. В. (2000а): *Изучение организованной преступности в России в период действия нового уголовного законодательства (1997-1999 гг.).* – *Организованная преступность и коррупция 1*
- Лунеев, В. (2000б): *География организованной преступности и коррупции в России (1997-1999).* – *Государство и право 11*: 23-34
- Неформальная экономика. Россия и мир (1999):* Ред. Т. Шанин. – М.: Логос
- Олейник, А. Н. (2001а): *"Бизнес по понятиям": об институциональной модели российского капитализма.* – *Вопросы экономики 3*: 4-25
- Олейник, А.Н. (2000): *Институциональная экономика: Учебное пособие.* – М.: ИНФРА-М
- Олейник, А. Н. (2001б): *Дефицит права.* – *Вопросы экономики 4*
- Олейник, А. Н. (2001в): *Тюремная субкультура.* – М.: Инфра-М
- Олимпиева, И. (2004): *Малый бизнес и рынок бюрократических услуг в Санкт-петербурге.* – *Телескоп 2*: 22-28
- Петрова, Л. (2003): *Ненаучные заметки о некоммерческих организациях.* – *Пчела №4 (44), ноябрь-декабрь*: 20-21
- Преступность в России начала XXI века и реагирование на неё (2004): Ред. А. И. Долгова. – М.: Российская криминологическая ассоциация

- Радаев, В. (1998): *Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика.* – М.: Центр политических технологий
- Радаев, В. В. (2003): *Социология рынков: к формированию нового направления.* – М.: ГУ ВШЭ
- Региональные элиты Северо-Запада России. Политические и экономические ориентации (2001): Ред. А. В. Дука. – СПб.: Алетейя
- Рейсмен, В. М. (1988): *Скрытая ложь: Взятки: «крестовые походы» и реформы.* – М.: Прогресс
- Роуз-Аккерман, С. (2003): *Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы.* – М.: Логос
- Сатаров, Г. (2002): *Диагностика российской коррупции: социологический анализ (краткое резюме доклада).* – М.: Фонд ИНДЕМ
- Справочный документ о международной борьбе с коррупцией, подготовленный секретариатом ООН (1995) – A/CONF.169/14: 13 April*
- Тимофеев, Л. (2000): *Институциональная коррупция: очерки теории.* – М.: РГГУ
- Шаститко, А. Е. (2002): *Новая институциональная экономическая теория.* – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС
- Шестаков, Д. А. (2001): *Криминология. Краткий курс. Преступность как свойство общества.* – СПб: Лань
- Яковлев, А. М. (2001): *Социология преступности.* – М.: МНЮИ
- Anechiarico, F.; Jacobs J. (1996): *The Pursuit of Absolute Integrity: How Corruption Control Makes Government Ineffective.* – The University of Chicago
- Aromaa, K. & Lehti, M. (1996): *Foreign Companies and Crime in Eastern Europe. The Security Environment in St. Petersburg and Estonia in 1995.* – Helsinki
- Becker, G. (1968): *Crime and Punishment: An Economic Approach.* – *Journal of Political Economy*: vol. 76, № 2.
- Berg, N. & Holtbruegge, D. (2000): *Die Beziehungen multinationaler Unternehmungen zu ihren sozio-politischen Interessengruppen.* – Ergebnisse einer empirischen Untersuchung in Tochtergesellschaften deutscher Unternehmungen in der Russischen Foederation. Arbeitsbericht Nr. 29. Dortmund: Universitaet Dortmund
- Boers, K. (1997): *Sozialer Umbruch, Modernisierungsrisiken und Kriminalitaet.* – Boers, K; Gutsche, G. & Sessar, K. (Hrsg.): *Sozialer Umbruch und Kriminalitaet in Deutschland.* – Opladen: 35-52
- Christie, N. (1999): *A Much Needed Mafia.* – Manuscript

- Cohen, S. (1998): *The Tunnel at the End of the Light: Privatization, Business Networks and Economic Transformation in Russia.* – Berkeley, CA
- Coleman, J. (1985): *The Criminal Elite: The Sociology of White Collar Crime.* – NY: St. Martin's Press
- Curra, J. (2000): *The Relativity of Deviance.* – SAGE
- Davis, M. (1994): *City of Quartz. Ausgrabungen der Zukunft in L. A.* – Berlin/Goettingen
- Foucault M. (1976): *Ueberwachen und Strafen. Die Geburt des Gefaengnisses.* – Frankfurt/M.
- Friedrich C. J. (1972) *The Pathology of Politics: Violence, Betrayal, Corruption, Secrecy, and Propaganda.* – NY: Harper&Row.
- Gieth, F. & Knabe, B. (1992): *Wirtschaftsaktivitaeten in Russland. Lebens- und Arbeitsbedingungen deutscher Firmenvertreter.* – *Berichte des BIOst.* – 48 f.
- Glinkina, S. (1997): *Kriminelle Komponenten der russischen Wirtschaft: Typen und Dimensionen.* – *Berichte der BIOst*
- Goetz, R. (1997): *Besser spaet als nie: Der dritte Versuch einer "Radikalen Reform" der russischen Wirtschaft.* – *Aktuelle Analysen des BIOst*
- Golbert, V. (2001): *Implementierung der Marktwirtschaft und Kriminalitaetsentwicklung im postsozialistischen Russland.* – Gutsche, G. & Thiel, K. (Hrsg.): *Gesellschaft und Kriminalitaet im Wandel.* – Moenchengladbach: Forum-Verl. Godesberg: 161-210
- Heidenheimer A.; Johnston M.; & Le Vine V. (Eds.) (1989): *Political Corruption: A Handbook.* – New Brunswick: Transaction Publishers
- Hess, H. & Scheerer, S. (1997): *Was ist Kriminalitaet? Skizze einer konstruktivistischen Kriminalitaetstheorie.* – *Kriminologisches Journal* 29.Jg./Heft 7: 83-155
- Hoehmann, H.-H. (1997): *Wirtschaftslage und Stand der oekonomischen Systemtransformation in Russland.* – *Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament.* – B 30-31/18. Juli: 13-22
- Holtbruegge, D. (1989): *Managerial Problems of Joint Ventures in the Soviet Union.* In: *Dortmunder Beitrage zur Unternehmensfuehrung.* – Dortmund: Universitaet Dortmund, Arbeitsbericht Nr. 8
- Holtbruegge, D. (1994): *Personalbeschaffung in Mittel- und Osteuropa. Ergebnisse einer empirischen Untersuchung.* In: *Dortmunder Beitrage zur Unternehmensfuehrung.* – Dortmund: Universitaet Dortmund, Arbeitsbericht Nr. 17
- Harpprecht, K. (2003): *Die Glosse: Auch eine Insel der Menschlichkeit.* – *Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte* 9: 35-37

- Johnston, M. (1982): *Political Corruption and Public Policy in America*. – Monterey, CA: Brooks/Cole Publishing Co
- Kaiser, G. (1991) *Korruption: Eine Herausforderung für Recht und Gesellschaft*. – Festschrift für Jhong-Won Kim zum 60. Geburtstag. Seoul: Verlag Bub-Moon-Sa: 967-987
- Kugel, Y. & Gruenberg, G. (1977): *International Payoffs*. – Lexington Books.
- Ledeneva A. V. & Kurkchian, M. (2001) (eds.): *Economic Crime in Russia*. – Hague: Kluwer Law International
- Left N. (1964): *Economic Development through Bureaucratic Corruption*. – *The American Behavioral Scientist VIII*
- Luchterhandt, O. (1999): *Russlands unsicherer Weg zum Rechtsstaat*. In: *Osteuropa* – 11/12: 1108-1126
- Luhmann, N. (1984): *Soziale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie*. – Frankfurt/M.: Suhrkamp
- Luhmann, N. (1992): *Die Wissenschaft der Gesellschaft*. – Frankfurt/M.: Suhrkamp
- Luhmann, N. (1999): *Die Gesellschaft der Gesellschaft*. – Frankfurt/M.: Suhrkamp
- Meny, Y. (1996): Corruption “fin de siècle”: Changement, crise et transformation des valeurs. – *Revue internationale des sciences sociales 149 (September)*
- Neckel, S. (2000): *"Der unmoralische Tausch". Eine Soziologie der Kauflichkeit*. – Ders. (Hrsg.): *Die Macht der Unterscheidung. Essays zur Kulturosoziologie der modernen Gesellschaft*. – Frankfurt/M.: Campus, S. 60-66
- Nye, J. (1967): *Corruption and Political Development: A Cost-Benefit Analysis* – *American Political Science Review 61 (June)*
- Palmier L. (1983): *Bureaucratic Corruption and its Remedies*. – Clarke M. (Ed.): *Corruption: Causes, Consequences, and Controls*. – L
- Rose-Ackerman, S. (1978): *Corruption: A Study in Political Economy*. – NY: Academic Press
- Schuetz, A. (1972): *Der Fremde*. – Ders. (Hrsg.): *Gesammelte Aufsätze*. - Bd. 2: *Studien zur soziologischen Theorie*. – Den Haag
- Scott, J. (1972): *Comparative Political Corruption*. – Englewood Cliffs
- Sessar, K. (1997): Einführung zum Materialienband des internationalen Symposiums in Budapest. – Sessar, K. & Holler, M. (Hrsg.): *Sozialer Umbruch und Kriminalität in Mittel- und Osteuropa*. – Hamburg: Centaurus: 1-5
- Simmel, G. (1958): *Philosophie des Geldes*. – Berlin
- Sennett, R. (1998): *The Corrosion of Character. The Personal Consequences of Working in the New Capitalism*. – Norton

- Stelzer, E. *Erwartungen in der deutschen Wirtschaft an Gesetzgebung und Rechtspraxis in der Russischen Foederation.* – *Mitteilungen fuer deutsch-russisches Wirtschaftsrecht e. V.*, Nr. 18-19 (Jg. 11/2000): 21-27
- Szeleny, I. & Szeleny S, (1995): *Circulation or reproduction of elites during the postcommunist transformation of Eastern Europe.* – *Theory and Society. Renewal and Critique in Social Theory.* Volume 24/5, October: 615-638.
- Tilly, Ch. (1985): *War Making and State Making as Organized Crime.* – Evans, P.-B.; Rueschemeyer, D. & Scocpol, T. (eds.): *Bringing the State Back In.* – Cambridge
- Verband der deutschen Wirtschaft in der russischen Foederation/Friedrich-Ebert-Stiftung (2000): *Wie sicher lebt und arbeitet man in Moskau? Erfahrungen und Urteile von Deutschen.* – Moskau & Muenchen (<http://www.vdw.ru>, 18.08.2000)
- Weil, P. (1989): *Increasing Returns and Animal Spirits* – *Am. Ec. Review* 79 (4): 889-894
- Welge, M. K. & Holtbruegge, D. (1996) (Hrsg.): *Wirtschaftspartner Russland. Rahmenbedingungen-Kooperationsstrategien-Erfahrungsberichte.* – Wiesbaden
- Welge, M. K. & Holtbruegge, D. (1998): *Internationales Management.* – Landsberg a. L.
- Wewer, G. (1994): *Politische Korruption. Politik-Lexicon.* – München, Wein: Oldenbourg Verlag
- Zizek, S. (1999): *Die Tuecke des Subjekts.* – Frankfurt/M.: Suhrkamp: 466

9. Приложения

А. Путеводитель интервью по теме «Расширение некоррупционных каналов взаимодействия между бизнесом и государственной администрацией в России», для иностранных экспертов¹⁴, в переводе на русский язык.

1. Общая часть

- 1.1. Какой тип предприятия или бизнеса Вы представляете (обобщенная анонимизированная характеристика: крупное, среднее, мелкое; торговля, производство, сфера услуг; представительство, филиал, совместное предприятие и т. д.)?
- 1.2. Как долго Вы работаете в России?
- 1.3. В чём состоит предмет Вашей экономической деятельности в России?
- 1.4. С какими регионами России вы сотрудничает?
- 1.5. Что лежало в основе Вашего решения, выйти на российский рынок (отдельно: личного решения и выбора фирмы, предприятия, которое представляет собеседник)?

2. Российская специфика

- 2.1. В самом начале Вашей работы в России, что показалось Вам здесь особенно странным, неожиданным, удивительным?
- 2.2. Если были моменты, когда Вы чувствовали себя разочарованным и хотели прекратить работу в России, расскажите, пожалуйста, о таких моментах.
- 2.3. Было ли, напротив, так, что Ваши ожидания в отношении предстоящих трудностей и проблем не подтвердились или подтвердились не в полной степени?

3. Важнейшие партнёры

- 3.1. Помимо Ваших непосредственных бизнес-партнёров в России, с кем Вам приходится здесь взаимодействовать в рамках обеспечения условий для Вашей предпринимательской деятельности?
  - 3.1.1. Персонал предприятия, местные органы власти, таможня, налоговая служба и т. д.
  - 3.1.2. Не могли бы Вы упорядочить их по важности: кто более, кто менее важен?

---

¹⁴ Интервью проводилось, как правило, на немецком языке. Здесь путеводитель приводится в переводе на русский язык.

3.2. Включая Ваших бизнес-партнёров, какая из категорий названных Вами лиц или учреждений является наиболее проблемной?

3.2.1. Персонал предприятия, местные органы власти, таможня, налоговая служба и т. д.

3.2.2. Не могли бы Вы их упорядочить по проблемности: с кем больше, с кем меньше трудностей?

4. Конкретные характеристики проблем

4.1. Сейчас я хотел бы попросить Вас, вкратце рассказать об одном проблемном случае из практики Вашего взаимодействия с чиновниками или учреждениями. Это может быть случай из Вашего опыта, опыта Ваших знакомых и коллег. Меня не интересуют не имена ни какие-либо конкретные характеристики, на основе которых могли бы быть установлены лица, предприятия либо учреждения, о которых идёт речь.

4.1.1. Каковы были последствия данного случая?

4.2.2. Уход из сферы экономического сотрудничества с Россией, финансовые потери или иное.

4.2. В чём состояли попытки решения проблемы?

4.3. Что принесли попытки решения проблемы?

5. Обобщённые характеристики проблем

5.1. Расскажите, пожалуйста, о типичных проблемах в сфере взаимодействия между немецкими предпринимателями и российскими ведомствами.

5.2. Такие проблемы характерны только для России, или в Германии также встречается подобное?

5.3. Как немецкие предприятия и предприниматели в России обычно решают такие проблемы?

5.4. Насколько Вы можете судить, в чём состоят различия между подходами немецких и российских предпринимателей к решению таких проблем?

6. Коррупция как проблема и как средство решения проблем

6.1. Вопрос касается не Вашего предприятия, а отношений между иностранными предпринимателями и российскими органами власти в целом: представляют ли взятки серьёзную проблему в этих отношениях?

6.1.1. То есть, насколько распространены практики вымогательства взяток в сравнении с распространённостью их в собственной стране?

6.1.2. В какой степени они препятствуют развитию экономических отношений, предпринимательской активности, инвестиций?

- 6.2. В какой степени взятка выступает, напротив, средство решения проблем?
- 6.3. Насколько высоко содержание правды и, напротив, мифологии, в широко распространённых представлениях о неизбежности вступления в коррупционные отношения для предпринимателей, работающих в России?
- 6.4. Какие существуют возможности противостояния или уклонения от коррупционного давления со стороны российской бюрократии?

Спасибо за беседу.